ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА VI.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Штаба Виленскаго Военнаго Округа.

1870.

Дозволено Цензурою 30-го іюля 1870 года. Вильна.

I.

ДОКУМЕНТЫ,

объясняющіе взаимныя отношенія польской шляхты къ королю, другъ къ другу и другимъ сословіямъ.

12.

Опредѣленіе гродненскаго земскаго суда по дѣлу между помѣщикомъ Севастіаномъ Свяцкимъ и княземъ Кирикомъ Масальскимъ о нападеніи урядника сего послѣдняго, съ вооруженною толпою на село Жорославку, принадлежащее Свяцкому, и произведенный въ немъ разбой *). 1618 г. янв. 18.

На рокахъ судовыхъ земскихъ водле порадку статутоваго о трохъ кроляхъ святе Рымскомъ припалыхъ и судовне отправованныхъ, передъ нами врадниками судовыми земскими повету Городенскаго Кондратомъ Мелешкомъ судею, Яномъ Боуфаломъ подсудкомъ и Стефаномъ Неш-

*) Этотъ документъ представляетъ примѣръ нападенія подобнаго непріятельскому. Но за подачею княземъ Масальскимъ апелляціи въ трибуналъ на самоуправство его и насилія не обращено вниманія.

ковскимъ писаромъ, на местцу судовомъ постановившы се
очевисто умоцованый его милости пана Себастіяна Свяц
кого панъ Ярошъ Волкъ зъ моцью листовною на зыскъ
страту ему даною давалъ приволывать до права черег
вознаго его милости князя Кирика Мосальскаго и малжонк
его милости пани Анны Глядовицкое; за которымъ вола
немъ вознаго отъ его милости князя Кирика зъ моць
листовною панъ Павелъ Можейко, на зыскъ и страту ем
даною передъ нами се постановилъ; затымъ умоцованы
его милости пана Свяцкого, панъ Волкъ, доведшы слуш
ного поданя его милости князу Кирыку позвовъ на именья
Свислочы у повете Городенскомъ лежачомъ, сознанемъ во
ного Кузмы Заневскаго на враде признанымъ и трою пильно
ти на позве рукою писарскою написаною оказавши, жаловал
съ того позву на его милость князя Кирыка Масальскаг
и малжонку его милости о томъ: штожъ дей въ рок
прошломъ тисеча шестьсотъ шестнадцатомъ месеца декабр
двадцатого дня врадникъ вашъ именья вашого Свислочы
въ повете Городенскомъ лежачомъ найме Матыяшъ Та
бенскій, за росказанемъ и посланемъ вашимъ, забравшысе
зъ многими помощниками поддаными вашими тогож
именья вашого Свислочы вночы годинъ килька вночъ, на
ехавши моцно, кгвалтомъ на село его Свяцкого Жорославк
въ повете Городенскомъ лежачое, тамъ же дей трафившы
на людъ спячый безъ даня причины угоняючысе на конягъ
за поддаными, того села подданого его Себастыяна
Свяцкаго въ томъ селе мешкаючого Стефана Буйка рыбака
на улицы зъ ручницы, бронью незвыклою у руку правую
пострелилъ и зранилъ, съ котораго дей пострелення черезъ
увесь рокъ хвореетъ и ледве живъ зосталъ и теперъ дей
еще хвореетъ и на руку правую хромъ и ничого не вла-
днетъ рукою, яко дей то ширей и достаточней на опове-
даню и жалобе его поменено есть; а што дей онъ Себасты-

ивъ Свяцкій позывалъ васъ до суду нашого земскаго Гороценского въ року тепрешнемъ тисеча шестьсотъ семнадцатого на роки земскіе Городенскіе, которые о светой тройце вяте Римскомъ судити се мели, нижъ ли дей тые роки ужоные не были, въ чомъ всемъ онъ Себастьянъ Свяцки, маючи отъ васъ великое зневажене, крывду, жаль въ нелюбеню того подданого хворого и ухрамленого шкоду, о го зъ вами у права мовити хочетъ. По прочитаню того юзву, на доводъ жалобы въ позве описаное покладалъ выпись съ книгъ кгродскихъ Городенскихъ, датою року тисеча шестьсотъ шестнадцатого месеца декабря двадцать пятого дня, оповеданя врадника его милости пана Свяцкого Войтеха Рынтынского на его милости князя Масальскаго и малжонку его милости о кгвалтовное наслане на село и избите и пострелене подданого, въ томъ же выписе сознане возного Кузмы Заневскаго огледаня ранъ на томъ подданомъ, а за тымъ домавялъ се, абы за присегою врадника шляхтича, на его милости князю Кирику и малжонце его милости кгвалту копъ двадцать, а за присегою того подданого навезку рыбаку пять копъ грошей всказано было. А умоцованый его милости князя Кирика и малжонки его милости панъ Можейко поведилъ, же его милости князю Масальскому подданый утеклъ и тамъ же за збегомъ гонили и оного въ селе пана Свяцкого поймали, тамъ же подданые пана Свяцкаго отбить хотели и въ обороне се тое пострелене того подданого стало не въ селе, але вжо выехавшы зъ зела, яко то правда, же въ селе, нехай присягнутъ. А такъ мы врадъ, видечы то, ижъ умоцованый князя Кирыковъ на доводъ пану Свяцкому пустилъ, съ тыхъ причынъ врадику пана Свяцкого Войтеху Ратынскому на кгвалте, а подданому на бой присегу наказуемъ и денъ третій складаемъ, а по присязе кгвалту копъ двадцат грошей Литовскихъ, а подданому

рыбаку навезки пять копъ грошей на маетности его милости князя Кирыка Масальскаго пану Свяцкому всказуемъ. Отъ которого декрету нашого умоцованый князя Масальскаго и малжонки его милости панъ Можейко до суду головного апеловалъ; которой апеляцыи мы ему, ижъ самъ доброволне на доводъ пустилъ, за домовенемъ стороны поводовое не допустили, а кгды день третій той присязе припалъ, то есть, месеца генваря двадцатаго дня, урядникъ и подданный пана Свяцкаго, водлугъ наказу нашого, присегу выконати были готовые, нижъ ли одъ его милости князя Масальскаго намъ вряду позвы до суду головного поданы, зачымъ если и тую присегу до розпартя суду головного задержали. Которая справа до книгъ земскихъ Городенскихъ есть записана.

13.

Определеніе по делу, заведенному земяниномъ Радвиловичемъ о нанесеніи ему и жене его побоевъ и о захвате поземельнаго участка. 1621 г. янв. 16.

Передъ нами врадниками судовыми земскими повету Городенского, Кондратомъ Мелешкомъ судею, Юремъ Сопотькомъ подсудкомъ и Стефаномъ Нешковскимъ писаромъ, на местцу судовомъ постановившысе очевисто земенинъ господарскій повету Гогоденского панъ Амброжей Крыштофовичъ Кглиндичъ, злетилъ отъ себе очевисто у суду моцъ до права прыятелю своему пану Яну Клепацкому, который то панъ Клепацкій давалъ прыволывать до права черезъ возного земенина господарскаго повету Городенского пана Григория Радвиловича, за которымъ воланемъ

озного, тотъ Григорей Радвиловичъ самъ очевисто передъ ами постановилъ и моцъ одъ себе очевисто у суду злеилъ умоцованому своему пану Яну Шымаку, за тымъ анъ Клепацкій доведшы слушного поданя тому Радвило-вичу позву написомъ возного Кузмы Заневского, на име-ю его въ Кглиндичахъ у вызбе на окне положонымъ, на враде признанымъ и трою пильность на томъ позве рукою писарскою написаную оказавшы, жаловалъ съ того позву на того Григоря Радвиловича о томъ: штожъ дей въ року теперешнимъ тисеча шестсотъ днадцатомъ месеца мая дванадцатого дня, у во второкъ, кгды дей малжонка его Амброжея Кглиндича Полонея Савиновна съ челадю своею домовою сеяла ярыны огородные а мяновите тоесть бобы и пастернакъ, въ огороде на кгрунте дей своемъ властномъ, которое дей онъ Кглиндичъ собе вечностю купилъ у земенина господарского повету Городенского пана Павла Андреевича Радвиловича, лежачомъ у повете Городенскомъ, межы кгрунтами земянъ господарскихъ повету Городенского пановъ Кглиндичовъ, то етсь зъ одного боку при межы огорода и садибы кгрунту пана Миколая Григоревича Тидика зъ другого боку при межы кгрунту огорода и садибъ тебежъ Грышку Юревичу Радивиловичу жоны и сына твоего концомъ упираетъ у выгонъ спольный пановъ Кглиндичовъ, а другимъ концомъ упираетъ у кгрунтъ пана Матыса Кглиндича, то пакъ дей ты, Грышку Радивиловичъ, жона и сынъ твой сами особами своими и зъ многими помочниками своими мяновите у протестацыи помещеныхъ, не ведати зъ якихъ прычинъ звасднившысе на тую малжонку его Амброжея Кглиндича пани Полонею Сасиновну, але праве въ невинности ее и безъ даня одъ нея до звады прычыны жадное, нашедшы моцно кгвалтомъ на тотъ кгрунтъ огородъ ихъ вышей менованый, ее дей невесту, шляхтянку, учстивую и ни въ чемъ невинную, поко-

емъ права посполитого убезпечоную, бити забить, волаючи почали бить, били, мордовали, назадаючы равъ крывавыхъ, первей пястми по виденю у носъ, а потомъ кіими збили, змордовали, а кгды дей услышавшы тое великое волане и плачъ малжонки своее, панъ Амброжы Кглиндичъ, вышедшы зъ дому своего, хотечы се дей довседеть о таковомъ невинномъ и безправномъ битю малжонки своей, пришолъ тамъже на тотъ кгрунтъ свой звышъ менованы, тамъ же дей онѣ и самого его Амброжея Кглиндича на томъ властномъ кгрунте его также кіими збили и зранили и того кгрунту его властного купленного, ушыршъ на загонъ а у должъ может быти на трое гоны воловыхъ, моцно, кгвалтомъ у нихъ отнели, сохою, волами перегнали межу новую ку воли своей положили и ку кгрунту своему тотъ уластный кгрунтъ, куплю ихъ привернули, сень съ коморою и одрынъ две и поветъ на томъ кгрунте ихъ поставили, а ихъ съ того кгрунту спокойного держаня выбили и одняли, а мало еще на томъ маючы, чынечы большы деспектъ, на той же ниве су саду яблонь великую, овоцу доброго, зпсовали, полъ великую порубали, а другую грушу также доброго овоцу усю порубали, и у третее грушы половицу ее порубали и попсоволи, орабину и вербы тры порубали, которые згожы на корыта и на узголовки до колесъ, и тое дерево порубавшы до дому своего Кглиндинского звозили и на пожытокъ свой оное обернули; а учинившы дей вы таковый ктвалтъ, обелжене и шкоду имъ Амброжею Кглиндичу и малжонце его, и хотечи се зъ него ледаяко выслизнути и въ нечомъ невинны быти, заживши собе такое рады, якобы онѣ о томъ узели ведомость, же дей донесли до книгъ кгродскихъ Городенскихъ оповедане свое на насъ Амброжего Глиндича неслушное и непристойное, поменившы то, якобы дей онъ Амброжей Кглиндичъ мелъ кгвалтомъ на

грунтъ тый найти и ихъ побить, поранить и межу въ городе его овощовомъ зорали и того кгрунту на загонъ ринять, чого дей николи не было, бо если дей въ тотъ асъ имъ якое изранене стало, теды започаткомъ ихъ и въ бороне здоровя своего стать то такъ имъ муседо; въ омъ маючы одъ васъ собе невинное обелжене и шкоду томъ всемъ изъ вами правне мовити хочуть, а што ей васъ вже позвы нашими земскими Городенскими на оки Михаловские въ року теперешнемъ тисеча шесть отъ двадцатомъ прыпозвалъ, нижли дей тые роки не ошли и сужены не были, за чымъ тая справа зъ розудку правного конца узять не могла. По прочытаню того позву умоцованы пана Амброжея Кглиндича, анъ Янъ Клепацки, на доводъ жалобы въ позве описаное, покладалъ выписъ съ книгъ кгроцкихъ Городенскихъ, зъ датою року тисеча шесть сотъ двадцатого есеца мая чотырнадцатого дня, оповеданя его Амброжея Кглиндича на его Грышка Радвиловича, въ которомъ жалоба згодна зъ позвомъ; въ томъ же выписе озинане возного Кузмы Заневскаго огледаня зопсованя ежы, порубаня саду и вербя и огледаня бою, ранъ а немъ Амброжею Кглиндичу и на малжонце его кобы отъ его Радвиловича сталое, яко то ширей жалоба ихъ въ томъ выписе описана й доложена есть; пры чомъ покладалъ право свое вечыстое одъ Павла Адреевича Радвиловича купли того огорода зъ датою року тысеча шестсотъ семнадцатого месеца генвара двадцать третего дня, на враде земскомъ Городенскомъ на рокахъ трикрольскихъ въ року тисеча шестсотъ семнадцатомъ месеца генвара двадцат семого дня при-знаное; пры чомъ покладалъ выпись зъ книгъ земскихъ городенскихъ съ тоюжъ датою вписанья до книгъ того листу, въ которомъ выписе и сознане возного Яна

Простынского завоженя того кгрунту и притомъ еще на выбите зъ спокойного держаня и на бои свои и малжонки своее до присеги бралъ и водлугъ артыкулу деветдесятъ второго роздѣлу четвертого. А умоцованый Радвиловича панъ Шымакъ поведилъ, ижъ дей я его Кглиндича съ того кгрунту спокойного держапа невыбияль и если дей онъ Грыгорей тотъ огородъ держитъ, тогды яко свой властный, и съ тымъ се на судъ подкоморскій отзывалъ, и подавши артыкулъ семнаддатый зъ розделу девятого просилъ, абы на судъ подкоморскій одослано было. Мы врадъ видечы то, ижъ сторонами споръ идетъ о кгрунтъ тое справы яко се судить неналежаче, несудечы а заховуючы на обе стороне вцале вси поступки правные до суду належного подкоморского одсылаемъ, одъ которого декрету нашого умоцованый того Кглиндича панъ Клепацкій, до суду головного трибунальского апеливалъ,, которое апеляцыи мы ему яко въ речи не сужоное недопустили. И тая справа до книгъ земскихъ Городенскихъ есть записана.

14.

Определеніе по дѣлу о побояхъ и грабежахъ, причиненныхъ земяниномъ Иваномъ Богатыровичемъ боярину Адаму Батюшкевичу. 1621 г. іюня 14.

На рокахъ судовыхъ земскихъ о святой Тройцы святерымскомъ прыпалыхъ и судовне отправованыхъ, предъ нами Кондратомъ Мелешкомъ судею а Юріемъ Сопотькомъ подсудкомъ и Стефаномъ Кешковскимъ писаромъ, врадниками судовыми земскими повету Городенского, на местцу судовымъ, кгды съ порадку реестрового справа нижей

писаная ку отсуженю прыпала, постановившысе очевисто земенинъ повету Лидкого, панъ Янъ Прылуцкій, а показавшы моцъ на писме собе до справы нижей мененое отъ вельможного его милости пана Андрея Войны подчашого великого князства Литовскаго до справы нижей мененое данную, прыволывать давалъ до права черезъ возного за позвомъ земенина повету Городенского Яна Богатыревича; за которымъ воланемъ возного, кгды се онъ Богатыровичъ очевисто постановилъ и моцъ отъ себе пану Яну Клепацкому злетилъ, панъ Прилуцкій подання позву на именю пана Богатыревичовомъ у Богатыревичъ въ повете Городенскомъ лежачомъ, написомъ руки возного Кузмы Заневского прызнаный доведшы и трою пильность рукою писарскою написаною оказавши, жаловалъ съ того позву именемъ его милости пана подчашого на помененого Богатыревича въ крывде боярына его милости именя Свислоцкого, на име Адама Петровича Батюшкевича и жоны его Зофии Хмелевское о томъ: штожъ дей въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ двадцат первого месеца февраля шестнадцатого дня, едучы дей тому боярыну его милости пану подчашому Адаму Петровичу и зъ жоною своею Зофеею Хмелевскою по воду до реки Немна черезъ село Богатыревичи въ повете Городенскомъ лежачое, тамъже дей ты Яне Миколаевичу Богатыревичу съ помочниками своими, которыхъ дей ты лепей знаешъ и имена ихъ якъ кого зовутъ ведаешъ, оного дей боярына его милости пана подчашого и жону его Зофею Хмелевскую съ тыми дей помочниками своими окрутне и нелютостиве киями збили и зранили; пры которомъ дей бою взялъ и пограбилъ ты, Богатыровичу, вола купленого за копъ чотыры литовскихъ, изъ санми куплеными за грошей чотыры литовскихъ, бочку купленую за грошей шесть, дежу купленую за грошей чотыры, то дей все ты Богатыровичу побравшы и пограбив-

ши, до имевя своего въ селе Богатыровича отпровадилъ, о што дей его милость панъ подчашый правне мовити хочетъ. А на доводъ жалобы въ позве описаное панъ Прылуцкій покладалъ выписъ съ книхъ кгродскихъ Городенскихъ, подъ датою року тисеча шесть сотъ дватцать первого, месеца февраля осмнадцатого дня оповеданя врадника его милости пана подчашого Свислоцкого пана Войтеха Обремскаго о збите того боярина и жоны его на пана Богатыревича учыненое, въ которомъ и сознане вознаго Кузмы Заневскаго огледаня бою и ранъ на томъ боярыне и жоне его; въ томъ выписе жалоба съ позвомъ згодна естъ. А по прочытаню того позву и выпису панъ Прилуцкій, подавши артыкулъ четвертый и шостый зъ роздѣлу трынадцатого и артыкулъ третій зъ розделу дванадцатого, домавялсе, абы тому боярыну навезка и жоне его также и грабежъ совито, до того вины пять копъ грошей на пану Богатыревичу за прысегою того боярына и жоны его всказано и присужоно было. А умоцованый Богатыровичовъ панъ Клепацкій поведилъ, ижъ дей то имене пана Богатыровичово, съ которого его милость панъ подчашый позываетъ, неделеное естъ и естъ до того именя участниковъ немало, нехай его милость панъ подчашый всихъ запозоветъ, на тотъ часъ се панъ Богатыревичъ его милости усправедливитъ, и то ижъ черезъ тое село дороги жиякое нетъ. А умоцованый его милости пана подчашого, панъ Прылуцкій, поведилъ, ижъ се дей его милости не зъ маетности, але зъ самое особы пана Богатыревичовое крывда деетъ, его милость до участковъ неналежытъ, и яко то подобные речы, абы черезъ кождое село дороги немело быть, и домавялсе, абы тые зволоки на сторону отложывшы на пану Богатыревичу и на части его всказъ учынила. А такъ мы врадъ при оповеданю на враде учыненомъ тому боярыну его милости пана подчашого Адаму Петровичу Батюшкевичу

и жоне его прысегу наказуемъ на томъ бою и грабежу, яко го имъ правдиве отъ пана Богатыревича сталъ, прысегу наказуемъ и день третій складаемъ, а по прысезе навезки имъ водлугъ артыкулу третего розделу дванадцатого самому пять копъ грошей а жоне его совито десеть копъ грошей, за грабежъ вола зъ совитостью осмъ копъ грошей, за сани осмъ грошей, за бочку грошей дванадцать, за дежу грошей, осмъ, вины три рубли грошей, усего сумою копъ двадцать осмъ и грошей двадцать осмъ литовскихъ на пану Яну Богатыровичу и на маетности его, его милости пану подчашому вскazуемъ. Отъ которого декрету нашого панъ Богатыревичъ до суду головного Трибунальского апелевалъ, которое апелящыи мы ему допустили и тая справа до книгъ земскихъ есть записана.

14.

Определеніе по дѣлу заведенному земяниномъ Гродненскаго уѣзда Василіемъ Куликомъ съ земянами Ейсимонтами о причиненныхъ ему побояхъ и истязаніяхъ. 1646 г. янв. 16.

На рокахъ судовыхъ земскихъ о трохъ Кроляхъ святе рымскомъ прыпалыхъ и судовне у Городне отправованыхъ, передъ нами Яномъ Мицутою судею, Остафеемъ Кердеемъ подсудкомъ, старостою Городенскимъ, а Адамомъ Буховецкимъ писаромъ врадниками судовыми земскими повету Городенского, кгды съ порадку реестрового ку суженью прыпала справа межы земяны господарскими повету Городенского пана Василя Кулика съ паномъ Станиславомъ Ейсимонтомъ а малжонкою его пани Зановною Зофиею Гапоновною и сыномъ ихъ, яко самымъ принципаломъ, паномъ

Крыштофомъ Ейсимонтомъ и помоцниками его Яномъ Петровскимъ и Ордеемъ Василевичомъ, за позвомъ въ крывде и тыранскомъ зраненю и покалеченю сыновъ его Миколая и Павла Куликовъ, за тымъ о вины правные. До которое справы за прыволанемъ черезъ енерала роковаго сторонъ до права, панъ Васили Куликъ и сынове его, такъ тежъ панове Ейсимонтове сами очевисто постановившысе. моцы въ той справе до мовеня речы умоцованымъ своимъ панове Куликове пану Езофу Стралковскому, а панове Ейсимонтове пану Елиашу Новицкому устне злетили. За тымъ умоцованый стороны поводовое подания и положеня на имению помененыхъ особъ названомъ Ейсимонтовскомъ Ивановцахъ, въ повете Городенскомъ лежачомъ, позву и року за нимъ прыпалого написомъ енеральскимъ Костантого Ейсимонта на томъ позве учыненымъ, слушне, правне доведшы и трое волане на томъ позве рукою мене писара написаное оказавшы, кгды далей въ право поступовать и жалобы стороны своей доводити хотелъ, тогды умоцованы пановъ Ейсимонтовъ, не припущаючы оного до дальшого продукту, а показавшы противны одъ стороны своей пана Крыштофа Ейсимонта въ тойже справе по пановъ Куликовъ вынесеный позовъ, тежъ о збите и зранене ему на томъ же местцу и того дня отъ пановъ Куликовъ и помочниковъ ихъ сталое и о грабежъ черезъ тыхъ же особъ ему учынены, и подання того позву очевисто въ руки пану Василю Кулику черезъ тогожъ енерала вышъ мененого слушне правне доведшы и трое волане на томъ позве написаное рукою мене писара, такъ тежъ и виисъ реестра за тымъ позвомъ показавшы, злученя тыхъ позвовъ и тое справы у одно у насъ суду потребовалъ. Мы врадъ, прихиляючысе до права посполитого и тую справу за домавянемъ се умоцованого пана Крыштофа Ейсимонта, поневажъ же се тотъ учынокъ и бой одного дня и на одномъ местцу сталъ, тую справу въ одно

лучившы, далей въ право поступовати наказали. Якожъ въ дальшомъ поступку напередъ умоцованы пановъ Куликовъ, поднесши позовъ читалъ зъ него жалобу тыми словы, о томъ: штожъ дей верность твоя Станиславе Ейсимонте и зъ малжонкою своею того сына своего Крыштофа Ейсимонта, мало што на службу даючы, а маючы собе заслужалого, справившы ему лукъ, стрельбу, коня, сукна и шаблу, уставичне вжо отъ часу немалого, додаючы ему грошми, при собе его држите и ховаете, а менечы суседъ своихъ околичныхъ якимисъ неприятелми, бити, забияти росказуете, нижли онъ Крыштофъ Ейсимонтъ, маючы таковы достатокъ и отуху лихую одъ родичовъ своихъ уставичне по розныхъ месцахъ ездечы и компанию зъ людми свовольными корчомниками ведучы и зъ оными конверсуючы, кгволи и росказаню родичовъ своихъ чинечы, где однокольвекъ засевшы, людей собе невинныхъ уфаючы въ дружыну корчомную, помочниковъ таковыхъ, безвечытъ и невинне мордуетъ; якожъ и въ року теперешнимъ тисеча шестсотъ сорокъ пятомъ месеца сентебра третего дня, поменены сынове его пана Василя Кулика, Миколай и Павелъ Куликове, будучы у пашни своее на кгрунте въ селе его королевское милости названомъ Волотыню прысуду двора Красницкого лежачую въ повете Городенскомъ, для огледаня, еслибы якое шкоды албо испашы одъ кого не было, кгды тамъ бывшы а идучы назадъ ку домови своему Куликовскому лежачомъ въ повете Городенскомъ, а маючы тежъ потребы свое некоторые до арендарки земянина повету Городенского пана Крыштофа Павловича Ейсимонта у Ейсимонтахъ-Ивановцахъ на Красовщызне, лежачую въ повете Городенскомъ премешкиваючое на име Раины Антушевщанки Яновы Матеевское, и кгды дей тамъ до помененое Матеевское, до того дому Красовшызны прышли и того помененого Крыштофа Ейсимонта самого принцы-

пала и съ тыми помочниками его верху наменеными у того дому знашли, тамъ же въ томъ часе тотъ поменены Крыштофъ Ейсимонтъ, самый принцыпалъ и съ тыми помочниками, будучы людми опилыми, безъ даня одъ нихъ Миколая и Павла Куликовскихъ жадное наймнейшое причины тому Крыштофу Ейсимонту и помочникомъ его порвавшые до брони и шабель на нихъ. Миколая и Павла Куликовскихъ людей безбранпыхъ се бить почели а тотъ Ордей Василевичъ помочникъ киемъ при нихъ билъ, а кгды одного зъ нихъ Павла Кулика тымъ киемъ прыбилъ, который ажъ на землю палъ, тамъ же его лежачого тотъ Ордей держалъ, а онъ Крыштофъ Ейсимонтъ въ томъ часе его Павла Кулика лежачого и держачого, маючы собе по воли тыранской, а праве нехрестиянской, шаблею секлъ, первей ранъ килька задалъ, а кгды се въ томъ часе онъ Павелъ Куликовскій охороняючы здоровя и головы рукою левою уложылъ, тамъже ему тую руку левую по пясть самую утялъ, такъ ажъ рука зъ пальцами на землю упала, а потомъ прискочившы и до другого Миколая Кулика, оного тежъ сродзе а нелитостиве, чоловека безбронного посекъ и рану шкодливую и голову зъ левое стороны роговую задалъ, съ которое цыруликъ кости выбираетъ,—и такихъ за забитыхъ обудвухъ его Миколая и Павла Куликовъ на томъ местцу и урочыщу на Красовщызне у Ейсимонтахъ Ивановцахъ лежачомъ въ повете Городенскомъ, одышли и покинули а отходечы оттуль одповедь и похвалку на остатокъ здоровя, еслибы живы были и до права о то любо его Крыштофа Ейсимонта самого або родичовъ его позывали, обецуючы на потомъ гдекольвекъ потрапившы на смерть позабиять и маетность ихъ огнемъ спалить, а самъ ...... до козаковъ ехать; одъ которого такого срогого немилосерного а праве нехрестиянского зраненя тые Миколай и Павелъ Кулики петь ведемо если живы будутъ.

Иаючы тогды одъ него Крыштофа Ейсимонта и помочни-
ковъ его такое срокгое окалечене и немилосерное зранене,
 што болшое небудучы безпечни о остатки здоровя и ма-
тности своей, а хотечы о то все яко се вышей поменило
 до чого на потомъ право дорогу укажеть правомъ чинить,
іанъ Василъ Куликъ и зъ сынами своими симъ позвомъ на-
пимъ земскимъ Городенскимъ самъ особъ верху мененыхъ
рипозываетъ. А по прочытаню того позву умоцованы сто-
юны одпорное тежъ чыталъ жалобу стороны своей, кото-
ая такъ се въ собе маетъ: о томъ, ижъ въ року теперешнимъ тисеча шестсотъ сорокъ пятомъ месеца сентебра тре-
его дня, кгды дей онъ панъ Крыштофъ Ейсимонтъ въ по-
ошлости летъ родича своего и въ неспособности здоровя
удучого, а въ часъ дей рабочый бывшы въ некоторыхъ се-
ахъ розныхъ такъ его королевское милости и розно назва-
ыхъ до двора его королевское милости названого Красни-
ы въ повете Городенскомъ лежачого прислухаючыхъ, яко
ежъ и въ иншыхъ селахъ шляхецкихъ, также и на Бурне-
е въ некоторыхъ пановъ прыятелъ своихъ, для работниковъ
атегаючы до жнива и иншыхъ работъ господарскихъ и для
ншыхъ велю потребъ своихъ, по которыхъ дей зверненю
ъ тамтыхъ селъ и Бурнева, кгды се дей вжо ку домови
одича своего, до Ейсимонтовъ Ивановцовъ въ повете Горо-
енскомъ лежачого зворочавшы. уступилъ дей до корчомки
ана Крыштофа Павловича Ейсимонта, тамъ же у Ейсимон-
ахъ Ивановцахъ будучое, розумеючы то, жебы и тамъ еще
аботниковъ сколько здобыть могъ, то пакъ дей вы Кули-
и имены верху описаные, снать подобно маючы здавна
а него Крыштофа Станиславовича Ейсимонта якись гневъ
 ранкоръ, съ помоцниками своими на то приспособленны-
и, которыхъ вы дей Кулики сами лепей знаете имена и на-
виска, якъ которого зъ нихъ зовутъ и пишуть ведаете, бу-
учы вы сами Кулики и тые помочники ваши людьми опи-

лыми, пропомневшы впродъ бояяни Божое и встыду людского и срокгости права посполитого на таковыхъ своволь'ныхъ людей описаного, учынивши дей одностайную раду и намову, кгды дей вжо онъ Крыштофъ Ейсимонтъ справившы што было потреба, до коня своего на подворю стоячого зъ избы вышолъ, хотечы на коня всести и до дому родича своего одехати, тамъже дей вы Кулики Василеняти зо всею тою громадою яко се звышъ поменило и не поменило, зъ розными бронями до бою належачыми и не належачыми, шаблями, съ кийми, съ каменми, съ колемъ, заплотинами хто щымъ моглъ, его дей Крыштофа Ейсимонта чоловека спокойного вамъ ничого невинного, на подворю въ той Корчемце звышъ помененой, оскочившы, съ коня збили и прочъ отогнавшы, а потомъ лежачого якъ хотели такъ секли и кийми и каменми били и мордовали, и яко хотели такъ се надъ нимъ паствили, и бы дей некоторые люди прытомъ будучые его Крыштофа Ейсимонта не одратовали, снать бы дей на томъ месцу на смерть забили были, при которомъ дей бою взели и пограбили вы Кулики у его Крыштофа Ейсимонта коня зъ седломъ и зъ уздою и зъ усимъ седзенемъ, за которого коня давано золотыхъ пятдесятъ польскихъ, шерстю строкатого, а седло-кульбака зо всими потребами и зъ войлокомъ, которое седло коштовало копъ шесть Литовскихъ, уздечка коштовала золотый польский, которого дей коня у себе державшы черезъ три дни збегавшы, змордовавшы, осаднившы, скалечившы, назадъ выступили а седло и узду собе зоставили, которому дей взели и пограбили шаблю въ оправе простую, которая шабля коштовала золотыхъ осмъ польскихъ, шапку узели зелоную, шламою кисею подшытою, которая шапка коштовала золотыхъ шесть польскихъ, што усе то забравшы и пограбившы до дому дей своего до Куликовъ одвезли и одпровадили и на пожытокъ свой обернули дей есте

въ чомъ маючы онъ Крыштофъ Ейсимонтъ одъ васъ Куликовъ таковый великий жаль и крывду, а хотечы о то зъ вами у права мовити симъ позвомъ позываетъ. По которыхъ прочытаню обудвухъ сторонъ позовъ, напередъ умоцованы пановъ Куликовъ доводечы жалобы стороны своей поведилъ то: Рачилисте ваша милость врадъ зъ чытаного черезъ мене позву въ жалобе стороны моей добре зрозуметь, яко они панове Куликове въ невинности своей и безъ даня жадное прычины, такъ ганебные шванки и покалечене немилосерное себе безбронныхъ отъ пана Крыштофа Ейсимонта и помочниковъ его однесли, чого пробуючы, покладаю протестацыю о тотъ бой и ганебное тыранское зранене, о збите одъ пана Василя Кулика въ крывде сыновъ его пановъ Миколая и Павла Куликовъ на пана Станислава Ейсимонта, малжонку его пана Зиновиу Софию Гаповну и на сыновъ ихъ Крыштофа Ейсимонта въ одномъ местцу зъ ними яко родичами подъ послушенствомъ ихъ будучому и на одномъ хлебе мешкаючому, яко самого прынцыпала учынку въ позве менованого и на помоцниковъ его Яна Петровского и Ордея Василевича до книгъ кгродскихъ Городенскихъ донесеную, выписомъ съ тыхъ подъ датою року тисеча шестсотъ сорокъ пятого месеца сентебра пятого дня, прытомъ и реляцыю енерала Костантого Ейсимонта тогожъ року подъ днемъ десятымъ месеца сентебра въ кгроде Городенскомъ сознаную, посполу съ процесомъ, писаную, огледаня тыхъ ранъ, бою и такъ ганебного покалеченя, што шырей жалоба позовная о повинности ихъ которого дня и на якомъ местцу тотъ учынокъ сталъ и въ собе выражаетъ. За тымъ то указавшы у враду вашихъ милостей а съ права посполитого подавшы артыкулъ двадцать семый зъ розделу одинадцатого и констытуцию року тысеча шестсотъ трыдцать осмого, навезки обудвумъ имъ паномъ Куликомъ за такъ ганебное покалечене, посечене,

киевые раны и утяте руки, совитость на панахъ Ейсимонтахъ и на именю ихъ названомъ Есимонтахъ-Ивановцахъ, на которомъ о то позовъ покладано, и на инших всякихъ стороне своей паномъ Куликомъ всказаня, а самого его пана Крыштофа Ейсимонта водлугъ вышъ менованого поданого права на замокъ Городенски всказаня у вашихъ милостей суду прошу. А умоцованый пана Крыштофа Ейсимонта шыроце противу тому контрадыкуючы, а при позве стороны своей противне тежъ о бой по пановъ Куликовъ вынесеномъ стоечы, поведилъ то: ижъ непотребне панове Куликове сторону мою пана Крыштофа Ейсимонта, менечы якобы имъ о бой сталы, сами будучы винни, турбуете и его пана Ейсимонта, безъ даня одъ него намнейшое причины, съ помоцниками своими въ позовной жалобе и процесе меноваными побившы выеждающого съ корчмы пана Крыштофа Павловича Ейсимонта, который кгды звернувшысе зъ розныхъ селъ, до которыхъ для работниковъ ездилъ, вжо стамтуль, ку домови поворочалъ, тамъже до тое корчмы пана Ейсимонтовое для некоторыхъ потребъ своихъ вступилъ, где тыхъ пановъ Куликовъ пючы нашолъ, и кгды посправившы потребы свои до дому своего одъеждалъ и на коня всядалъ, тамъже они панове Куликове неведать съ чого а снать маючы якись давны ранкоръ на него, выпавшы зъ избы, безъ даня одъ него намнейшое причины, прискочывшы до него, некоторые добывшы шабель а другие до киевъ порвавшы се, до розного оружа, почели его бить, мордовать и заледво позадававшы ему шкодливые раны жывого пустили, при которомъ бою и грабежъ немалый въ процесе и въ позву менованы учынили; чого пробуючы процесъ и тотъ бой и грабежъ до книгъ кгродскихъ Городенскихъ, подъ датою року прошлого тисеча шесть сотъ сорокъ пятаго месеца сентебра ...того дня, донесены, зъ реляцыею енеральскою сознаня Бо-

тантого Ейсимонта огледаня тыхъ ранъ и боевъ покладаю, ъ которомъ шырей вся речъ, бой, невинность и грабежъ талы описана и выражона есть; а теперъ панове Кулико- е уходечы своего лихого поступку и якобы съ того вы- слизнуть могли, егожъ пана Ейсимонта побившы и такъ елики грабежъ учынившы, на нимъ же еще винъ и на- везокъ якихъси домавляють; указавшы теды то у суду ва- шихъ милостей, ижъ сторона моя панъ Ейсимонтъ ни въ чомъ паномъ Куликомъ виннымъ не естъ, еще на дальшій доводъ было ли бы узнане вашихъ милостей суду и до прысеги на томъ, яко справедливе панове Куликове его па- на Ейсимонта безъ даня одъ него наймнейшое причыны собе, збили и зранили и тые раны въ реляцыи менованые одъ нихъ сталые и такъ много грабежъ яко процесъ опе- ваетъ, учынили; а по таковой прысезе такъ навезки яко и седзеня водлугъ права посполитого всказаня на панахъ Куликахъ и маетности ихъ, на которой о то позовъ покла- дано, стороне своей пану Ейсимонту, особливе отъ жалобы пановъ Куликовъ волненя у вашихъ милостей враду про- шу и домавляю. Противъ чому умоцованы пановъ Кули- ковъ поведилъ: видоме се то у суду вашихъ милостей по- казуетъ, яковыми терминами панъ Ейсимонтъ зъ стороною моею паны Куликами на дальшій ихъ жаль и неутулоный плачъ поступуетъ, албовемъ съ тыми помочниками своими вышъ меноваными безвинне и нелютостиве тыранско, по- секшы, поранившы и побившы, которого такъ тыранского скалеченя и трупъ утятое руки передъ судомъ вашихъ ми- лостей покладаю, теперъ хотечы съ того всего выслизнуть невинне, позановавшысе процеса до книгъ еще на бою яко- бы ему одъ нихъ пановъ Куликовъ сталымъ, которого ни- коли небили, албовемъ и трудно было безъ руки оставшы бить кого, и на грабежъ, которого сторона моя николи не брала, до прысеги беретъ а за тымъ навезки, грабежъ и

вказаня на стороне моей просить, до которое сторона моя жалобы при такъ видомымъ покалеченю и безъ прысеги обейсти се могла, близша водлугъ права посполитого есть, которымъ было ли бы узнане вашихъ милостей суду на томъ яко справедливе имъ тотъ бой, зранене и покалечене въ процесе и реляцыи менованое и утяте руки пану Павлу Кулику черезъ пана Крыштофа Ейсимонта и помоцниковъ его безъ даня отъ нихъ пановъ Куликовъ намнейшое оному причыны на местцу въ процесе менованымъ стало, на прысегу беручы, а по прысезе всказанъя водлугъ вышъ цытованого въ першой контроверсыи права и домовляня. такъ навезокъ, седенья стороне своей на пану Ейсимонте у вашихъ милостей суду прошу, а до помочниковъ пана Ейсимонтовыхъ въ процесе имены менованыхъ вольного мовеня захованя домавляю. А такъ мы врадъ въ той справе пана Василя Кулика съ паномъ Станиславомъ Ейсимонтомъ. малжонкою его и сыномъ ихъ, якошъ самымъ прынцыпаломъ паномъ Крыштофомъ Ейсимонтомъ и помощниками его Яномъ Петровскимъ, Ордеемъ Василевичомъ за позвомъ во крывде о тыранскомъ зраненю и покалеченю сыновъ его Миколая а Павла Куликовъ, особливе за позвомъ жалобы противнымъ способомъ пана Крыштофа Ейсимонта съ паны Миколаемъ, Павломъ, Кгабрыелемъ и Грыгоремъ Василевичами Куликами самыми принцыпалами, а съ паны Андреемъ, Остафеемъ и Иваномъ Куликами, яко помочниками, якобы о збите и зранене ему отъ тыхъ особъ и въ тойже корчме пана Крыштофа Ейсимонта въ Ейсимонтахъ лежачое сталое, о грабежъ подчасъ тогожъ бою ему учыненю, за тымъ зъ обудвухъ сторонъ о вины правные; въ которой справе по злученю тыхъ запозвовъ водле домовляня умоцованого пана Ейсимонта вольного въ самой речи зъ очевистое обудву сторонъ контроверсыи умоцованы пана Крыштофа Ейсимонта доводилъ зъ запозву и съ процесу о томъ

ой учыненого, же тые панове Куликове и съ помощниками воими выеждчаючого его съ корчмы пана Крыштофа Ейимонта лежачое въ Ейсимонтахъ на Красовщызне, безъ дания жадное причыны збили и немилосерне поранили, и въ отъ же часъ грабежъ въ процесе и позве менованы учыили, на чомъ и до прысеги стороне своей беручы, а по прысезе вказаня ведле права навезки грабежъ на панахъ Куликохъ домавялъ; а умоцованый пановъ Куликовъ тежъ ъ процесу реляцыи енеральское, и зъ запозву доводилъ огоже, кгды панове Миколай и Павелъ Куликове, идучи полъ и вступили для потребъ своихъ до корчмы вышменованое пана Ейсимонтовое, тамже, пана Крыштофа Ейсимонта и съ тыми помочниками его седячыхъ нашли, которые будучи людми опилыми, безъ даня жадное одъ нихъ пановъ Куликовъ причыны, неведать съ чого добывшы шабель, а другие до киевъ порвавшысе, почели ихъ бить сечъ и мордовать, якожъ и шкодливые раны обудвумъ въ покалеченю на члонкахъ особливе пану Павлу Кулику руку левую прочъ отсекли, позадавали, о чомъ ширей въ процесе и реляцыи описуетъ, на чомъ и до прысеги стороне своей беручы, а по прысезе вказаня тежъ водле права такъ навезокъ яко и седзеня домавялъ: мы врадъ вси околичности и подобенства въ той справе добре уважывшы, а до права посполитого прыхиляючысе, поневажъ же тотъ учынокъ и зранене зъ обудву сторонъ одного дня на одномъ местцу и урочыщу сталъ, близшыхъ пановъ Куликовъ до прысеги быть узнаваемъ, которымъ водле добровольного взятя ихъ на томъ яко справедливе имъ тотъ бой, зранене и покалечене въ процесе и реляцыи мекованое и утяте руки пану Павлу Кулику черезъ пана Крыштофа Ейсимонта и помощниковъ его безъ даня одъ нихъ пановъ Куликовъ намнейшое оное причыны на местцу вышменованомъ стало прысегу вказуемъ и день третій оной тутъ передъ собою сведа-

даемъ,—а по таковой прысезе мы врадъ водлугъ права посполитого артыкулу двадцат семого зъ розделу одинадцатого и констытуцыи року тисеча шестсотъ трыдцать осмого, навезки обудвумъ имъ за такъ ганебное покалечене, посечене, киевые раны и утяте руки, совито рахуючы обудвумъ по сту копъ грошей литовскихъ, што учынитъ всего сумою и съ пересудкомъ намъ враду отъ того даныкъ двесте шесть копъ и грошей сорокъ пять на пану Крыштофе Ейсимонте, и на именю его названомъ Ейсимонтахъ-Ивановцахъ въ повете Городенскомъ лежачомъ, на которомъ о то позовъ покладано, и на инныхъ всякихъ маетностяхъ его лежачыхъ, рухомыхъ сумахъ пенежныхъ, гдекольвекъ будучыхъ, паномъ Миколаю и Павлу Куликомъ, а самаго его водлугъ права за таки его поступокъ на седзене въ замку Городенскомъ въ вежы на дне, за кождого зъ нихъ пановъ Куликовъ по недель двадцать чотыры вказуемъ, которое седзене одъ даты сего декрету нашого за недель чотыры засевшы все сполна подъ винами правными выконати маетъ, якожъ и до одправы прыхоженья за вышъ менованую суму на томъ именю возного поветового прыдаемъ; а што се ткнетъ помочниковъ въ процесе менованыхъ, до тыхъ волное мовене паномъ Куликомъ заховуемъ. Одъ которого декрету нашого, умоцованый пана Ейсимонта, менуючы его собе быть за неправны, а то въ томъ, жесмы ближшого пана Ейсимонта до прысеги неузнали и одъ жалобы пановъ Куликовъ неуволнили, передъ судъ головный трыбунальный апелевалъ; которое апеляцыи и мы врадъ допустили, и маютъ оное обедве стороне пилновать въ року теперешнемъ въ Вильнѣ въ термине суженя справъ воеводства Троцкого и повету Городенского. Якожъ и тую прысегу пановъ Куликовъ до розпартясе о то межы ними въ Трыбунале суспендуемъ. Которая справа, яко се у суду точыла, естъ до книгъ земскихъ Городенскихъ записана.

16.

Определеніе Гродненскаго земскаго суда по делу о разбоѣ, произведенномъ на дорогѣ помѣщиками Гродненскаго уѣзда Адамомъ Константиновичемъ и Андреемъ Эйсимонтомъ съ ихъ помощниками. 1646 г. янв. 17.

На рокахъ судовыхъ земскихъ о трохъ Короляхъ святе ымскомъ припалыхъ и судовне у Гродне отправованныхъ, редъ нами врадниками господарскими судовыми земскими овету Городенского Іаномъ Мицутою судьею, Остафеемъ ердеемъ подсудкомъ старостою Ровенскихъ и Адамомъ уховецкимъ писаромъ, кгды съ порадку реестрового ку женю припала справа Земенина господарского повету ородевского пана Миколая Ейсимонта зъ земяны тогожъ овету Городенского паномъ Адамомъ Константиновичомъ съ паномъ Андреемъ Станиславовичомъ Ейсимонтами, ымыми принципалами зъ докладомъ малжонокъ ихъ, для эзбияня позву, и зъ докладомъ помочниковъ ихъ, Богдана Матея Крупелевъ и Василия Константиновича, о бите зранене его пана Миколая Ейсимонта на дорозе добро-льной едучому противко дому его пана Андрея Ейси-нта сталыи за двоима позвы по вышъ мененыхъ особъ несеными. До которое справы за преволанемъ черезъ ерала рокового сторонъ до права, жалобливый панъ Ей-монтъ самъ очевисто постановившы моцъ до мовеня въ й справе умоцованому своему пану Езефу Стралковскому, позваные сами пану Гелиашу Новицкому устное мовене етили; затымъ умоцованый пана Миколая Ейсимонта по ню позву пану Константиновичу на именю его Толоч-вскомъ, Подмадомленскомъ, а пану Станиславу Ейсимонту имснехъ его Ейсимонтахъ на Тоболе лежачихъ въ по-

вете Городенскомъ черезъ возного Яна Ейсимонта, очевистымъ сознанемъ его днемъ передъ роками слушне и правне доведши и трое воляне пильности написомъ руки свое писарское написаное на нихъ оказавши, поднесши позовку чытаню, жаловалъ зъ него о томъ на васъ, чтожъ дей въ року тисеча шестьсотъ сорокъ четвертаго месяца сентебря дватцать пятаго дня, будучы дей ему пану Миколаю Ейсимонту у земенина нашого повету Городенскаго пана Яна Обуховского на погребѣ малжонки его и вжо отправившы погребъ ехалъ до дому своего Ейсмонтовскаго Подтобольского, лежачого у повете Городенскомъ дорогою доброволъною мимо дома тыхъ же пановъ Ейсимонтовъ, которая идетъ зъ разныхъ селъ до села Тоболей, и вже приезджаючы противко дому того Андрея Ейсимонта могло быть година альбо большъ въ ночы, то пакъ дей ты Константиновичу выехавшы зъ дому того Андрея Ейсимонта на той дорозе вышъ мененой, будучи человекомъ опилымъ, поткавши его пана Миколая Ейсимонта противъ дому твоего, Андрею Ейсимонте, кгды онъ Ейсимонтъ верхомъ едучи почавъ тебе Константиновичу миятъ, то пакъ дей ты Константиновичу яко въ ночы учинившы крыкъ, галасъ, называючы дей его, што то за человекъ чили тежъ бесъ, повторе, потрети то на него мовилъ, на которое твое Константиновичу мовене онъ дей панъ Миколай Ейсимонтъ отповеделъ не бесъ я, але человѣкъ и до дому своего еду, такъ же дей ты Адама Константиновичу порвавшысе до корда почалъ на него сечь и въ голову седячого на коню на рогъ чела ранилъ у бокъ левый черезъ обедве сукни и кошулю шкодливе ранилъ и коня шерстю гнедого который коштовалъ сорокъ золотыхъ польскихъ въ лобъ ранилъ, где вжо противко воротъ того Андрея Ейсимонта раненого его пана Миколая Ейсимонта конь изъ себе збилъ на садибе пана Адама Ейсимонта

ешкаючого, тамъ же дей ты, Андрею Ейсмонте, съ тыми омощниками своими, вышъ меноваными и зъ челядью омовою и белыми головами, учинившы крикъ, галасъ, ыпадшы зъ дому своего того року, месеца и дня, звышъ исаного, шаблями, кардами, киями и розными бронями, орвавшы дей его Ейсимонта за лобъ, о землю обваливѣшы, ы Андрею Ейсимонте съ тыми помощниками своими на абите того пана Адама Ейсимонта вжо ранного повели, беймаючы поплечамъ лежачого на земли шаблями, киями били, шкодливе зранили, штыхомъ въ ногу левую черезъ ютъ надъ плосного пробили, а ты Константиновичу, прыавшы повторе на тую садибу Адама Ейсимонта въ руку правую его Миколая Ейсимонта шкодливе ранилъ и въ палецъ левое руки ранилъ, съ которого раненя неведомо если будетъ рукою владать. При которомъ збитю и зраненю взяли и пограбили есте колпакъ фалюндышовый, лазуровый, лисами увесь подбитый, который коштовалъ золотыхъ семь польскихъ, а отходечы, Андрею Ейсимонте, того року, месеца и дня звышъ писанаго, отповедь на здрове его Ейсимонта забитемъ и маетности его въ нивечъ оберненемъ учинилъ, а еслибы бой и ранене не стало которому зъ васъ, тогды за початкомъ вашымъ стати мусели, о што до васъ хотечы правне мовити симъ позвомъ нашимъ земскимъ Городенскимъ передъ судъ нашъ земскій Городенскій позываемъ. По прочитаню позву умоцованый жалобливого пана Миколая Ейсимонта, ижъ се то и бой и зранене стало одного дня и немаль на одномъ местцу напередъ одъ пана Константиновича едучому на дорозе ку домови сталъ неподалеку одъ дому пана Андрея Ейсимонта, што услышавшы и панъ Ейсимонтъ, выпадши зъ дому своего, съ помочниками, съ челядьми, кгды вжо съ коня збилъ его пана Миколая Ейсимонта, вжо раненого розными бронями, киями збили, змордовали подле дому своего, а онъ

панъ Константиновичъ припадшы на тое местце повторе его пана Миколая Ейсимонта па садибе пана Адама Ейсимонта два раза въ руку и въ палецъ ранилъ, при которомъ бою колпакъ лисомъ подшитый фалендышовый коштуючый, купный за семь злотыхъ польскихъ заграбили; на што покладалъ выпись съ книгъ кгродскихъ Городенскихъ подъ датою року тисеча шесть сотъ сорокъ четвертаго месеца сентября двадцать семого дня оповеданя того бою зъ реляцыею возного огледаня ранъ сечоныхъ и битыхъ при оповеданю реляцыи жалобливому на бою одъ пана Константиновича по двакротнымъ, а одъ пана Ейсимонта Андрея на бою киями и шаблями сталомъ, на грабежу шапки до доводу на присегу бралъ, а по присезе всказаня навезки, седеня такъ на пану Константиновичу за подвакротное зранене, яко и на пану Андрею Ейсимонте за бой и зранене водлугъ артыкулу двадцать семого зъ розделу одинадцатого навезокъ и сиденя домавялъ. А умоцованный пана Андрея Ейсимонта выводечи невинность его въ томъ обжалованю, ижъ не только абы якъ пана Миколая Ейсимонта выпадшы зъ дому своего съ помощниками, яко обжаловалъ, не билъ, але о той зваде пана Константиновича съ ними паномъ Миколаемъ Ейсимонтомъ не слышалъ, зъ дому своего не выпадалъ и не ведалъ, поначавшы процесъ оповеданя его, же невинне обжалованъ съ книгъ кгродскихъ Городенскихъ подъ датою тогожъ року тисеча шестьсотъ сорокъ четвертого, месеца ноября двадцать семого дня донесеный о невинности своей, при процесе, же въ томъ невиненъ пану Андрею Ейсимонту, на томъ, яко зъ дому зъ помочниками теми не выбегалъ, о зваде на дорозе не ведзялъ, пана Миколая Ейсимонта не билъ, чапки не грабилъ, о томъ бою не ведаетъ, само второму зъ жоною на присегу бралъ, а по присязе вольности одъ тое жалобы потребовалъ и домовялъ, абы на томъ сказ

палъ съ кого звада была. Тотъ же умоцованый одъ пана Константиновича поведилъ, ижъ панъ Константиновичъ, будучи человекомъ спокойнымъ, ехалъ до дому своего Константиновского, въ повете Городенскомъ лежачого, тою дорогою, которою панъ Миколай Ейсимонтъ нагонившы его пана Константиновича въ почи шкодливе поранилъ, на руку окалечилъ, яко то и самъ въ процесе своемъ описалъ; жели се якое зранене стало, то якобы въ обороне, але стороне моей пану Константиновичу сталосе зранене за початкомъ пана Ейсимонта, а пану Ейсимонту въ обороне, а чомъ стороне моей пону Константиновичу, яко причины до звады не давалъ, але въ обороне примушоный будучи боронилъ на присегу беру, а по присезе увольненя одъ тое жалобы прошу и домовляю, а о зранене стороны моей вольное мовене заховую. На што умоцованый пана Миколая Ейсимонта поведилъ, же якомъ процесомъ пробовалъ, ижъ стороне моей впередъ одъ пана Константиновича, который выехавшы зъ дому пана Андрея Ейсимонта пяный давшы причину стороне и который самъ одинъ ехалъ, поранилъ, такъ и повторе за выпаденемъ пана Андрея Ейсимонта зъ дому зъ громадою, где и панъ Константиновичъ повторе припадшы шкодливе ранилъ, что процесомъ и реляцыею огледаня ранъ пробоваломъ, а имъ жадное зранене не стало, абы при голыхъ словахъ до отводу припущени не были, але сторона моя на ранахъ значныхъ до доводу припущона была, прошу и домовляю водле высокого домовляня моего всказу. А такъ мы врадъ въ той праве пана Миколая Ейсимонта съ паномъ Адамомъ Константиновичомъ и съ паномъ Андреемъ Ейсимонтомъ съ помочниками ихъ Богданомъ и Матысомъ Крупелями и Василіемъ Андреевичомъ Константиновичомъ, а для не пошеня позвовъ зъ докладомъ малжонокъ ихъ пана Ейсимонта и пана Константиновича за двоима по нихъ позвы

менечы о бите и зранене едучому на дорозе водле дому пана Андрея Ейсимонта сталомъ, о грабежъ шапки, за тымъ о вины правные. Въ которой справе зъ очевисто мовеня передъ нами обудвухъ сторонъ, выслухавшы мовеня споровъ оныхъ, поневажъ панъ Андрей Ейсимонтъ взявши ведомость о донесеномъ до книгъ процесе, въ томъ на себе противный процесъ на него пана Миколая Ейсимонта о невинное помовене себе въ томъ до книгъ до насъ и самовторъ зъ жоною до присеги бралъ, яко зъ дому своего съ помочниками не выбегалъ, его не билъ и о той звадe съ паномъ Константиновичомъ, ежели была не ведалъ, а по присязе отъ тое жалобы увольненя потребовалъ, и мы врадъ прихиляючисе до права слушности, его пана Андрея Ейсимонта до одводу близшого узнаваемъ на пунктахъ, яко самъ бралъ присегу самовторему сказуемъ и день третій выконать оную передъ собою складаемъ, а по присязе одъ того обжалованя пана Андрея Ейсимонта увольняемъ. А съ паномъ Константиновичомъ, любо тежъ до присеги бралъ, же ему зранене отъ пана Миколая Есимонта на тотъ часъ стало, выслухавшы мовеня споровъ обудвухъ сторонъ, при оповеданю реляцыи, огледаня ранъ пана Миколая Ейсимонта близкого на ранахъ до доводу узнаваемъ и присегу сказуемъ на томъ, ижъ панъ Константиновичъ едучому дорогою причину до звады далъ, поранилъ и повторе на садибе пана Адама Ейсимонта за збитемъ съ коня поранилъ и грабежъ шапки учинилъ, которую дня третего передъ нами выконати маетъ, а по присязе за подвакротный бой, зранене кордомъ, не мало ранъ заданыхъ розныхъ, невезки сорокъ копъ грошей за рану роговую въ голове заданую тридцать копъ грошей водле артыкулу двадцать семого розделу одинадцатого и седеня въ замку Городенскомъ на недель дванадцать, за колпакъ пограбеный совито золотыхъ чотырнадцать польскихъ, всего

зумою съ пересудомъ, одъ того намъ данымъ, копъ семдесятъ осемъ и грошей семъ Литовскихъ на нимъ пану Адаму Константиновичу и маетности его Толочковской, где о то позовъ покладано, всказуемъ и до отправы приходить возного придаемъ, а везеня отъ даты сего декрету за недель чотыры въ замку Городенскомъ все сполна подъ винами правныма выконати маетъ, въ чомъ на спротивного заруку такъ великую, яко важность речи осужоное выносить, закладаемъ. Отъ которого декрету нашого панъ Константиновичъ розумеючи собе зъ уближенемъ въ томъ, жесьмы его близшаго до доводу не узнали, до суду Головного Трибунального апеловалъ, которое апелацыи и мы врадъ допустили, маютъ обедве стороне оное пилновать въ термине суженя справъ воеводства Троцкого и повету Городенского въ семъ року тисеча шестьсотъ сорокъ шостомъ у Вильни. А кгды день третій присязе пана Андрея Ейсимонта водле наказу нашого, на которую и сторона позволила, припалъ, которую выконати зъ роты выданое на пунктахъ мянованыхъ готовъ былъ, жалобливый панъ Миколай Ейсимонтъ пана Андрея Ейсимонта зъ присеги вызволилъ. Которая справа, яко у суду точыла, до книгъ земскихъ Городенскихъ есть записана.

II.

SERVUS SERVORUM

или

СМИРЕНІЕ ПАПЪ.

*(Продолженіе *).*

IV. Два Иннокентія (III и IV 1198—1254) и нищенствующіе монахи.

Ожесточенная борьба двухъ властей, духовной и свѣтской, со смертію Гильдебранда не прекратилась; напротивъ, каждый изъ послѣдующихъ папъ пытался въ большей или меньшей мѣрѣ, соотвѣтственно своимъ способностямъ, быть Гильдебрандомъ. Не имѣя намѣренія излагать непрерывную и обстоятельную исторію папства, мы не можемъ поэтому изобразить „гильдебрандство" всѣхъ папъ,—а должны ограничиться только болѣе крупными фактами, въ которыхъ замѣчательнымъ образомъ высказывалась во очею всего міра „смиреніе" нѣкоторыхъ папъ.

Непосредственнымъ преемникомъ Григорія VII былъ извѣстный аббатъ Дезидерій (монтекассинскій), съ вступленіемъ на престолъ, принявшій имя Виктора II. Генрихъ IV противопоставилъ ему антипапу Климента III, и Викторъ не замедлилъ поразить анаѳемой какъ этого антипапу, такъ и самого императора. Но онъ скоро умеръ и не могъ, поэтому, вліять на ходъ всемірной исторіи. Преемникомъ ему избрали кардиналы епископа остійскаго, который принялъ имя Урбана II и правилъ съ 1088 до 1099 года. Избранный папа оказался достой-

*) См. „Вѣстн. Зап. Россіи кн. 5.

нымъ преемникомъ Гильдебранда: онъ отлучилъ императора, проклялъ антипапу со всѣми приверженцами его партіи, возмутилъ герцога Конрада, старшаго сына императора Генриха, противъ собственнаго отца, и посредствомъ женитьбы молодаго герцога Вельфа на знаменитой графинѣ Матильдѣ съумѣлъ составить въ Германіи сильную партію, опасную для императора; борьба между двумя властями неослабно продолжалась во все правленіе Урбана. Отлученіемъ германскаго императора, которое въ 1094 году было торжественнѣйшимъ образомъ повторено, не ограничился папа, но поразилъ таковымъ же и французскаго короля Филиппа, который, по причинѣ будтобы слишкомъ близскаго родства, развелся съ своею законною супругою Бертою, чтобы жениться на прекрасной анжуйской графинѣ Бертрадѣ, и король Филиппъ, дѣйствительно, покорился отлученію, чтобъ избавить свое государство отъ страшныхъ послѣдствій интердикта.

По смерти Урбана избранъ былъ въ папы Пасхалій II (1099—1118). Лишь только узналъ онъ, что король Филиппъ опять принялъ къ себѣ свою возлюбленную Бертраду, возобновилъ отлученіе, опредѣленное Урбаномъ. Цѣлые четыре года числился король отлученнымъ и не безпокоился о томъ, пока часть французскаго духовенства была на его сторонѣ, но наконецъ долженъ былъ онъ смириться предъ папой. Когда смирившійся король поклялся папѣ, что никогда не приметъ къ себѣ Бертраду, Пасхалій разрѣшилъ его, а чрезъ годъ послѣ этого самъ позволилъ ему жениться на той же Бертрадѣ, подъ условіемъ, что онъ поможетъ ему въ борьбѣ съ императоромъ Генрихомъ. Религія для папъ очень нерѣдко должна была прикрывать ихъ политическіе виды.

Заручившись надеждою на помощь французскаго короля, папа также владычественно повелъ себя въ отношеніи къ императору Генриху. По примѣру своихъ предшественниковъ, отлучивъ его или повторивъ надъ нимъ отлученіе, изрѣченное предшественниками, онъ поссорилъ съ престарѣлымъ отцемъ и втораго его сына «Генриха» (старшій сынъ императора, Конрадъ незадолго умеръ) и довелъ послѣдняго до самаго противуестественнаго преступленія: «сынъ взялъ въ плѣнъ своего отца». Даже, когда печаль о чудовищномъ беззаконіи сына свела въ 1106 г. Генриха IV въ могилу, папа не позволилъ его по-

ебсти, и гробъ его какъ отлученнаго, цѣлые пять лѣтъ долженъ былъ стоять въ Шпейерѣ, пока не снято было съ него проклятіе, и тогда уже, наконецъ, императорскій прахъ нашелъ себѣ успокоеніе въ землѣ. У Генриха V по смерти отца, не осталось соперника, который бы оспаривалъ у него престолъ, и такъ какъ этимъ престоломъ онъ былъ обязанъ помощи папы (конечно за обѣщаніе будущей покорности), то Пасхалій, разумѣется, не долженъ былъ ожидать съ его стороны какого либо сопротивленія. Поэтому онъ послалъ въ Германію декретъ, которымъ, подобно Григорію VII, снова запрещалъ епископамъ (и клиру вообще) принимать инвеституру изъ рукъ мірянъ; но тутъ пришлось ему убѣдиться, что Генрихъ V не думалъ такъ далеко простирать своей благодарности за престолъ, чтобы уступить что нибудь изъ своихъ императорскихъ правъ. Даже когда Генрихъ V почувствовалъ себя, по смерти отца, безопаснымъ на тронѣ, съ 30 тысячнымъ войскомъ предпринялъ походъ въ Италію, чтобы раздѣлаться съ папой, и по прибытіи туда потребовалъ отъ послѣдняго, чтобы онъ оставилъ неприкосновеннымъ законно принадлежавшее императорамъ право инвеституры епископовъ. Пасхалій заупрямился, не хотѣлъ торжественно короновать императора; но Генрихъ V взялъ въ плѣнъ папу со всѣми кардиналами, а въ тоже время его нѣмецкіе солдаты страшнымъ образомъ стали разорять папскія палаты. Послѣ этого состоялся договоръ по которому папа позволялъ императору отнять у всѣхъ епископовъ и аббатовъ принадлежавшія имъ ленныя земли, но инвеституру, т. е., назначеніе на духовныя должности, удержалъ за собою. На этотъ договоръ, разумѣется, согласился императоръ съ удовольствіемъ и, коронованный Пасхаліемъ, съ папскою буллою возвратился въ Германію. Но лишь только оставилъ Генрихъ V Италію; какъ папа, на созванномъ имъ латеранскомъ соборѣ, кассировалъ всѣ статьи договора съ императоромъ и, сверхъ того, устами архіепископа Гвидо произнесъ на императора отлученіе (за себя онъ далъ священную клятву императору, что этого дѣлать никогда небудетъ), возбудивши противъ него въ тоже время епископовъ Германіи и различныхъ другихъ князей. Это было въ 1111 году, и вслѣдствіе этой махинаціи императоръ цѣлые пять лѣтъ поставленъ былъ въ невозможность от-

мстить папѣ,—но наконецъ въ 1116 году Генрихъ въ другой ра пошелъ на Италію, и Пасхалій въ страхѣ бѣжалъ въ Беневен и отдался подъ покровительство норманновъ. Тамъ онъ и умеј нарушивши—таки клятву, данную императору, и проклявши е вмѣстѣ съ антипапою Григоріемъ VIII.

Партія духовныхъ въ Римѣ, откуда давно уже выше Генрихъ, котораго вызывали безпорядки въ Германіи, избра на мѣсто Пасхалія папой Геласія II (1118—1119); но пр приверженцы императора, во главѣ которыхъ сталъ знамениті Ценчіо Франжипани, возбудили возстаніе, вломились въ за где происходило избраніе новаго папы, вытащили его оттуда волосы, всячески ругались надъ нимъ и наконецъ, скованна цѣпями заключили въ тюрьму. За одно съ папой досталось кардиналамъ, избравшимъ и чуть было не посвятившимъ нова папу. Но и противная партія не оставалась въ бездѣйстві она тоже произвела возстаніе, во время котораго Геласію уд лось ускользнуть изъ тюрьмы. Онъ бѣжалъ во Францію, и скоро потомъ умеръ въ клюнійскомъ монастырѣ, не упустивш однако случая наложить вѣчное проклятіе на антипапу Григс рія, вмѣстѣ съ императоромъ Генрихомъ и его приверженцал въ Римѣ.

Кардиналы, сопровождавшіе Геласія во Францію, побуждае мые болѣе всего кардиналомъ Куно арахскимъ, личнымъ врагом императора Генриха V, избрали вышеупомянутаго архіепископ Гвидо, и этотъ, лишь только принялъ папское имя Каликста I (1110—1124), вступивъ въ отправленіе папскихъ обязанност прежде всего отлучилъ какъ антипапу, такъ и императо Вслѣдъ затѣмъ отправился въ Апулію, оттуда съ помощію в ныхъ ему норманновъ перешелъ въ Римъ, осадилъ Сутри, ку заключился антипапа и, захвативъ его въ плѣнъ, послѣ п бличнаго посрамленія [1]), заточилъ въ монастырь. Освободи шись такимъ способомъ отъ своего соперника, онъ въ 1120 созвалъ соборъ въ Реймсѣ и на этомъ соборѣ самымъ тор ственнымъ образомъ повторена была анаѳема императору, съ ра рѣшеніемъ его подданныхъ отъ присяги. Впрочемъ, чере два года императоръ и папа помирились и заключили договор

---

[1]) См. въ статьѣ „Непогрѣшимость папъ“ въ Вѣст. З. за 1867 годъ.

звѣстный подъ именемъ калкетинскаго или *вормскаго конкордата* (1122 г.), по которому право инвеституры на будущее время раздѣлялось между императоромъ и папою, такъ что последній жаловалъ архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ жезломъ и перстнемъ (знаки духовнаго пастырства и обрученія съ церковію), а первый—скипетромъ и мечемъ (знакъ зависимости отъ государства относительно свѣтскихъ владѣній). Выборы епископовъ и аббатовъ представлены были, какъ и прежде, соборнымъ и монастырскимъ капитуламъ; выборы эти совершались подъ наблюденіемъ императорскаго чиновника, изъ рукъ котораго избранный получалъ скипетръ и мечь, и затѣмъ слѣдовало папское утвержденіе, безъ котораго выборъ не имѣлъ законности. Этимъ окончился споръ объ инвеституре, превратившій епископовъ въ викаріевъ святого римскаго престола!

По смерти Калликсга II раздѣлившіяся партіи въ Римѣ заразъ избрали двухъ папъ: Целестина и Гонорія II. Послѣдній одолѣлъ своего соперника и правилъ съ 1124 по 1130 годъ. О немъ ничего нельзя сказать особеннаго, кромѣ того, что онъ поразилъ отлученіемъ нормандскаго графа Вильгельма за неугодный ему бракъ послѣдняго. Послѣ его смерти были опять спорные выборы, потому что одна партія избрала Иннокентія II, а другая Анаклета II. Оба папы проклинали другъ друга—сколько ихъ душѣ угодно было, наконецъ восторжествовалъ Иннокентій, непреминувшій поразить проклятіемъ сицилійскаго короля Рожера за то, что этотъ поддерживалъ Анаклета. Такъ же заносчиво обошолся онъ и съ французскимъ королемъ, по поводу избранія буржскаго архіепископа, потому что когда король не хотѣлъ уступить желанію папы, этотъ послѣдній отлучилъ его, а на всю Францію наложилъ интердиктъ, который и продолжался до тѣхъ поръ, пока папа не поставилъ на своемъ. Большую непріятность устроили ему два восточныя патріарха, іерусалимскій и антіохійскій, которые, по возстановленіи ихъ патріаршествъ усиліями крестоносцевъ, стали утверждать свою, покрайнеи мѣрѣ, равноправность съ римскимъ папою, на томъ основаніи, что въ Іерусалимѣ жилъ и дѣйствовалъ самъ Іисусъ Христосъ, а церковь антіохійская была основана самимъ апостоломъ Петромъ. Хотя и тутъ Иннокентій нашелся; онъ разразился громовою буллою противъ

обоихъ, „продерзскихъ“ патріарховъ; но это столкновеніе осталось безъ послѣдствій, потому что Іерусалимъ съ Антіохіею опять же попалъ подъ власть магометанъ, лишивъ восточныхъ патріарховъ возможности уравновѣшиваться съ своимъ римскимъ собратомъ.

Послѣ нѣсколькихъ довольно незначительныхъ папъ, ознаменовавшихъ свое папствованіе развѣ борьбою съ своими римскими подданными да двукратными или троекратными проклятіями на нихъ и интердиктами, вступилъ на папскій престолъ Адріанъ IV (1154—1159). Онъ былъ единственный папа изъ англичанъ,—и хотя происходилъ отъ низкаго рода (незаконнорожденный сынъ безчестной женщины, жившей долго въ услуженіи во франціи), однакожъ своею заносчивостію сдѣлалъ бы честь и болѣе благородной крови. Сначала ему много пришлось бороться съ своими подданными, пытавшимися, подъ руководствомъ Арнольда бресчійскаго, образовать республику, и долженъ былъ даже вскорѣ послѣ своего избранія бѣжать въ Витербо. Оттуда онъ наложилъ на Римъ интердиктъ, и хотя римляне сначала смѣялись надъ такою мѣрою, однакожъ имъ стало не до смѣха, когда приблизился праздникъ Пасхи и когда, по силѣ интердикта, ни одинъ священникъ не смѣлъ служить обѣдню. Не смотря на то, они не пали духомъ и, вѣроятно не послушались бы своихъ женъ, внушавшихъ имъ смиреніе и уступчивость, если бы папѣ не посчастливилось достигнуть своей цѣли другимъ путемъ. Въ Германіи тогда избранъ былъ королемъ Фридрихъ 1 Гогенштауфенъ, прозванный Барбаруссой, который чрезъ два года послѣ своего избранія отправился въ Италію, чтобы получить тамъ императорскую корону. Адріанъ выслалъ къ нему на встрѣчу изъ Витербо пословъ и, вслѣдъ за ними самъ прибылъ въ императорскій лагерь, но крайне былъ изумленъ, когда Фридрихъ не сталъ *поддерживать стремя* его коня, что вошло въ папскій этикетъ со времени Григорія VII. Еще больше оторопѣлъ онъ, когда Оттонъ фонъ Виттельсбахъ замахнулся мечемъ, чтобы раздробить черепъ кардиналу, замѣтившему, что папа имѣетъ право жаловать императорскою короною. Впрочемъ, онъ оправился, когда императоръ въ его кельи преклонился предъ нимъ и поцѣловалъ его туфлю: онъ даже позволилъ себѣ спросить коро-

ля, отчего онъ не исполилъ древняго обычая поддерживать стремя. Фридрихъ I сталъ разспрашивать объ этомъ обрядѣ первыхъ своихъ сановниковъ и сопровождавшихъ его епископовъ, и когда послѣдніе увѣрили его, что императоръ Лотарь оказалъ такую почесть Иннокентію, то и Барбаросса изъявилъ готовность выполнить эту церемонію, но сталъ поддерживать вмѣсто праваго лѣвое стремя. Адріанъ выразилъ неудовольствіе, но Барбаросса съ улыбкой сказалъ «его святѣйство извинитъ,—я никогда не былъ конюхомъ». Но когда папа сталъ просить императора смирить и подчинить ему его безпокойныхъ подданныхъ, послѣдній охотно согласился и доставилъ Адріану возможность возвратиться въ Римъ и совершить тамъ императорское коронованіе.

По совершеніи этой церемоніи, Фридрихъ возвратился въ Германію, но въ 1158 году опять предпринялъ походъ за Альпы, потому что тамъ возсталъ Ломбардскій союзъ. Въ тоже самое время и папа сталъ безпокоиться, что значеніе императора и уваженіе къ нему со дня на день увеличивалось, и потому придирался къ каждому случаю, чтобы напомнить императору, что онъ «по его милости носитъ императорскую корону». Отъ такихъ умѣстныхъ и неумѣстныхъ напоминаній взаимныя отношенія ихъ сдѣлались натянутыми, а когда папа нашелъ себѣ покровителя въ королѣ сицилійскомъ, сталъ посылать императору письма болѣе и болѣе грозныя. Но когда императоръ восторжествовалъ надъ ломбардцами и даже разрушилъ Миланъ, Адріанъ счелъ за лучшее быть сдержаннѣе и даже не сказалъ ни слова, когда Барбаросса прислалъ ему письмо съ слѣдующимъ началомъ:

«Фридрихъ, Божіею милостію императоръ римскій и всегдашній верховный повелитель желаетъ, чтобы папа и церковь любили и исполняли только заповѣди Христовы».

Это уже было для папы слишкомъ горькою пилюлею, которую проглотить было не легко. И Адріанъ конечно, воспользовался бы первымъ благопріятнымъ случаемъ обратиться къ отлученію или проклятію, еслибы скоро послѣ этого не умеръ (1159 г.). Слѣдуетъ прибавить еще, что этотъ папа англійскому королю Генриху II отдавалъ въ даръ лежащіе вкругъ Англіи острова, въ томъ числѣ и Ирландію, какъ будто бы

эти острова составляли его собственность, хотя, разумѣется, даръ этотъ напередъ долженъ быть завоеванъ.

Преемнику Адріана, кардиналу Орландо изъ Сіены, принявшему имя Александра III, пришлось почти двадцать лѣтъ (1159—1181) бороться съ антипапами, (Викторомъ III, Пасхаліемъ III и Каликстомъ III, противопоставляемыми его великимъ противникомъ, императоромъ Фридрихомъ Барбаруссой. Уже при самыхъ выборахъ произошли споры, потому что одна партія стояла за упомянутаго Орландо, а другая за кардинала Октавіана, приверженца императорскаго, и Александръ своимъ торжествомъ обязанъ былъ лишь тому обстоятельству, что самъ сорвалъ съ плечь своего соперника пурпурную мантію и надѣлъ на себя—хоть въ торопяхъ и на изнанку. Черезъ нѣсколько времени однакожъ, Отавіанъ прогналъ его и самъ занялъ престолъ Петра. Оба конкурента обратились къ императору съ заискиваніями, и этотъ послѣдній назначилъ соборъ въ Павіи, куда должны были явиться оба антипапы. Октаніанъ или лучше сказать Викторъ III явился, но Александръ нашелъ это для себя унизительнымъ „потому что онъ, по ученію Гильдебранда, какъ глава церкви, неподчиненъ собору". Соборъ глубоко оскорбился такой горделивой выходкой, объявилъ избраніе Александра недѣйствительнымъ и подтвердилъ выборъ Виктора, къ которому присоединилъ свою санкцію и императоръ, повелѣвая въ тоже время своимъ подданнымъ (особенно епископамъ и клиру) признавать одного Виктора законнымъ папой. Но это не устрашило Александра: онъ, изъ Ананьи, въ Апуліи, бросилъ свой перунъ отлученія какъ противъ Виктора, такъ и противъ императора Фридриха, разрѣшая, разумѣется, и подданныхъ его отъ присяги въ вѣрности. Викторъ не молчалъ и на проклятіе отвѣчалъ тоже проклятіемъ. Вслѣдствіе такого взаимнаго бомбандированія между «смиренными слугами слугъ Божіихъ» западно-христіанская Европа раздѣлялась на двѣ большія партіи—викторіанцевъ и александровцевъ. Сицилія (норманны), Испанія, Франція и Англія стояли за послѣдняго; остальная Италія вмѣстѣ съ нѣмецкою имперіею признавала Виктора, за исключеніемъ только цистерціанскихъ монаховъ, защищавшихъ права Александра, за что Барбаруссa ихъ самихъ выгналъ изъ имперіи, отнявши у нихъ земли и другія иму-

щества. Такъ какъ большая часть Италіи была на сторонѣ Фридриха, то Александръ нашелся вынужденнымъ бѣжать во Францію, гдѣ на соборѣ въ Турѣ произнесъ императору вмѣстѣ съ своимъ антипапой вторичное отлученіе и проклятіе. Воздавая за равное равнымъ, и Викторъ повторилъ проклятіе, но скоро (1164 г.) умеръ. Теперь кардиналы, какъ бы для поддержанія раскола, избрали ему преемникомъ Пасхалія III, а такъ какъ его—само собой разумѣется—утвердилъ и императоръ, то Александру, такимъ образомъ, нашелся и второй антипапа Однакожъ онъ въ томъ же самомъ году (1164 г.) возъимѣлъ смѣлость возвратиться въ Италію, потому что обстоятельства неожиданно повернулись въ его сторону. Во первыхъ, онъ былъ увѣренъ въ помощи короля сицилійскаго, во вторыхъ, видѣлъ, что у императора Фридриха слишкомъ много дѣла и въ Германіи, чтобы думать еще о итальянскомъ походѣ, въ третьихъ, какъ ломбардцы (что ломбардцы высоко чтили его, видно изъ того, что они новозаложенную крѣпость свою, въ честь его и къ досадѣ императора, назвали, „Александріею", такъ и римляне увѣрили его въ совершенной своей преданности, которую они готовы бы доказать самымъ дѣломъ и ждутъ только его прибытія въ Италію. Король Сициліи и нижней Италіи встрѣтилъ его съ войскомъ, съ тріумфомъ проводившимъ его до самаго Рима, изъ котораго тотчасъ бѣжалъ Пасхалій. Въ тоже время верхнеитальянскіе города соединились въ новый союзъ (такъ наз. ломбардскій) противъ Германіи, и миланацы стали возстановлять города, разрушенные императоромъ. Такимъ образомъ вся Италія была въ возстаніи противъ императора Барбаруссы, а потому и онъ сталъ готовиться къ новому походу за Альпы, который и предпринялъ 1166 года. Счастіе сначала было на его сторонѣ, и храбрость его рыцарей [1]) и

[1]) Особенно отличался одинъ духовный, именно маинцкій архіепископъ Христіанъ, командовавшій авангардомъ нѣмецкой арміи. Онъ обладалъ многими научными свѣдѣніями и пользовался уваженіемъ и въ государственныхъ, и въ духовныхъ дѣлахъ. Особенно онъ отличался геркулесовскою силою, потому что собственною рукою поразилъ предъ Балоньей не менѣе 100 человѣкъ непріятелей и въ одной битвѣ своею булавою сокрушилъ челюсти 38 ломбардцамъ. Епископы того времени не только носили пастырскій жезлъ, но еще чаще бывали отличными рубаками,

солдатъ смирила возстаніе. Удалось ему также опять посадить на престолъ св. Петра папу Пасхалія, послѣ того какъ Александръ, переодѣтый пилигримомъ, тайно бѣжалъ въ Гаэту, и заставилъ его снова короновать себя. Но тутъ въ войскѣ Фридриха открылась зараза (болотная лихорадка), жертвою которой сдѣлались двѣ тысячи рыцарей, и около десяти тысячъ рядовыхъ, а одновременно съ этимъ число враговъ его увеличилось до того, что Фридрихъ принужденъ былъ поспѣшить своимъ возвратомъ въ Германію. Къ тому же самое пребываніе въ Италіи было не безопасно для императора, потому что нерѣдки были покушенія на его жизнь: въ Сузѣ (Сардинской), напр., онъ спасся отъ своихъ враговъ, окружившихъ мѣсто его ночлега, единственно тѣмъ, что одинъ съ виду очень похожій на него полковникъ, по имени Зибенаихъ хорошо съигралъ его роль и позволилъ себя взять въ плѣнъ, между тѣмъ самъ императоръ тѣмъ временемъ, въ одеждѣ пилигрима ускользнулъ изъ рукъ. Лишь только императоръ оставилъ Италію, ломбардцы снова возмутились, а потому и императорская партія въ Римѣ не могла держаться. Въ это время умеръ Пасхалій, и кардиналы въ Каликстѣ III дали преемника ему, который всѣми силами старался удержать на своей головѣ трехъ-ярусную корону. Но вдругъ, подкрѣпляемый норманнами, прибылъ въ Римъ Александръ, и такимъ образомъ императорскому папѣ ничего не оставалось (особенно когда и римляне въ тоже время взбунтовались противъ него), какъ бѣжать и оставить поле за своимъ побѣдоноснымъ соперникомъ.

Цѣлые пять лѣтъ потомъ Александръ оставался безспорнымъ обладателемъ Петрова престола, но въ 1174 г. императоръ Фридрихъ до того оправился, что могъ предпринять еще новый походъ въ Италію. Снова онъ шолъ побѣдителемъ, Миланъ въ скоромъ времени былъ опять завоеванъ и въ слѣдъ за тѣмъ Александръ III бѣжалъ въ Зару, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, оттуда пробраться въ Константинополь, такъ какъ на западѣ онъ уже тогда не видѣлъ для себя безопаснаго пріюта; но вдругъ дѣла приняли оборотъ совершенно неожиданный. Генрихъ, герцогъ баварскій и саксонскій (обыкновенно называемый Генрихомъ Львомъ), уступивши внушеніямъ и интригамъ па-

кихъ посланныхъ, къ вѣчному своему стыду, измѣнилъ императору въ критическую минуту, именно предъ самымъ сраженіемъ при Липьяно (29 мая 1176 г.). не смотря на то, что императоръ молилъ его на колѣнахъ остаться вѣрнымъ ему и не покидать въ минуту опасности. Перевѣсъ силъ на сторонѣ ломбардцевъ восторжествовалъ надъ полководческими талантами Фридриха,—и нѣмцы потерпѣли страшное пораженіе. Почти въ тоже время венеціанцы разбили императорскій флотъ при озерѣ Пизанскомъ и взяли даже въ плѣнъ втораго сына императора, герцога Оттона. Побѣжденный императоръ долженъ былъ заключить съ венеціанцами и ломбардцами, а также и съ папою, договоръ, по которому между прочимъ, Александръ III признавался законнымъ папой, а Калкистъ принужденъ былъ къ отреченію [1]). Съ этихъ поръ миръ между свѣтскою и духовною властію не нарушался, пока живы были Александръ и Фридрихъ.

Такимъ затишьемъ какъ нельзя лучше воспользовался Александръ III для приготовленія себя къ борьбѣ съ англійскимъ королемъ Генрихомъ II. Во время его пребыванія во Франціи представился ему случай познакомиться съ знаменитымъ кентербурійскимъ архіепископомъ, Өомою Бекетомъ, любимцемъ упомянутаго короля, и—совершенно привлечь его на свою сторону. Не смотря на дружбу съ папой, любовь и довѣріе къ нему короля возрастали съ каждымъ днемъ, и онъ наконецъ сдѣлался необходимымъ, для него человѣкомъ, его первымъ, министромъ. Онъ былъ человѣкъ съ большими способностями и познаніями, но своею непомѣрною гордостію нажилъ себѣ много враговъ, которые, наконецъ обвинили его въ расхищеніи государственной казны. Архіепископъ долженъ былъ явиться на судъ, чтобы очистить себя отъ нарѣканія. Онъ, дѣйствительно, явился, но не какъ подсудимый, а въ полномъ архіепископскомъ об-

---

[1]) Оба великіе противника третій разъ увидѣлись при заключеніи договора, въ Венеціи въ 1177 г. Замѣчательно, что антипапа Калликстъ не подвергнутъ былъ Александромъ ни изувѣченію, ни заточенію, и даже получилъ позволеніе жить въ Римѣ на пенсіонѣ изъ папской казны. Не рѣдко Александръ приглашалъ его къ своему столу, за которымъ дружелюбно бражничали и искренно веселились прежніе жесточайшіе враги, такъ часто проклинавшіе другъ друга.

лаченіи, съ распятіемъ въ рукѣ, и объявилъ, что онъ не подвѣдомственъ никакому свѣтскому суду и будетъ аппелировать къ папѣ. Вслѣдъ за такимъ объявленіемъ онъ оставилъ залу суда и уѣхалъ во Францію. Лишь только узналъ Александръ III обо всемъ случившемся, какъ назначилъ бѣглаго архіепископа своимъ легатомъ или посломъ при англійскомъ дворѣ, и Ѳома Бекетъ въ этомъ качествѣ возвратился немедленно въ Англію, а вслѣдъ за нимъ поспѣшили и примирительныя письма папы къ Генриху. Письма эти возъимѣли свои дѣйствія, и Генрихъ, дѣйствительно, помирился съ своимъ прежнимъ любимцемъ; скоро, однакожъ, послѣдній сталъ обнаруживать прежнюю заносчивость и притязательность, и тѣмъ раздражилъ противъ себя не только всѣхъ придворныхъ, но и самого короля. Въ такомъ раздраженномъ состояніи, король однажды произнесъ въ присутствіи своихъ приближенныхъ: «неужели нѣтъ уже средствъ отдѣлаться отъ этого дерзскаго человѣка»? Слова эти подхвачены были придворными, и четверо изъ нихъ разными дорогами пустились въ Кэнтенбури и умертвили архіепископа на ступеняхъ главнаго алтаря соборной его церкви (1170 г.). Такое оскверненіе святыни возбудило всеобщій ужасъ; духовенство не только въ Англіи, но и почти во всемъ свѣтѣ убѣждало папу отмстить за смерть своего легата; между тѣмъ Генрихъ II отъ себя послалъ посольство къ Александру III, чтобы объяснить ему сущность дѣла: долго папа не хотѣлъ даже принимать пословъ, но когда они именемъ короля поклялись, что онъ совершенно отдается въ волю папы, онъ нѣсколько успокоился и допустилъ ихъ до объясненія. Въ объясненіи говорилось, что король нисколько невиненъ въ убіеніи архіепископа, а если и виновенъ, то развѣ въ томъ, что, выведенный изъ терпѣнія, произнесъ нѣсколько неосторожныхъ словъ, повредившихъ Ѳомѣ, и что въ этомъ онъ искренно раскаевается и готовъ на всякое удовлетвореніе. Принявъ такое объясненіе, немедленно отправилъ двухъ легатовъ въ Англію, которые должны были предъявить королю папскія условія. Они были довольно тяжки: Генрихъ II долженъ былъ, въ общественномъ собраніи, торжественно поклясться предъ евангеліемъ, что онъ не желалъ убить архіепископа; во вторыхъ, долженъ былъ босикомъ идти на могилу Ѳомы Бекета, причисленнаго къ

святымъ, и принять отъ восьмидесяти монаховъ по три удара плетью по голой спинѣ, слѣд. всего двѣсти сорокъ ударовъ; въ третьихъ долженъ былъ обѣщать крестовый походъ и прощеніе всѣмъ единомышленникамъ Бекета, въ четвертыхъ выслать изъ Англіи четырехъ рыцарей, совершившихъ убійство, и отправить ихъ на покаяніе во святую землю.

Подъ такими и подобными условіями получилъ англійскій король папское прощеніе, и потому совершенно справедливо можно сказать, что Александръ III съ такимъ же успѣхомъ добился торжества надъ свѣтскою властію, какъ и Григорій VII.

За Александромъ III слѣдовало пять незначительныхъ папъ, правившихъ въ общей сложности 17 лѣтъ. Изъ нихъ можно упомянуть Луція II, который избранъ былъ одними кардиналами, безъ всякаго участія народа, дворянства и низшаго духовенства, и Урбана III, сильно противившагося браку старшаго сына императора Фридриха, короля Генриха съ Констанціею, наслѣдницею короля сицилійскаго. Сопротивленіе это выходило единствено изъ опасенія—какъ бы королевство сицилійское не присоединилось къ нѣмецкой имперіи; но императоръ Барбарусса съумѣлъ поставить на своемъ и тѣмъ смертельно огорчилъ Урбана [1]).

Послѣ этихъ незначительныхъ папъ, взошелъ (1198 г.) на римскій престолъ Иннокентій III (правившій до 1216 г.), котораго можно считать, вмѣстѣ съ Григоріемъ VII, славнѣйшимъ изъ папъ. Отецъ его, графъ Тразимонтъ, далъ ему самое блестящее образованіе (онъ учился въ университетахъ бо-

---

[1]) Папа Урбанъ отрѣшилъ всѣхъ епископовъ, присутствовавшихъ при бракосочетаніи короля Генриха, (императоръ Фридрихъ предназначалъ его въ преемники себѣ) съ Констанціею, отчего они должны были смиренно просить у него прощенія. Съ однимъ изъ этихъ епископовъ встрѣтился какъ-то король Генрихъ и спросилъ его: „кѣмъ онъ возстановленъ въ своемъ санѣ и кто пожаловалъ его епископскими владѣніями". Епископъ съ дерзостію отвѣчалъ, что „онъ всѣмъ обязанъ папѣ, а не императору, что онъ знаетъ только одного папу". Король, раздраженный такимъ отвѣтомъ епископа, облагодѣтельствованнаго императоромъ, велѣлъ, какъ гласитъ одно сказаніе, отрѣзать ему носъ и въ такомъ видѣ отослать его въ Римъ.

лонскомъ и парижскомъ), и дѣйствительно, рѣдко занималъ престолъ св. Петра такіе ученые мужи, какъ Иннокентій III. Съ многосторонними познаніями онъ соединялъ необыкновенную энергію духа, свѣтлость взгляда и еще болѣе необыкновенную гордость; сверхъ того, упрекаютъ его еще въ томъ, что мысли его и дѣйствія часто обращались къ умноженію богатства. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что понятіе о папствѣ возвысилъ онъ до чрезвычайности, отожествилъ его съ абсолютной всемірной имперіей, и только Бога одного считалъ выше себя: „папа", самъ онъ говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей, «есть царь царей и господь господей». Изъ этихъ словъ можно уже заключить, въ какія отношенія онъ поставилъ себя и къ церкви и къ мірскимъ властямъ, особенно когда вспомнилъ, что онъ достигъ папскаго сана въ цвѣтущемъ еще возрастѣ, 37 лѣтъ.

Собственно Иннокентію III обязана своею самостоятельностію церковная область. Пользуясь не упрочившимся еще положеніемъ императора Оттона IV на престолѣ (такъ какъ на этотъ престолъ претендовалъ Филиппъ Швабскій), онъ вынудилъ отъ него подтвержденіе всѣхъ прежнихъ даровъ св. престолу и отреченіе отъ императорскихъ верховныхъ правъ надъ Римомъ и соединенными съ нимъ територіями, и тѣмъ самымъ поставилъ подъ свое непосредственное господство какъ городскаго префекта, назначавшагося до тѣхъ поръ императоромъ, такъ и все римское гражданство, съ его сенатомъ и судебными коллегіями. Нужды нѣтъ, что для достиженія властолюбивыхъ цѣлей употреблены были недостойныя средства, въ родѣ поддѣлки древнихъ документовъ, въ родѣ капризныхъ отлученій и интердиктовъ и т. п.; по крайней мѣрѣ, благодаря всѣмъ этимъ махинаціямъ, онъ не только сдѣлался ни отъ кого независимымъ, но даже самъ простиралъ свое вліяніе на всю западную европу и умѣлъ придать дѣйствительное значеніе тому завѣтному папскому началу, что „церковь выше государства и духовный глава выше свѣтскаго, что королевская и всякая державная власть проистекаетъ отъ папской" и что, слѣд., сильные міра должны склоняться предъ властію папы и признавать его верховнымъ ленныъ господиномъ и посредникомъ въ ихъ спорахъ между собою.

То, что имѣло въ виду папство при составленіи лженси-

дорскихъ декреталій, при изобрѣтеніи отлученіи и интердиктовъ, при введеніи целибата, къ тому самому стремился и Иннокентій. И если образцовыми папами считаются Николай I и Григорій VII, то и Иннокентій III ни сколько не уступаетъ имъ ни въ своей энергической дѣятельности, ни въ своей находчивой изобрѣтательности. Изобрѣтеніе нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, изобрѣтеніе инквизиціи, ставятъ папу Иннокентія III на ряду съ величайшими папами—изобрѣтателями, Николаемъ I и Григоріемъ VII.

Монашество существовало съ давнихъ временъ, потому что еще въ первыхъ двухъ вѣкахъ по рождествѣ Христовомъ были пустынножители, которые созерцательную жизнь въ пустынѣ предпочитали жизни мірской. Изъ этого въ послѣдствіи образовались монашескія ордена и монастыри, со всѣми разнообразными постепенностями и дробленіями. Но вотъ нищенствующее монашество, корпорація до сихъ поръ небывалая, учрежденіе совершенно новое, съ совершенно новыми началами и цѣлями. Обѣтъ «нищеты или нестяжательности» довело оно до того, что жило одною милостынею или подаяніемъ, а обѣтъ «послушанія или смиренія» измѣнили въ клятву—творить волю одного папы. Поэтому, нищенствующихъ монаховъ очень можно назвать «папскими солдатами», потому что каждый нищенствующій орденъ—доминиканскій-ли, францисканскій-ли, или кармелитскій или августинскій или капуцинскій былъ нечто иное, какъ большой корпусъ волонтеровъ, состоявшій подъ командою папы. Народу нравилось новое учрежденіе, такъ какъ нищенствующіе монахи умѣли пріобрѣсти популярность простотою своего обращенія съ простонародьемъ и вкрадчивостію въ обращеніи съ особами чувствительными. Въ подаяніе они вовсе не принимали денегъ, а брали только «натурой», какъ напр. молоко, мясо, плоды и т. п. и всегда были довольны самою малостію. Такимъ своимъ поведеніемъ а такъ же простотою своего одѣянія 1) они пріобрѣли къ себѣ расположеніе простонародья, а сверхъ того умѣли сдѣлаться для него и полезными, заклиная вѣдьмъ, изгоняя чертей и т. п. Что до того, если

---

1) Весь ихъ гардеробъ состоялъ изъ ряски, исподняго платья, пары сандалій и носоваго платка, даже рубашекъ они не знали.

они были грязноваты и въ своихъ нравахъ не всегда согласовались съ правилами морали [1]). Число ихъ возрастало быстро и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ перешло за милліонъ. Скоро они по всѣмъ деревнямъ заняли мѣста духовниковъ, и вліяніе ихъ на народъ было сильнѣе вліянія всего остальнаго духовенства. При такихъ обстоятельствахъ, они сдѣлались страшнымъ орудіемъ въ рукахъ папы, потому что зависѣли отъ одного его и отъ него одного получали повелѣнія. Одно мановеніе изъ Рима, и милліонъ нищенствующихъ монаховъ приходитъ въ движеніе, чтобы исполнить полученный оттуда приказъ. Святой отецъ хотѣлъ, наприм., допечь какого нибудь короля и подвергалъ его проклятію, а на страну налагалъ интердиктъ. Тогда его волонтеры проникали въ каждую хижину, въ каждый домъ проклятой націи, рисовали народу страшныя послѣдствія проклятія, возмущали всѣхъ и доводили до того, что никто, изъ опасенія ужасовъ ада, не осмѣливался остаться вѣрнымъ любимому даже прежде королю. Мы умалчиваемъ поэтому о другихъ дѣйствіяхъ ихъ, наприм. о миссіи ихъ, какъ учителей при чемъ они имѣли въ виду не науку, а папу, а замѣтимъ только, что каждый изъ нищенствующихъ орденовъ занятъ былъ прежде всего искорененіемъ ереси и потому систематически преслѣдовалъ еретиковъ. Таковъ былъ орденъ доминиканскій, который точнѣе можно, поэтому, назвать отрядомъ палачей. При Иннокентіѣ III возведено было въ законъ то положеніе, что всякаго, кто думаетъ или говоритъ иначе, чѣмъ какъ угодно папѣ, должно преслѣдовать огнемъ и мечемъ» [2]), и доминиканцы обладавшіе отличнымъ ищейнымъ чутьемъ ереси, вызвались на это преслѣдованіе охотно. Такъ какъ имъ переданы тайные инквизиціонные суды, основавшіеся на ужасныхъ законахъ, жестокихъ пыткахъ и страшной казни—сожиганіемъ за-живо, то, понятно, что папа, командовавшій этимъ орденомъ

1) Въ Германіи была поговорка: „жретъ какъ августинецъ, лжетъ какъ доминиканецъ, поетъ какъ францисканецъ, развратничаетъ какъ кармелитъ, воняетъ какъ капуцинъ.

2) Такія положенія проповѣдывалъ Иннокентій противъ всѣхъ еретиковъ, а особенно противъ вальденсовъ и альбигойцевъ, что можно видѣть въ статьѣ „Вѣротерпимость папъ". Вѣст. З. Р. 1868 г.

являлся абсолютнымъ деспотомъ, съ которымъ неможетъ сравняться никакой деспотъ востока. Описаніе характера и дѣятельности нищенствующихъ орденовъ, а равно и инквизиціи завлекли бы насъ слишкомъ далеко, а потому не начиная этого описанія, замѣтимъ только, что то и другое изобрѣтеніе принадлежитъ Иннокентію III и что, благодаря этимъ изобрѣтеніямъ, онъ достигъ того, что предъ нимъ безсильна была всякая земная власть.

Приведемъ на это нѣсколько примѣровъ: въ Галиціи и Леонѣ (въ Испаніи) управлялъ при Иннокентіѣ Альфонсъ X, женатый на дочери португальскаго короля Санхо. Она была ему дальняя родственница, однакожъ епископы передъ бракомъ разсуждали о немъ, и дали на него формальное разрѣшеніе. Но при этомъ папа не былъ спрошенъ, и потому послѣдній повелѣвалъ королю развестись съ своей женой. Альфонсъ послушался повелѣнія не вдругъ, а просилъ времени на размышленіе. Но Иннокентій не хотѣлъ ждать, отлучилъ короля и грозилъ интердиктомъ, если мгновенно не будетъ исполнена воля Петрова престола. Противъ такой угрозы не было у Альфонса оружія и потому онъ—волею неволею—долженъ былъ смириться и отослать свою супругу Терезію къ ея отцу. За это разгнѣвался португальскій король Санхо и прервалъ всѣ сношенія съ папскимъ престоломъ. Но такая отвага обошлась ему не дешево, потому что Иннокентій немедленно отправилъ къ нему своего легата и грозилъ ему тоже отлученіемъ, если онъ не признаетъ свою зависимость отъ папы и въ доказательство этого не медленно не вышлетъ въ Римъ ту сумму, которую обѣщался ежегодно высылать его отецъ при полученіи королевскаго титула. Что дѣлать было бѣдному королю? Онъ зналъ каковы послѣдствія отлученія и интердикта, и потому счелъ за лучшее заплатить пошлину, чѣмъ поставить на карту свою корону.

Не такъ податливъ былъ французскій король Филиппъ-Августъ разсчитывавшій безъ сомнѣнія на силу своего государства и на либеральность своихъ подданныхъ; но и ему пришлось скоро убѣдиться, что съ папой не совладать ни одному королю. Филиппъ женился на датской принцессѣ Ингеборгѣ, но вскорѣ послѣ брака отослалъ ее отъ себя за то, что братъ ея король

Канутъ не помогалъ ему въ его войнѣ противъ Англіи, и женился на прекрасной Агнессѣ фонъ-Меранъ. Канутъ съ жалобой обратился къ папѣ, и Иннокентій велѣлъ французскому королю отослать Агнесу и опять принять къ себѣ Ингеборгу. Филиппъ-Августъ не послушался, и папа наложилъ на всю Францію интердиктъ, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не вооружилъ противъ французскаго короля нѣмецкаго императора и нѣкоторыхъ другихъ значительныхъ государей, и такимъ образомъ къ внутреннему безпокойству, въ которомъ находилась страна объявленная подъ интердиктомъ, присоединилась еще опасность со внѣ. Филиппу оставалось, для сохраненія цѣлости своего государства искать мира съ папой, и для того онъ поспѣшилъ въ то мѣсто, гдѣ жила отвергнутая имъ супруга, испросилъ у ней прощенія и пригласилъ на сожительство.

Совершенно противоположнымъ образомъ поступилъ король аррагонскій Петръ. Онъ самъ добровольно отправился въ Римъ, чтобы получить тамъ изъ рукъ папы корону подъ условіемъ ленной зависимости отъ святаго престола. Такую же подчиненность показалъ и Кало Іоаннъ, сдѣлавшійся господаремъ Болгаріи и Валахіи. Чтобъ имѣть въ папѣ защитника своей узурпаціи, онъ отправилъ посольство въ Римъ и просилъ себѣ, конечно, подъ условіемъ ленной зависимости, титула королевскаго Иннокентій тотъ же часъ согласился и отправилъ своего легата съ короною и всѣми королевскими инсигніями въ Болгарію, чтобы этотъ помазалъ и утвердилъ на престолъ новаго «папскою милостію» короля. Не меньшую силу и власть простиралъ и проявлялъ Иннокентій на Венгрію, Польшу и Лифляндію, потому что, какъ венгерскій, такъ и польскій король безпрекословно платили ему дань, а лифляндское герцогство онъ объявилъ „удѣломъ пресвятой дѣвы" и подарилъ ордену меченосцевъ, разумѣется, съ маленькою прибавкой, что рицари сами для себя завоюютъ его отъ языческихъ леттовъ. Такъ владычествовалъ Иннокентій во всей Европѣ, отъ сѣвера до юга, отъ востока до запада. Его вліяніе простиралось даже на Константинополь, и онъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ статъ твердою ногою и въ Азіи. Послѣ того какъ крестоносцы въ 1204 г. завоевали Константинополь, они избрали византійскимъ королемъ герцога Валдуина, а патріархомъ восточно-латинской

церкви Өому Маролена. Послѣдній отправился въ Римъ, чтобы получить себѣ утвержденіе отъ папы, но Иннокентій отвергъ тотъ выборъ, такъ какъ онъ сдѣланъ былъ мірянами, впрочемъ, не много спустя, по просьбѣ императора, соизволилъ пожаловать упомянутому патріарху патріаршеское достоинство, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, что новый патріархъ во всемъ будетъ дѣйствовать согласно съ волею папы.

Послѣ вышеизложеннаго съ полнымъ правомъ можно сказать, что Иннокентій неограниченно распоряжался судьбами міра. Но что значатъ всѣ эти примѣры его преобладанія въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ въ Англіи! Въ 1205 году упразднилось тамъ кентербурійское архіепископство—это высшее духовное мѣсто и богатѣйшая каѳедра въ Англіи (архіепископъ носилъ титулъ «князя примаса»), и августинскіе монахи кентербурійскаго аббатства въ тихомолку избрали на это важное мѣсто своего суперіора Регинальда, который немедленно отправился въ Римъ, чтобы получить тамъ утвержденіе въ своемъ санѣ. За это разгнѣвался король Іоаннъ «Безземельный», столько же вспыльчивый, мстительный, безпощадный и страстный, сколько безхарактерный, трусливый и коварный монархъ,—привыкшій считать это мѣсто зависимымъ отъ короны. Только что уѣхалъ Регинальдъ, король заставилъ монаховъ приступить къ новому выбору, и они должны были, по его предложенію избрать норвикскаго епископа Іоанна Грея, котораго онъ тотчасъ пожаловалъ свѣтскими владѣніями архіепископства. И этотъ выборъ, такъ же какъ и Регинальдовъ, представленъ былъ на утвержденіе папы, но Иннокентій и тотъ и другой призналъ незаконнымъ, и повелѣвалъ членамъ кэнтербурійскаго аббатства произвесть новый выборъ, рекомендовавъ при этомъ какъ лучшаго кандидата совершенно преданнаго ему клирика по имени Стефана Лангтона. Разумѣется, Лангтонъ былъ избранъ и тотъ часъ утвержденъ папой. Впрочемъ король понялъ въ чемъ дѣло, потому что выборъ тутъ собственно былъ одною формою,—и въ первомъ порывѣ ярости на папскія притязанія и на покоренное похлѣбство монаховъ, выгналъ послѣднихъ изъ Кэнтербури, отнявъ всѣ его имѣнія, Стефана Ленгтона объявилъ изгнаннымъ изъ всѣхъ своихъ владѣній и написалъ въ тоже время жесткое письмо къ папѣ, въ которомъ упрекалъ его, что

онъ вмѣшивается во внутреннія дѣла англійской короны и похищаетъ его преимущественное право назначать кэнтербурійскаго архіепископа. На Иннокентія III королевскіе угрозы подѣйствовали, конечно, весьма мало, потому что послѣдній хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и потому на письмо короля отвѣчалъ такимъ тономъ, какимъ рѣдко отвѣчаетъ монархъ своему подданному. Король не уступалъ, горячился, и папа сдѣлалъ еще шагъ впередъ и опредѣлилъ королю отлученіе, а его государству интердиктъ. Іоаннъ вышелъ изъ себя и поклялся «зубами божіими» (это была его любимая клятва), что онъ прогонитъ изъ государства или заключитъ въ тюрьму всякаго архіепископа, священника или монаха, который признаетъ интердиктъ и вслѣдствіе этого прекратитъ священнодѣйствія и совершеніе требъ. Но Иннокентій зналъ, что подданные за непостоянство и жестокость скорѣе ненавидятъ, чѣмъ любятъ своего короля, а потому немедленно командировалъ въ Англію нѣсколько легатовъ проповѣдовать по всѣмъ церквамъ проклятіе королю, а изъ за короля и его подданнымъ. Король велѣлъ схватить папскихъ проповѣдниковъ и съ отрѣзанными носами и выколотыми глазами отослалъ обратно въ Римъ. Не забылъ онъ и клятвы своей, и конфисковалъ имѣнія клириковъ (были-ль то аббаты, епископы или священники), которые слѣдуя папскому повелѣнію, заперли свои церкви. Не смотря на то, почти всѣ епископы приняли сторону папы и во всей Англіи перестали звонить въ колокола, прекратились богослужебныя дѣйствія. Чтобы поддержать такое состояніе, папа созвалъ кардиналовъ въ Римъ, и на этомъ собраніи всѣ подданные короля Іоанна разрѣшены были отъ присяги, и затѣмъ папа поручилъ новооснованному ордену нищенствующихъ монаховъ возмутить англійскій народъ противъ короля и произвесть революцію. Монахи, конечно, принялись самымъ точнымъ образомъ исполнять возложенное на нихъ порученіе и по всему британскому острову началась неурядица, потому что, если одни стояли за короля и готовы были искоренить все духовенство, за то другіе,—а они составляли большинство,—смущались въ своей совѣсти и не повиновались королевскимъ чиновникамъ. Такое состояніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, и съ каждымъ годомъ разстройство увеличивалось, пока наконецъ во всѣхъ провинціяхъ, приходахъ и семействахъ,

вмѣсто покоя и мира, не водворились ненависть и вражда. Чтобы сильнѣе поразить своего врага, Иннокентій воспользовался слѣдующимъ обстоятельствомъ: англійской коронѣ принадлежали большія владѣнія во Франціи (напр. Нормандія и т. п.), владѣнія, которыя давно уже оспариваемы были королями Франціи и изъ-за которыхъ уже доходило дѣло до жестокихъ войнъ между обѣими странами. Опираясь на это, папа объявилъ короля Іоанна отрѣшеннымъ отъ престола, а Англію, Ирландію и все имъ принадлежавшее подарилъ королю Франціи Филиппу-Августу, уполномочивая его завоевать подаренныя государства. Король Франціи, исконной врагъ Англіи, принялъ даръ и немедленно снарядилъ большую армію, чтобы привести въ исполненіе папское опредѣленіе. Въ тоже время Иннокентій проповѣдывалъ настоящій крестовый походъ противъ короля Іоанна и обѣщалъ совершенное и всецѣло прощеніе всѣмъ грѣшникамъ и преступникамъ, если они пойдутъ съ оружіемъ противъ Англіи. Число враговъ Іоанновыхъ быстро умножилось, даже бывшіе приверженцы его, изъ значительнѣйшихъ бароновъ, перешли на сторону его непріятелей. Наконецъ, въ 1213 г. дѣло дошло до рѣшительнаго сраженія, но тутъ явился папскій легатъ Пандульеръ предъ Довэромъ въ лагерѣ Іоанна и въ послѣдній разъ предлагалъ ему отъ имени папы прощеніе, если онъ смирится, а въ противномъ случаѣ—безотмѣнное исполненіе прежняго папскаго приговора. Іоаннъ видѣлъ, что враги его безконечно сильнѣе; далѣе—онъ видѣлъ, что и отъ подданныхъ своихъ нечего ожидать поддержки, упалъ духомъ и безусловно покорился папѣ. Это было 23 мая 1213 года, и между королемъ и легатомъ взаимно постановлено было, что не только Стефанъ Лангтонъ безпрепятственно долженъ занять кэнтербурійское архіепископство, но и должны быть возвращены на свои мѣста всѣ изгнанные и отрѣшенные королемъ епископы, священники или монахи, съ самымъ полнымъ прощеніемъ и вознагражденіемъ потерь. Король обѣщалъ также вознаградить за всѣ военные расходы и немедленно представить легату для врученія папѣ 8000 фунтовъ стерлинговъ,—въ тѣ времена весьма значительную сумму. Такимъ образомъ побѣда папы была совершенна, впрочемъ—этого было еще не довольно: два дня спустя (25-го мая) Іоаннъ, забывая чувство чести, передалъ корону Англіи и

Ирландіи въ руки папскаго намѣстника, чтобы чрезъ два дня потомъ снова получить ее отъ него, какъ ленный даръ. Этимъ самымъ онъ на всѣ времена признавалъ свое королевство папскимъ леномъ, обѣщая въ тоже время за себя и за своихъ преемниковъ ежегодно вносить въ казну римскаго престола пошлину въ 1000 марокъ серебра, подъ опасеніемъ потери престола. Такимъ униженіемъ Іоаннъ превратился въ настоящаго подданнаго папы, и только когда объявленъ былъ и подтвержденъ присягой актъ, получилъ недостойный правитель разрѣшеніе отъ проклятія, королю Франціи повелѣвалось прекратить враждебныя дѣйствія противъ Англіи.

Такъ и Англія была подчинена папѣ, и теперь уже не было въ Европѣ трона, который волею или неволею, не признавалъ бы надъ собой господства Петрова престола. Исполнилось такимъ образомъ знаменитое изреченіе Григорія VII: „Summi pontificis voluntas decretum est“, т. е. “воля папы—законъ“ и неменѣе знаменитое положеніе Иннокентія: «что папа солнце, а мірскіе государи—луна, и что послѣдніе свѣтятъ, какъ и она, заимствованнымъ свѣтомъ». Но если Иннокентій III съ такимъ неслыханнымъ произволомъ заставлялъ монарховъ земли творить его волю, то можно ужъ себѣ представить, какъ безгранично тиранствовалъ онъ въ церкви. На созванныхъ имъ соборахъ (напр. на 1 латеранскомъ соборѣ въ 1215 г.) онъ категорически диктовалъ свою волю, которой никто не долженъ былъ прекословить. Распоряжаясь самымъ страшнымъ изъ орудій, инквизиціею, онъ владычествовалъ надъ душами и личностями всего христіанства, такъ что никто не осмѣливался иначе вѣрить, думать и говорить, какъ только согласно съ его повелѣніемъ, изъ опасенія кончить жизнь на кострѣ, въ адской пыткѣ или страшной тюрьмѣ доминиканской. Иннокентій умеръ въ 1216 году, на самомъ зенитѣ своего могущества, и конечно, онъ и помыслить не могъ, чтобы эта власть когда бы то ни было могла поколебаться или пасть совершенно. Да и никто иначе не могъ думать, потому что непосредственные преемники Иннокентія пошли совершенно по его стопамъ и папская универсальная деспотія, казалось, прочно утвердилась на вѣки вѣчные.

Скорѣе даже можно было подумать, что эта деспотія въ

открывшейся теперь борьбѣ съ императоромъ Фридрихомъ II, усиливается и возрастаетъ: но это возрастаніе и усиленіе ея было только кажущееся и окончилось, какъ мы скоро увидимъ, паденіемъ.

О Гоноріѣ III (1216—1227 г.), непосредственномъ преемникѣ Иннокентія, вообще нечего сказать, кромѣ того, что онъ выполнялъ по мѣрѣ своихъ силъ, начинаніе своего предшественника и съ особенною ревностію продолжалъ преслѣдованіе еретиковъ огнемъ и мечемъ (инквизиціи). Въ правленіе его начались враждебныя столкновенія съ императоромъ Фридрихомъ II, о которомъ сначала думали, что онъ будетъ истымъ „папскимъ королемъ"; впрочемъ споръ разгорѣлся только при Григоріѣ IX (1227—1241), родственникѣ по плоти, а еще болѣе по духу, папы Иннокентія. Именно: императоръ далъ обѣщаніе еще Гонорію предпринять крестовый походъ противъ невѣрныхъ, но съ года на годъ откладывалъ его. Григорій, лишь только взошелъ на престолъ, напомнилъ императору объ обѣщаніи, и когда послѣдній все еще медлилъ, то онъ пригрозилъ ему отлученіемъ. Причина, почему папа такъ сильно настаивалъ на этотъ крестовый походъ, заключалась вовсе не въ религіозной ревности къ истребленію невѣрныхъ, а скорѣе въ томъ, что ему хотѣлось подальше имѣть отъ себя императора, который, получивъ въ наслѣдство Сицилію и нижнюю Италію, своимъ близкимъ сосѣдствомъ связывалъ ему руки. И Фридрихъ хорошо понималъ это, но для предотвращенія спора, уступилъ настоянію папы, стянулъ войска къ Брундузію (еще въ 1227 г.) и немедленно переправился въ Сирію. Но на его кораблѣ открылась заразительная лихорадка, отъ которой умеръ тюрингенскій ландграфъ Людвигъ, и эта болѣзнь въ короткое время такъ усилилась, что онъ долженъ былъ возвратиться въ Отранто, чтобы пользоваться пуччіольскими ваннами. Однакожъ Григорій объявилъ его болѣзнь чистымъ притворствомъ и тотчасъ грянулъ на Фридриха проклятіемъ. Послѣдній оправдывался въ изданномъ имъ манифестѣ, въ которомъ жестоко нападалъ на папскій деспотизмъ, не преминулъ однакожъ отправить въ тоже время посольство въ Римъ, съ увѣреніемъ, что онъ, какъ только ему позволитъ здоровье, не смотря на проклятіе, предприметъ крестовый походъ. Но этимъ папа неу-

удовольствовался, а требовалъ немедленнаго отправленія. Фридрихъ опять медлилъ, и эта медленность а особенно рѣзкій тонъ манифеста, разоблачавшаго настоящую суть дѣла, вывели папу изъ себя, такъ что онъ къ проклятію присоединилъ и интердиктъ и не только повелѣвалъ всѣмъ вѣрующимъ избѣгать общенія съ императоромъ, но и приказывалъ всѣмъ священнослужителямъ ни подъ какимъ условіемъ не совершать священнодѣйствій, гдѣ будетъ останавливаться императоръ. Фридрихъ отвѣтилъ на это новымъ манифестомъ и въ тоже время повелѣвалъ духовенству въ своихъ государствахъ, подъ страхомъ отрѣшенія и тюремнаго заключенія, не обращать вниманія на интердиктъ, и совершать богослуженія по прежнему. Но на это а особенно на новый, еще задорнѣе прежняго, манифестъ, нападавшій на папство со всѣхъ сторонъ и объявлявшій ненасытное властолюбіе духовенства корнемъ всякаго зла, такъ озлился Григорій, что рѣшилъ съ большею противъ прежняго торжественностію, въ третій разъ (какъ будто бы двухъ разъ было недостаточно) подвергнуть императора проклятію. И онъ, дѣйствительно, во главѣ своихъ кардиналовъ и всего римскаго духовенства отправился въ церковь св. Петра, чтобы совершить тамъ церемонію третьяго проклятія; но императоръ имѣлъ свою партію между римлянами и она во время самаго процесса церемоніи бросилась на папу и на его кардиналовъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ приколотили и принудили на нѣкоторое время оставить Римъ. Между тѣмъ императоръ Фридрихъ поправился въ своемъ здоровьи и въ 1228 году, дѣйствительно, предпринялъ обѣщанный походъ, не смотря на то, что состоялъ еще подъ проклятіемъ. Такая дерзость снова разгнѣвала папу, такъ какъ по его расчетамъ императору слѣдовало сначала смиренно просить разрѣшенія, потому что состоявшій подъ проклятіемъ не имѣлъ никакого права дѣлать и добраго дѣла. Поэтому Григорій отправлялъ въ Палестину посла за посломъ, повелѣвая тамошнимъ рицарскимъ орденамъ, духовенству и всему народу, чтобы никто не смѣлъ помогать императору. Даже и этимъ еще неограничился святѣйшій отецъ, но возбуждалъ всегда склонныхъ къ возстаніямъ ломбардцевъ свергнуть иго императора, и самъ даже съ войскомъ вторгнулся въ нижнюю Италію. Такъ разгорѣлась въ Италіи извѣстная борьба гвельфоръ и ги-

линов 1), потрясшая въ основаніяхъ эту прекрасную страну. рочемъ, не смотря на всѣ папскіе ухищренія, императоръ садился въ Акрѣ (Сень-жанъ д'Акръ), побѣдоносно прослъ до Яффы и, послѣ одного выиграннаго сраженія, заклюлъ съ султаномъ Камелемъ договоръ, по которому не только русалимъ съ Виѳлеемомъ и Назаретомъ съ округами, но и е побережье отъ Яффы до Сидона были уступлены христіамъ. Но и такой счастливый исходъ вовсе не примирилъ па-, но исполнилъ его (доказательство, что онъ думалъ о угомъ, а не завоеваніи св. земли) еще большею яростію. слѣдствіе этого онъ наложилъ па Іерусалимъ интердиктъ и сьма сочувствовалъ интригѣ храмовыхъ рыцарей (тампліеровъ)— едать императора въ руки султана. Но султанъ былъ слишмъ благороденъ, чтобы покуситься на предательское убійство воего врага, и самъ извѣстилъ великаго Гогенштауфена о грощей ему опасности. Послѣ того, когда употреблено было и го средство, Фридрихъ вступилъ въ Іерусалимъ и 17 марта 229 г. возложилъ на себя корону самъ, потому что, послую интердикта, никому изъ духовныхъ нельзя было не только овершить коронованіе, но и служить обѣдню. Между тѣмъ въ Италіи и Германіи распространился слухъ, будто императоръ въ иріи въ плѣну или даже умеръ, и папа употреблялъ всѣ средтва, чтобы побудить князей Германіи къ выбору новаго императора, между тѣмъ въ Италіи все пошло къ верху дномъ. акъ вдругъ явился Фридрихъ высадившійся въ Брундузіумѣ; нъ въ короткое время собралъ вокругъ себя значительную арію и совершенно покорилъ нижнюю Италію. Возрастающее наченіе императора заставило папу одуматься особенно, когда мператоръ вторгнулся въ самую церковную область и началъ пустошать все огнемъ и мечемъ. Теперь Григорій изъявилъ отовность снять проклятіе и разрѣшить императора, если послѣдній внесетъ ему 100000 унцовъ золота, потому что безъ

[1]) Гибелинами называли приверженцевъ партіи Гогенштауфеновъ или нѣмцевъ, по швабскому мѣстечку Вайблингенъ, гдѣ родился родоначальникъ этой фамиліи, императоръ Конрадъ, а гвельфы получили свое имя отъ баварскаго герцога Вельфа, по-итальянски Гвельфо, супруга графини Матильды, увеличившей владѣнія церковной области.

барыша и пользы было слишкомъ тугъ на всякое снисхожденіе. Не жалѣя золота, Фридрихъ согласился на это, и такимъ образомъ миръ былъ возстановленъ. Но онъ былъ весьма не продолжителенъ, потому что папа сталъ изъ подъ тишка склонять старшаго сына императора, герцога Генриха, соединиться съ ломбардцами противъ его отца; но въ послѣдующіе два года до формальнаго разрыва не дошло, просто потому, что отецъ захватилъ сына въ плѣнъ и вмѣстѣ съ женою и ребенкомъ посадилъ подъ арестъ въ замкѣ Санъ-Феличе. Въ 1236 году папѣ снова удалось возмутить противъ императора ломбардскіе города, и хотя послѣдній одержалъ блистательную побѣду у Контенувы на Огліо (26 и 27 ноября 1237 г.), однакожъ осада укрѣпленныхъ городовъ Милана, Болоньи, Піаченцы и Бресчіи такъ затянулась, что армія Фридриха, не получавшая подкрѣпленія, уменьшилась почти вдесятеро, особенно, когда въ войскѣ появилась еще зараза. Григорій, не довольный еще и тѣмъ, что Фридрихъ назначилъ своего сына Энчіо королемъ сардинскимъ (Фридрихъ завоевалъ Сардинію у сарацыновъ и могъ, поэтому, располагать ея престоломъ по своему усмотрѣнію, а папа напротивъ утверждалъ, будто этотъ островъ искони былъ леномъ папскаго престола и требовалъ возвратить его себѣ), поспѣшилъ воспользоваться такимъ неблагопріятнымъ образомъ дѣлъ для сокращенія и уменьшенія власти императора въ Италіи и поэтому, въ вербное воскресенье, 1239 г., опять изрекъ на Фридриха проклятіе. Въ своей буллѣ по этому поводу Фридриха представлялъ онъ врагомъ церкви и похитителемъ наслѣдія Петрова. Онъ требовалъ отъ всѣхъ подданныхъ императора не признавать Фридриха своимъ государемъ и повелителемъ, такъ какъ онъ скорѣе язычникъ, чѣмъ христіанинъ. Эта осудительная грамота до того переполнена была ругательствами всякаго рода, что Фридрихъ выходилъ виновнымъ во всѣхъ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ и въ убійствѣ, и въ лжи, и въ жестокости, и клятвопреступленіи, и въ святотатствѣ, и въ безбожіи и т. д. Такую ругательную грамоту Фридрихъ не оставилъ безъ отвѣта и издалъ еще манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, папу сравнивалъ съ чудовищемъ, которое насытитъ свою жадность развѣ тогда, когда проглотитъ весь міръ. И этотъ манифестъ Фридрихъ велѣлъ не только разослать всѣмъ

князьямъ и королямъ, но и прибить ко всѣмъ ратушамъ и церквамъ, „чтобы всѣ знали, какое чудовище папа Григорій и какъ мало онъ похожъ на преемника Петрова“. Правда заключавшаяся въ императорскомъ манифестѣ, не по сердцу конечно, пришлась папѣ, и онъ до того забылся, что подражая своему предшественнику Иннокентію, объявилъ императора отрѣшеннымъ отъ престола и предложилъ нѣмецкую корону Людовику IX французкому. Въ тоже время онъ далъ повелѣніе своему летучему корпусу нищенствующихъ монаховъ, чтобъ они прошли по всей Германіи и возмутили бы народъ противъ своего законнаго монарха. Но императоръ Фридрихъ былъ—не Іоаннъ «беззомельный», а Григорій не Иннокентій III; не взирая на усилія монаховъ и на интердиктъ, императоръ остался императоромъ, потому что, долго не разсуждая, онъ отрѣшилъ отъ мѣстъ всѣхъ тѣхъ духовныхъ, которые были противъ него, возмущавшихъ монаховъ съ отрѣзанными ушами выгонялъ изъ государства, а тѣ которые осмѣлились, не смотря на это, проповѣдывать папскую буллу отлученія, поплатились даже жизнію и должны были въ награду за свою вѣрность папѣ болтаться на виселицѣ. По водвореніи, такимъ образомъ, порядка въ Германіи, императоръ въ 1251 г. съ большею арміею пошолъ въ Италію, наказалъ ломбардцевъ и бросился на самый Римъ, разорилъ и опустошилъ его окрестности. Папа, чувствовавшій себя довольно безопаснымъ въ хорошо укрѣпленномъ и защищенномъ сильнымъ войскомъ Римѣ, рѣшилъ созвать общій соборъ, чтобы, при посредствѣ всѣхъ епископовъ, осудить императора, и когда уже много епископовъ, особенно изъ Франціи, Испаніи и Англіи, собралось въ вольномъ городѣ Гендѣ, чтобы оттуда на кораблѣ (на сухомъ пути вездѣ стояли солдаты и приверженцы Фридриха) переправиться въ Римъ, онъ поручилъ своему сыну Энчіо,—вице королю сардинскому и главнокомандующему императорскимъ флотомъ, захватить генуезскіе галеры, на которыхъ станутъ переправляться епископы въ Римъ. Энчіо настигъ непріятельскій флотъ у острова Мелоріи и порученіе отца выполнилъ блистательнымъ образомъ. Всѣ епископы были захвачены и многіе изъ нихъ, извѣстные своею ненавистію къ императору, сгоряча, были брошены за бортъ, а всѣ остальные отправлены въ нижнюю Италію и размѣщены по императорскимъ

замкахъ. Это было въ 1241 г. Извѣстіе о такомъ необычайномъ пораженіи до того ошеломило папу, что онъ отъ душевной скорби умеръ, чему, впрочемъ, нечего особенно удивляться, такъ какъ ему было ужъ 90 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Счастливая звѣзда императора опять засвѣтилась и потому кардиналы въ Римѣ никакъ не осмѣлились возвести на Петровъ престолъ императорскаго врага, а предоставили ему самому сдѣлать выборъ между кардиналомъ Готфридомъ и кардиналомъ Романомъ. Фридрихъ II объявилъ себя за Готфрида, который тутъже и провозглашенъ былъ подъ именемъ Целестина IV и тутъже изъявилъ готовность заключить съ императоромъ миръ. Къ сожалѣнію, миръ этотъ не состоялся, потому что папа на седьмой день своего избранія умеръ, по всѣмъ признакамъ, отъ яда, который поднесенъ ему былъ кѣмъ-нибудь изъ гвельфовъ.

Прошло полтора года, пока коллегія кардиналовъ раздѣлившаяся на двѣ партіи,—гвельфскую и гибелинскую, приступила къ новому выбору. Онъ палъ на генуэзскаго графа—кардинала Фіеско, человѣка весьма ученаго, мнимаго пріятеля нѣмцевъ. Истинныя его чувства обнаружились, впрочемъ, скоро послѣ его восшествія на престолъ подъ именемъ Иннокентія IV, когда онъ вступилъ съ императоромъ въ переговоры объ освобожденіи содержавшихся все еще въ заключеніи въ нижней Италіи архіепископовъ и епископовъ. Фридрихъ II соглашался отпустить ихъ подъ условіемъ, разумѣется, чтобы съ него предварительно снято было проклятіе, а Иннокентій требовалъ выпуска безусловнаго, а папское разрѣшеніе должно послѣдовать уже за тѣмъ,—какъ даръ милости его святѣйшества. Раздраженный этимъ императоръ собралъ свои войска, съ намѣреніемъ идти на Римъ, но папа, опасаясь, какъ бы и его не постигла участь его прелатовъ, ночью, переодѣтый, ускакалъ въ Чивита—Веккію, гдѣ его поджидали генуэзскія галеры, чтобы увести въ Ліонъ. Тамъ онъ созвалъ (1245 г.) всеобщій соборъ, на который, впрочемъ, явились немногіе епископы. Но, не смотря на это, равно и на то, что императорскій посолъ Ѳаддей суэзскій, въ прекрасной рѣчи, опровергъ всѣ взведенныя на его государя обвиненія,—Иннокентій произнесъ на императора „большое“ проклятіе, съ отрѣченіемъ его и отъ трона. „Если мы“,—говорилъ торжествующій папа,—«повергнемъ и свяжемъ

этого великаго дракона (то есть императора), то тогда безстрашно будемъ попирать ногами всѣхъ мелкихъ змѣевъ (то есть князей и королей)». Въ этихъ краткихъ словахъ высказалось истинное намѣреніе папства и императоръ Фридрихъ, понимая это, издалъ новый манифестъ (авторомъ его былъ вѣрный канцлеръ императора Петръ вилейскій), въ которомъ прежде всего изъяснялось, что папское осужденіе ничего не значитъ, потому что папа въ одной своей особѣ хочетъ быть и обвинителемъ, и свидѣтелемъ, и судьею; далѣе говорилось, что до тѣхъ поръ въ христіанствѣ не будетъ мира, пока все духовенство не будетъ возвращено къ апостольской жизни первыхъ вѣковъ. Раздраженный на такую дерзость, Иннокентій IV рѣшительно отвергнулъ примирительное посредничество французскаго короля Людовика IX и требовалъ отъ нѣмецкихъ князей выбора новаго императора. Фридрихъ II согласился уступить царство своему сыну Конраду, чтобы самому отправиться въ Палистину воевать съ невѣрными, но папа и этого не позволилъ, потому что помышлялъ истребить все „ненавистное" плѣмя Гогенштауфеновъ. Опять закипѣла борьба гвельфовъ съ гибелинами, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи. Духовенство въ Германіи, для котораго просвѣщенный Фридрихъ былъ тоже, что—бѣльмо въ глазу, пристало къ папѣ и своими стараніями достигло того, что часть курфирстовъ въ 1246 году, дѣйствительно, избрала нѣмецкимъ правителемъ туринскаго ландграфа Генриха Распе, котораго обыкновенно называютъ „поповскимъ королемъ". Папа, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ духовенствомъ, поддерживалъ новоизбраннаю денежными субсидіями, но народъ его презиралъ, а когда Генрихъ въ 1247 году былъ разбитъ при Уимѣ Фридриховымъ намѣстникомъ Конрадомъ, тогда роль его можно было бы считать оконченною, если бы его, всѣми покинутаго и совершенно безвластнаго, не постигла смерть въ томъ же году. Впрочемъ, этотъ несчастный выборъ кандидата на императорство не остановилъ папу отъ дальнѣйшихъ попытокъ найдти еще охотниковъ на упраздненный имъ престолъ. Долго никто не хотѣлъ принять папское предложеніе, наконецъ, когда въ лицѣ молодаго голландскаго графа Вильгельма явился искушенный императорствомъ, то папа снова развязалъ свой карманъ, чтобы поставить на ноги своего кліента. И вотъ въ 1248 г.

Вильгельмъ былъ коронованъ въ Ахенѣ, но храбрый Конрадъ въ томъ же году заставилъ его бѣжать въ Голландію, съ тѣмъ, съ чѣмъ онъ пришелъ въ Германію. Но сколько благопріятствовало счастіе Гогенштауфенамъ въ Германіи, столько несчастливы были они въ Италіи, не смотря на то, что фельдмаршальскій жезлъ былъ въ рукахъ самаго Фридриха II. Счастливо подавивши возстаніе, возбужденное папой въ Сициліи, онъ намѣревался опять подчинить возмутившихся ломбардцевъ, съ которыми между тѣмъ дрался его сынъ Энціо; но тутъ случились событія, которыя подорвали надежды Фридриха. Во первыхъ, городъ Витторія, недавно имъ построенный, гдѣ были сосредоточены всѣ его военныя средства, неожиданно былъ взятъ непріятелями; во вторыхъ,—плѣнъ его сына Энція и, въ третьихъ, измѣна канцлера Петра винейскаго. Энцій былъ не только любимымъ, но и лучшимъ сыномъ императора. Воюя съ Болоньею, онъ, по несчастію, попалъ въ плѣнъ, и двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ осужденъ на вѣчное заточеніе. Пѣтръ винейскій былъ возвышенъ императоромъ изъ низшаго сословія и пользовался постоянною его довѣренностію, не смотря на то онъ позволилъ подкупить себя врагамъ своего государя и потомъ, отъ страха и раскаянія, размозжилъ себѣ голову о столбъ тюрьмы, куда заключилъ его Фридрихъ. Испытавъ такіе тяжкіе удары, Фридрихъ покинулъ на произволъ судьбы Ломбардію, на которую нотратилъ столько силы, денегъ, и удалился въ свое наслѣдственное государство, гдѣ скоро и его самого одолѣла, наконецъ, злая доля, и онъ скончался на 56 году отъ роду въ объятіяхъ своего сына Манфреда въ Фиренцолѣ, близъ Лучеріи, въ нижней Италіи.

Узнавъ о смерти Фридриха Иннокентій IV, внѣ себя отъ радости, писалъ изъ Ліона: „Веселися земля, ликуй небо: Иродъ мертвъ", и вслѣдъ затѣмъ переселился въ Римъ. Но полнаго торжества ждалъ онъ себѣ только тогда, когда погибнетъ весь ненавистный ему родъ Гогенштауфеновъ; а между тѣмъ существовали и цвѣли еще двѣ его отрасли,—храбрый Манфредъ и Конрадъ IV, наслѣдовавшій своему отцу въ правленіи. Иннокентій на нихъ обоихъ грянулъ своимъ проклятіемъ, потому что они бли „чада Иродовы", и—они понесли на себѣ всѣ слѣдствія, которыми сопровождалась тогда папская опала. Без-

орядки въ Германіи переступили всякія границы: вездѣ были нархія, войны, возстанія. Предоставивъ Германію, послѣ роиграннаго сраженія при Оппенгеймѣ, своему противнику Вильельму голландскому, Конрадъ IV устремился въ Италію, чтоы удержать за собой по крайней мѣрѣ Апулію и Сицилію. 'утъ онъ соединился съ братомъ своимъ Манфридомъ, подчинилъ ːбѣ сначала Сицилію (1252 г.), а въ слѣдующемъ году и Неаюль, завоевалъ Беневентъ и готовился уже на весну 1254 года ːъ походу въ среднюю и верхнюю Италію, какъ 21 мая 1254 года ːмерть внезапно сразила его въ станѣ при Лавалло. Такъ соnелъ со сцены и этотъ Гогенштауфенъ; оставался только побочый сынъ Фридриха Манфредъ и двѣнадцатилѣтній сынъ Конрада, прославившійся своею преждевременною и жалкою смерію. Папа уже предлагалъ этотъ край разнымъ принцамъ, какъ наприм., Карлу анжуйскому, Ричарду корнваллійскому и принцу Эдуарду англійскому, но всѣ они, полагая, что папа готовъ бы предложить имъ и луну, подъ условіемъ, чтобы они только издали на нее смотрѣли, а прикоснуться не дерзали,— не приняли съ виду только заманчивыхъ предложеній папы. Поэтому онъ рѣшился своими силами защищать нижнюю Италію. Сначала ему удалось привести въ повиновеніе всѣ провинціи, и уже онъ полагалъ, что достигъ своей цѣли, что въ скоромъ времени присоединитъ къ своимъ владѣніямъ и всю нижнюю Италію, какъ вдругъ явился Манфредъ съ сарацинскимъ войскомъ и въ битвѣ при Фоггіѣ 2 декабря 1254 г. совершенно разбилъ папское ополченіе. Такого неожиданнаго и неблаговременнаго нападенія папа перенесть былъ не въ силахъ и черезъ недѣлю послѣ того скончался.

Иннокентій IV былъ близокъ уже къ тому, чтобы сдѣлаться повелителемъ всей Италіи, и могъ похвалиться, что такъ же счастливо одолѣлъ (хоть и послѣ страшной борьбы) имперію, какъ и его великій соименникъ Иннокентій III; но передъ своею смертію долженъ былъ однакожъ признаться, что колоссъ, во главѣ котораго онъ поставилъ себя, началъ ужъ колебаться. Да, великій императоръ Фридрихъ своими безпощадными манифестами разоблачилъ многое, что было подъ непроницаемою завѣсою. Папство затронуто было въ самыхъ основаніяхъ своихъ, и въ народѣ открылось мѣсто сомнѣнію въ

дѣйствительности и силѣ папскихъ правъ, проклятій и отлученій. Иннокентій сознавалъ это и—скорбѣлъ. Еще большею скорбію для него было умирать, когда еще не былъ побѣжденъ послѣдній потомокъ Гогенштауфена,—умирать въ тѣ минуты, когда этотъ ненавистный потомокъ почти уничтожилъ его армію. Но, онъ утѣшился бы въ свой скорби, если бы чрезъ двѣнадцать лѣтъ могъ выйти на Божій свѣтъ и увидѣть, что Манфредъ съ Конрадиномъ усиліями его преемника Климента IV тоже отправлены въ могилу, и что весь родъ Гогенштауфенскій стертъ съ лица земли.

По смерти Иннокентія кардиналы избрали главою церкви одного графа, назвавшагося Александромъ IV (1254—1261), который не могъ замѣнить потерю Иннокентія. Хотя онъ и произнесъ отлученіе Манфреду и на всю нижнюю Италію, вмѣстѣ съ Сициліею, наложилъ интердиктъ, однакожъ это принесло ему мало пользы, потому что Манфредъ прогналъ папскихъ легатовъ изъ Сициліи, разбилъ папскія войска, не смотря на то, что предъ ними несенъ былъ крестъ, завоевалъ Неаполь и 11-го авг. 1258 г. въ Палермо велѣлъ короновать себя, и при его коронованіи присутствовали не только имперскіе бароны и депутаты городовъ, но и почти всѣ нижнеиталіянскіе и сицилійскіе епископы. Прелаты присоединились къ Манфреду, не взирая на интердиктъ, и остались на его сторонѣ, когда были отрѣшены Александромъ и подвергнуты отлученію. Первый разъ папскій перунъ не сопровождался пожаромъ, оттого что въ послѣднее время папы стали бросать его слишкомъ часто, для потѣхи, въ родѣ фейерверка. Что было въ нижней Италіи, тоже случилось въ верхней. Тамъ одержалъ совершенную побѣду надъ вельфскою партіею славный Эцелинъ или Эцелино-да-Романо, глава гобеллинской партіи въ ломбардіи, и такъ мало безпокоился о папскомъ отлученіи, что захваченныхъ въ сраженіи епископовъ и даже папскихъ легатовъ или велѣлъ казнить, или на всю жизнь заключалъ въ тюрьму. Напротивъ, въ Германіи авторитетъ папскій еще сохранялъ нѣкоторое значеніе, потому что когда тамъ, по смерти Вильгельма голландскаго въ 1256 году, нѣкоторымъ нѣмецкимъ курфирстамъ хотѣлось избрать въ нѣмецкіе короли послѣдняго Гогенштауфена,—Конрадина, и когда, вслѣдствіе этого, папа велѣлъ объявить чрезъ

майнцкаго архіепископа, что отлучитъ всякаго, кто подастъ свой голосъ за Конрадина и затѣмъ выборъ сочтетъ недѣйствительнымъ, то нѣмецкіе курфирсты, дѣйствительно, перестали настаивать на выборѣ Гогенштауфена.

Въ 1261 году умеръ Александръ IV, бывъ свидѣтелемъ того, какъ король Манфредъ обложилъ тяжкими податями даже нѣкоторыя провинціи церковной области и, не смотря на вторичное отлученіе и интердиктъ, послѣ побѣды при Монтаперто 4 сент. 1260 г., овладѣлъ всею Тусціею. Ему послѣдовалъ Урбанъ IV (1261—1264 г.), человѣкъ происхожденія низскаго (сынъ башмачника), но гордостію неуступавшій высокорожденному своему предшественнику. И онъ тоже произнесъ на Манфреда отлученіе и даже проповѣдывалъ противъ него крестовый походъ: но Манфредъ разбилъ крестоносцевъ и своимъ вторженіемъ въ церковную область заставилъ папу бѣжать въ Орвіето. По смерти Урбана, на престолъ св. Петра взошелъ Климентъ IV (1265—1268 г.). И этотъ, подобно своимъ предшественникамъ, ждалъ—не дождался истребленія Гогенштауфенскаго корня. Будучи единоземцемъ Урбана (французомъ), онъ, подобно ему, предложилъ корону нижней Италіи и Сициліи брату французскаго короля Людовика IX—Карлу графу анжуйскому. Въ надеждѣ на обѣщанную братомъ помощь, Карлъ принялъ папское предложеніе и, сопровождаемый 5 тысячами французскихъ рыцарей и 15 тысячами пѣхоты, прибылъ въ Римъ, гдѣ 6 января 1266 г. папа возложилъ на него короны Сициліи и Неаполя. Манфредъ съ войскомъ изъ нѣмцевъ, сарацынъ и неаполитанцевъ выступилъ противъ своего соперника и врага, и 26 февраля, при Беневентѣ, произошла рѣшительная битва. Нѣмцы и серацыны сражались съ геройскою отвагою, но неаполитанцы, руководимые монахами, перешли на сторону его непріятелей. Увидѣвъ, что, вслѣдствіе этой измѣны, дѣло будетъ проиграно, Манфредъ бросился въ средину битвы и нашелъ тамъ смерть, которой искалъ [1]. Чрезъ нѣсколько дней нашли его тѣло, покрытое множествомъ ранъ, и папа, чтобы лишить его какъ отлученнаго, почетнаго

---

1) „Malo,—сказалъ онъ совѣтовавшимъ спастись бѣгствомъ, hodie mori rex in acie, quam vivere exul et calamitosus“.

гребенія, велѣлъ разтерзать его тѣло у беневенскаго моста; но не только его единоземцы, но даже и французскіе солдаты устыдились такого изувѣрства, и надъ его трупомъ положили по камню, отчего составился настоящій понятникъ, который можно видѣть и теперь. Его „называютъ скалою розъ". Такъ скончался Манфредъ, а съ нимъ угасла и вся фамилія Гогенштауфеновъ; потому что его три сына, вмѣстѣ съ матерью, попали въ руки побѣдителя,—Карла анжуйскаго и до самой смерти содержались въ жестокомъ заключеніи.

Оставался, впрочемъ, въ живыхъ еще одинъ и единственный Гогенштауфенъ юный сынъ Манфреда, Конрадъ. Къ нему то обратились сицилійцы и нижніе италіянцы, угнетенные тяжкими жестокостями Карла анжуйскаго, чтобы онъ вступилъ въ управленіе отцовскимъ наслѣдствомъ. Храбрый и исполненный одушевленія, не обращая вниманія на папскіе перуны (за ними, разумѣется, остановки не было), отправился Конрадинъ. сопровождаемый другомъ своимъ Фридрихомъ баденскимъ, съ 10 тысячнымъ войскомъ за Альпы (до тѣхъ поръ онъ жилъ у дяди своего, герцога баварскаго). Уже выигралъ онъ первую битву съ французами, при Понтеда-валле и вторую при Тальякоццо; но когда войска Конрадиновы, упоенные первыми успѣхами. обратились къ грабежу, изъ засады напалъ на нихъ опытный Карловъ командиръ Эраръ де-Валери и разсѣялъ все его войско. Самъ Конрадинъ благополучно спасся, вмѣстѣ съ своимъ другомъ въ приморское мѣстечко Астуру; но здѣсь былъ выданъ врагамъ въ слѣдствіе позорной измѣны, внушенной гнуснымъ корыстолюбіемъ Іоанну Франжипани, семейство котораго пользовалось расположеніемъ и щедротами Фридриха II. Торжествовалъ Климентъ IV и не успокоился до тѣхъ поръ, пока Конрадинъ съ своимъ другомъ не сложили свои головы подъ сѣкирой палача [1]). Такъ исчезла великая фамилія Гогенштауфеновъ, гонимая папами! Но она увлекла за собой и гонителей.

Такимъ образомъ мы видѣли какъ папы достигали высо-

---

[1]) Карлъ анжуйскій спрашивалъ у папы; какъ поступить съ Конрадиномъ, такъ какъ почти всѣ судьи признавали его невиннымъ, и папа отвѣчалъ категорически: vita Conradini mors Caroli, mors Conradini vita Carolis".

чайшей степени могущества, съ какой необычайной—*„кротостію, нѣжностію, снисходительностію и смиреніемъ“*. пользовались своимъ могуществомъ. Обратимъ теперь хоть мимолетное вниманіе на то, какъ и отчего власть папъ, отнынѣ стала ослабѣвать, пока, во время французской революціи, почти совсѣмъ не уничтожилась.

III.

III ТОМЪ АКТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫХЪ ВИЛЕНСКОЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЮ КОМИССІЕЙ.

Несмотря на разныя неудобства, въ продолженіи полутора года Коммиссія успѣла разработать значительный матеріалъ, изъ котораго составятся два тома актовъ. Въ м. октябрѣ прошлаго года приступлено къ печатанію настоящаго тома. Печатаніе актовъ было бы давно начато; но по предложенію и настоянію предсѣдателя положено въ коммиссіи—излагать краткое содержаніе на русскомъ языкѣ каждаго акта, за исключеніемъ небольшаго количества тѣхъ, которыхъ содержаніе видно изъ самаго заглавія. Хотя обстоятельство это потребовало больше труда и замедлило изданіе, но изложеніемъ содержанія актовъ, писанныхъ по большей части на польскомъ языкѣ съ примѣсью латинскаго, изданіе сдѣлалось доступнымъ для всякаго русскаго, занимающагося исторіею западнаго края. Коммиссія предпочла изложеніе содержанія простому дословному переводу на томъ основаніи, что при переводѣ пришлось бы тѣже самыя длинныя фразы, составляющія форму акта, въ сотый разъ повторять на двухъ языкахъ, не облегчивъ ничѣмъ специалиста, ищущаго среди старинной канцелярской фразеологіи самой сущности дѣла. При печатаніи III-го тома актовъ коммиссія поступила съ большею противъ прежняго экономіей: въ 1-мъ томѣ напечатано на 50 листахъ—99, а во II-мъ на 45³/₄ л.—165 актовъ; въ III-мъ же томѣ помѣстилось на 50-и листахъ—

214 актовъ съ обстоятельнымъ изложеніемъ ихъ содержанія.

Порядокъ въ распредѣленіи актовъ удержанъ въ III томѣ тотъ же, какой соблюденъ былъ въ двухъ первыхъ томахъ. Въ этомъ томѣ помѣщено 154 акта содержанія церковно-историческаго. Изъ актовъ относящихся къ мѣстной администраціи, вошло въ этотъ томъ только 60; вторая половина ихъ будетъ помѣщена въ IV томѣ.

Всѣ церкви, о которыхъ упоминается въ актахъ церковныхъ II-го и III-го томовъ, находились въ территоріи бывшаго брестскаго, или правильнѣе берестейскаго, воеводства и состоявшей въ ней брестской епархіи, соединенной съ владимірскою. Берестейское воеводство на правомъ берегу западнаго Буга, въ нынѣшней гродненской губерніи, составляли уѣзды Брестъ-Литовскій, Кобринскій и Пружанскій, и въ минской губерніи пинскій у.; а на лѣвомъ берегу Буга—восточная половина нынѣшней сѣдлецкой губерніи въ царствѣ Польскомъ [1]. Но такъ какъ пинскій уѣздъ подчиненъ былъ туровскимъ епископамъ, называвшимся вмѣстѣ и пинскими, то фундушовыя записи и другіе акты духовнаго содержанія вносились въ пинскія гродскія и земскія книги.

Городъ Брестъ-Литовскій (въ старину *Берестій*, *Берестье*, по-польски Brzecs) принадлежитъ къ древнѣйшимъ русскимъ городамъ. Онъ былъ, кажется, однимъ изъ тѣхъ червенскихъ городовъ, которые Владиміръ великій отнялъ у ляховъ. Вѣроятно червенскіе города уже прежде того принадлежали русскому государству. Съ той поры брестская область причислена къ удѣльнымъ княжествамъ—владимірскому, туровскому и пинскому, иногда составляла особое удѣльное княжество, которое наконецъ принадлежало къ Галицко-владимірскому королевству. Городъ Брестъ, построенный при устьѣ судоходной рѣки Мухавца, впадающаго въ Бугъ, на рубежѣ поселеній бужанъ, древлянъ, лучанъ и дреговичей, издревле служилъ мѣстомъ сообще-

---

1) Atlas novus sive tabulae geographicae etc. a Tobia Conrado Lottero editae. Augustae Vindelicorum 1770—1773.

нія этихъ племенъ между собою и съ соседними имъ народами мазовшами, жившими зарѣкою Вислой и на сѣверъ отгуда обитавшими ятвягами и литовскими племенами. По Припети, Мухавцу, и другимъ рѣкамъ существовалъ издревле прямой путь сообщенія между народами русскимъ и польскимъ, между востокомъ и западомъ. Надъ Бугомъ произошла кровопролитная битва кн. Ярослава съ Болеславомъ Храбрымъ, который, послѣ бѣгства изъ Кіева, захватилъ червенскіе города. Туда же бѣжалъ Святополкъ (окаянный), въ ляцкую землю. Лѣтопись пишетъ: *,,въ 1010 году, Святополкъ бѣжа—и бѣжащую ему, нападе нань бѣсъ и разслабѣша кости его, не можаше сидѣти, и посяхуть и на носилѣхъ, принесоша и къ Берестью, бѣгающе съ нимъ* [1]). Въ 1016 г. въ первый разъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о городѣ Брестѣ. В. к. Ярославъ осаждалъ *Берестій*, но тщетно; слѣдовательно уже тогда Брестъ былъ укрѣпленнымъ городомъ. Въ 1020 г. Брестъ захваченъ кор. польскимъ Болеславомъ Храбрымъ; а въ 1022 г. Ярославъ опять воевалъ подъ Брестьемъ [2]). Въ 1040-хъ годахъ Брестъ опять возвращенъ кн. Ярославомъ русской землѣ и съ той поры онъ состоялъ подъ русскимъ владычествомъ. Въ 1073 году Владиміръ Мономахъ упоминаетъ въ своемъ поученіи о походахъ къ Брестью; онъ ходилъ въ эту страну—на Сутейску (т. е. на рубежахъ Руси и Польши) мира творить съ ляхи [3]). Въ 1099 г. В. кн. Святополкъ отправился въ Брестъ для совѣщанія съ польскимъ кн. Владиславомъ Германомъ и заключилъ договоръ съ Ростиславичами противъ Давида, ослѣпившаго Василька кн. Теребовльскаго [4]). Въ 1141 г. В. кн. Всеволодъ далъ своимъ шурьямъ—Святополку и Владиміру Мстиславичамъ г. Брестъ [5]). Въ 1142 тотъ

1) Полное собраніе русск. лѣтописей I. 62.

2) Карамзинъ И. Г. Р. II, пр. 10.—Соловьева ист. Росс. I, 221. 229.

3) Пол. собр. русск. лѣтописей I, 103. *Сутескъ*, с. Люблинской губерніи въ царствѣ Польскомъ.

4) Соловьевъ. II, 61.

5) Карам. II, 116.

же кн. отдалъ своимъ родственникамъ Давидовичамъ города: Брестъ, Дрогичинъ и Брянскъ [1]). Въ 1153—1157 г. владѣлъ Брестьемъ кн. Владиміръ Андреевичъ, бывшій кн. Пересопницкій [2]). Въ 1116 г. князь литовскій Скирмунтъ завладѣлъ на время брестскою землею [3]), но князь луцкій Мстиславъ подчинилъ ее опять русскому владѣнію. Польскіе историки утверждаютъ, что въ 1172 году Брестъ достался опять польскому князю Казиміру Справедливому, который будто-бы первый построилъ на взгорьѣ надъ рѣкою Бугомъ оборонительный замокъ [4]).

Это владычество поляковъ было конечно не продолжительно, и по словамъ лѣтописи въ Брестѣ владѣлъ кн. Романъ Мстиславичъ. Когда послѣ смерти его въ 1207 году Лешко пришелъ умиротворить страну, *берестьяне* просили его дать имъ малолѣтняго Василька Романовича и съ радостью приняли малютку, видя въ немъ какъ бы живаго Романа [5]). Мать Василька жаловалась Лешку, что кн. Александръ „всю землю нашу и отцизну держитъ, а сынъ мой въ одномъ Брестьѣ“ — и Александръ отдалъ Васильку Бельзъ [6]). Такимъ образомъ, Брестъ признавался безспорно достояніемъ Романовичей. Не смотря на то въ 1211 г. Лешко отнялъ на время Брестъ, но послѣ побѣды кн. Мстислава онъ опять достался князьямъ галицкимъ [7]).

Въ 1226 г. Ятвяги пришли воевать около Бреста, но

---

1) Карам. II, 118.
2) Соловьевъ. II, стр. 193 и пр. 278.
3) Нарбута. Dzieje Litwy т. III, стр.
4) Длугошъ, книга VI, стр. 539.
5) Полн. собр. р. лѣт. II, 157. „И пріѣхаша Берестьяне ко Лесткови и просиша Романовой и дѣтій, бѣаста до млада сущи: и вдасть имъ, да владѣетъ ими; они же съ великою радостью срѣтоша и, яко *великаго Романа жива видящи.*“— Столь популяренъ былъ въ этой странѣ кн. Романъ, этотъ грозный бичь Ляховъ, Половцевъ, Литвы и Ятвягъ!
6) Полн. собр. р. лѣт. II, 157.—Соловьевъ. II, 309.
7) Карам. III, 108.

ни потерпѣли пораженіе отъ кн. Даніила Романовича [1]). Въ 1229 г., въ отсутствіи кн. Даніила, сами жители Бреста съ князем пинскимъ Владиміромъ перебили напавшихъ на нихъ литовцевъ [2]).

Брестская земля и вся *окраина* [3]) между Бугомъ и Вислою издревле заселена была русскимъ народомъ. Въ продолженіи XI—XIII вѣковъ князья мазовецкіе и литовскіе постоянно врывались въ эту страну; но галицкіе и перемышльскіе князья держали всю землю между Вислой, Бугомъ и Карпатами въ своей власти и мужественно отстаивали ее противъ вторженій поляковъ, литовцевъ и угровъ. Польскіе писатели нарочно умалчиваютъ объ всѣхъ фактахъ показывающихъ постоянное владычество русскихъ князей между Бугомъ и Вислой. У Балинскаго, въ польской всеобщей Энциклопедіи, и др. такого же рода изданіхъ, упоминаются самые захваты Болеслава, Казиміра, Лешка и проч. Поляки представляютъ эту землю искони польскою; о владѣніи русскихъ князей они и знать не хотятъ. Жаль что и русскіе писатели Шпилевскій [4]) Столпянскій, издатели матеріаловъ для статист. и изд. Георг. стат. словаря, увлекаемые польскими сочиненіями, мало пользовались русскими источниками касательно историческихъ свѣдѣній о городахъ западной Россіи. Слѣдуетъ обнаружить эти событія и распространить убѣжденіе, что эти города искони принадлежали русскому государству

1) Соловьевъ, II, 391.

2) Соловьевъ, III, 171.

3) Она и называлась *Украиной*. См. Полн. собр. русск. лѣт. II, 160 (г. 1213) „Данилу же возвратившуся къ домови, ѣха съ братомъ и прія *Берестій*, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпье и Комовъ *и всю Украину*.“ — Тамже подъ г. 1282, стр. 211. „По семъ придоша Литва ко *Берестью*. И воспомяну Володимеръ, оже прежде того Лестко пославъ Люблинецъ, взялъ бяшетъ *у него* село на *Вѣкраиници*, именемъ *Воинь* и напоминался ему Володимиръ о томъ много, абы ему воротилъ челядь“.

4) П. М. Шпилевскаго Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю. Спб. 1858. Соврем. 7853, т. XXXIX.

и русской народности. Большая услуга въ этомъ отношеніи сдѣлана изданіями *„Памятниковъ древностей юго-западнаго края“* и *„замѣчательностей сѣверо-западнаго края“*, въ объяснительномъ текстѣ которыхъ собраны всѣ факты о господствѣ русскаго и православнаго элемента въ юго-западной Россіи.

Въ 1241 г. Монголы разорили Брестъ и князь Даніилъ, возвратившись послѣ отшествія Батыя изъ Польши, не могъ отъ смрада въѣхать ни въ *Брестъ*, ни во Владиміръ, наполненные трупами, и рѣшился жить въ Холмѣ, городѣ имъ же основанномъ [1]). Въ 1275 г. волынскій кн. Владиміръ (философъ) въ *Брестѣ* и въ Каменцѣ построилъ каменныя башни или замки [2]). По смерти Владиміра, оспаривалъ кн. Юрій Львовичъ у дяди своего Мстислава владѣніе Берестьемъ. Мстиславъ обложилъ Берестьянъ данью за ихъ крамолу [3]). Въ 1281 г. у берестьянъ былъ воевода Титъ, славный мужествомъ на войнѣ и на ловахъ. Когда шайка поляковъ напала на Берестскую область, разграбила десять селъ и уходила назадъ, берестьяне съ воеводою Титомъ въ числѣ 70 человѣкъ ударили на 200 поляковъ; убили у нихъ 80 чел., другихъ взяли въ плѣнъ и возвратили все заграбленное добро [4]).

Подъ 1279 г. записано въ лѣтописи еще одно замѣчательное событіе: во время голода, ятвяги просили кн. Владиміра прислать имъ въ ихъ землю купцовъ съ хлѣбомъ, и Владиміръ выслалъ имъ изъ *Брестья жито*, въ лодьяхъ по Бугу и далѣе по рѣкѣ *Наровѣ* (Нарвѣ) подъ городъ *Полтовескъ* (нынѣ Пултускъ, плоцкой губ. [5]). Ста-

---

1) Карам. IV, 14.

2) Въ Каменцѣ Литовскомъ, называвшемся прежде русскимъ (Cameniec ruthenicale), находятся до сихъ поръ развалины башень, построеныхъ Владиміромъ; въ Брестѣ онѣ разрыты въ 1831 году при постройкѣ крѣпости.

3) Полн. собр. р. лѣт. II. 223—225.

4) Полн. собр. II. 211.—Соловьевъ III. 249.

5) Полн. собр. II. 207—208. „Голодъ бысть по всей земли

инный торговый путь по Бугу, Нареву, Висле и др. рѣ-
амъ, продолжался и въ позднѣйшія времена. Брестъ былъ
кладочнымъ мѣстомъ хлѣба, вывозимаго изъ Волыни и
ервенской Руси, а брестскіе купцы имѣли постоянныя
юшенія съ Гданскомъ (Данцигомъ).

Въ 1319 г. в. кн. литовскій Гедиминъ овладѣлъ Бре-
тьемъ. Послѣ смерти Болеслава Тройденовича, король
ольскій вмѣстѣ съ Галичиной завладѣлъ и брестской зе-
лею, но онъ долженъ былъ отдать ее князю Кестутію
'едиминовичу [1]). Въ 1348 г. въ сраженіи съ нѣмцами
ри р. Стравѣ, въ которомъ пало русскихъ и литовцевъ
олѣе 10,000, въ числѣ другихъ князей (витебскаго, полоц-
аго и смоленскаго) былъ также и удѣльный кн. брест-
кій [2]). Съ того времени Брестъ сдѣлался достояніемъ
Литвы и сталъ извѣстенъ подъ именемъ Берестя-Литов-
каго (Brzesc Litewski) для различія отъ Брестья Куяв-
скаго, г. варшавской губ. въ царствѣ Польскомъ. Важ-
нѣйшія событія, касающіяся г. Брестя съ того времени
были:

Въ 1379 г. Теодорикъ Эльнеръ, предводитель нѣмец-
кихъ рыцарей, разграбилъ и выжегъ почти весь го-
родъ,—уцѣлѣлъ только замокъ. Во время смутъ въ Лит-
вѣ, въ правленіе Ягайлы до крещенія его въ латинство,

лѣ, и въ Литвѣ, и въ Ятвязѣхъ. По семъ же Ятвязѣ присла-
ша послы своя къ Володимерови, тако рекуче: Господине кня-
же Володимере! пріѣхали есмя къ тебѣ ото всѣхъ Ятвязь, на-
дѣючесь на Богъ и на твое здоровіе; господине, не помори насъ,
но перекорми ны себѣ; пошли, господине, къ намъ жито свое
продаять, а мы ради купимъ: чего восхочешь, воску ли, бѣли ли,
бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы. Во-
лодимеръ же изъ Берестья посла къ нимъ жито, въ лодьяхъ
по Бугу, съ людми добрыми, кому вѣря. Идущимъ же имъ по
Бугу, и тако позіидоша на Наровъ и поидоша по Нарови и
придоша подъ городъ Полтовескъ."

1) Акты Зап. Росс. I, № 1.

2) Кажется Кестутій, сынъ Гедимина, см. В. Г. Василев-
скаго статью: Жена Витовта Вил. Вѣст. 1870 № 18. стр. 73.

брестскій замокъ былъ прибѣжищемъ литовскихъ князей преслѣдуемыхъ Ягайломъ. Кестутій, Витовтъ и Бирута (мать послѣдняго) жили въ Брестѣ [1]). По словамъ Нарбута, въ 1413 г. Бирута принявъ католическое исповѣданіе, уступила землю, принадлежащую ей, для костела Августіановъ, въ которомъ позже производились сеймы).

Послѣ смерти Бируты, Витовтъ, сдѣлавшись в. кн. Литовскимъ, далъ обширныя владѣнія около Бреста женѣ своей Аннѣ, дочери кн. Смоленскаго Святослава [2]). Подданные ея (брестьяне) долго помнили свою добрую владѣтельницу; они забыли объ Ольгердѣ (Литвинѣ), но помнили „великую княгиню Витовтовую" (русскую—православную!!), помнили, что давали для нея съ дыма по купицѣ.... а въ кухню по курети и по десети яецъ и по полъ гроша и т. д. [3]). Нарбутъ напечаталъ грамоту кн. Витовта съ 1412 г., въ которой онъ утверждаетъ пожертвованіе, сдѣланное его женою, будтобы Маріей (въ грамотѣ названной Евпраксіею), изъ ея собственныхъ владѣній въ пользу брестскаго *Костела* (?) св. Креста [4]). В. Г. Василевскій въ своей „статьѣ жена Витовта" опровергая мнѣніе Нарбута, утверждаетъ, что эту запись сдѣлала не первая жена Витовта Марія, а вторая Анна Святославовна, и прибавляетъ [5]), что „ея записъ въ пользу *католической* церкви въ Брестѣ очень сильно говоритъ въ доказательство принадлежности Анны-Евпраксіи къ катол. церкви". Мнѣнію Нарбута и В. Г. Василевскаго можно противо-поставить доказательство въ актахъ № 97 и 185 настоящаго тома, гдѣ указывается, что это не былъ католическій костелъ, а *русская церковь* Воздвиженіе честнаго Креста; при томъ надо взять въ соображеніе, что въ римско-католической церкви неупотребительно названіе

1) Ibid. стр. 98.

2) Нарбута исторія Литвы, VI приложеніе № IV.

3) Акты южной и западн. Росс. I. № 23.—См. Вил. Вѣст. 1870 № 40. стр. 158.

4) Нарбута исторія Литвы, VI, стр. 35.

5) Вилен. Вѣстн. 1870 № 52, стр. 203.

ѳркви во имя честнаго Креста, и всѣ костелы святаго Креста (Swietego Krzyza, sanctae Crucis), если онѣ гдѣ лио находятся, безъ всякаго сомнѣнія обращены въ костеды изъ православныхъ церквей. Въ Галиціи считается то восемь церквей во имя воздвиженія честнаго Креста, о нѣтъ ни одного костела подъ этимъ именемъ [1]).

Въ 1390 г. Брестъ получилъ отъ Витовта магдебургкое право. Въ жалованной грамотѣ упоминается о сущегвовавшемъ въ Брестѣ православіи и русской церкви св. Николая [2]), при которой позже (1591 г.) учреждены быи: русское православное братство и два училища [3]). Виэвтъ давалъ полную свободу брестскимъ литовцамъ приимать русскую вѣру, и въ 1408 г. освободилъ православыхъ отъ магдебургскаго права. Извѣстные покровители идовъ, Витовтъ и Ягайло позволили имъ селиться въ рестѣ. Жиды и послѣ пользовались многими преимущегвами и льготами польскихъ королей (акты объ этомъ удутъ напечатаны въ IV томѣ). Витовтъ позволилъ жиамъ построить синагогу въ Брестѣ, и привилегіею отъ 25 энт. 1411 г. выдалъ имъ глину и кирпичь даромъ [4]). ни построили великолѣпное зданіе, которое славилось юей архитектурой на всю страну и еще въ XVI стол. эзбуждало зависть поляковъ до того, что король Янъ азиміръ разрѣшилъ жидамъ построить божницу въ г. аменцѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы она высотою и велиэлѣпіемъ не превосходила костеловъ и церквей [5]). Очеідный намекъ на брестскую жидовскую божницу.

Въ 1436 г. въ Брестѣ былъ заключенъ между Польею и тевтонскимъ орденомъ мирный договоръ.

1) Д. Зубрицкаго Критико-истор. повѣсть Червонной или лицкой Руси. Москва 1845, стр. 147.

2) Собр. древн. грам. и актовъ Минской губ. № 139.

3) Акты зап. Росс. т. IV № 28 и 122, 141.—Чтенія въ щ. ист. и древн. росс. за 1848 г. № 6, стр. 55.

4) П. М. Шпилевскаго, Путешествіе по Полѣсью и Бѣлоссскому краю, СПб. 1858 стр. 18.

5) См. въ настоящемъ III томѣ актъ № 200 стр. 374.

Въ концѣ XV ст. крымскій ханъ Менгли-Гирей сжегъ городъ; уцѣлѣлъ одинъ замокъ. Въ 1511 г. Жигимондъ Августъ учредилъ староство и съ того времени тутъ собирались сеймы. Въ 1569 г. послѣ уніи Литвы съ Польшей въ Брестѣ учреждено воеводство, обнимавшее: уѣзды берестскій, кобринскій, пружанскій, пинскій и бѣльскій (за Бугомъ) и городъ Брестъ сдѣлался мѣстопребываніемъ кн. Радивиловъ, которые преемственно были брестскими старостами. Николай Радивилъ (Черный) ввелъ кальвинизмъ и устроилъ типографію, въ которой напечатана въ 1563 г. на польскомъ языкѣ кальвинская библія, нынѣ весьма рѣдкая, названная радивиловской. Съ 1609 г. въ Брестѣ появились іезуиты и основали коллегію и др. школы. Въ 1590 и 1594 г. происходили въ Брестѣ соборы западно-русскихъ епископовъ, положившихъ принять церковную унію съ Римомъ, а въ 1596 г. соборъ православный въ томже городѣ предалъ проклятію отступниковъ-уніатовъ.

Въ 1657 г. Брестъ сильно пострадалъ отъ нападнія седмиградскаго князя Ракоція и короля шведскаго Густава Адольфа. Въ 1661 г. кор. Янъ Казиміръ далъ средства городу отстроиться въ лучшемъ видѣ. Въ 1706 г. Брестъ опять разоренъ Карломъ XII королемъ шведскимъ.

При третьемъ раздѣлѣ Польши, берестейское воеводство досталось Россіи, и въ 1796 г, Брестъ назначенъ уѣзднымъ городомъ слонимской губерніи; въ 1797 вошелъ въ составъ литовской, а въ 1801 г. гродненской губерніи. Однакоже часть б. берестейскаго воеводства за Бугомъ (т. е. бѣльскій (бяльскій) уѣздъ) досталась при третьемъ раздѣлѣ Австріи. Эта земля въ 1807 г. присоединена къ новоустроенному Наполеономъ I. княжеству варшавскому, просуществовавшему до 1814 г., когда императоръ Александръ I, воскресивъ царство Польское, принялъ въ свое владѣніе эту землю и включилъ ее въ сѣдлецкую губернію. Съ той поры, въ этой издревле русской землѣ, наравнѣ съ настоящими польскими землями, заведена администрація польская. Городъ Брестъ-Литовскій со всей землею на правомъ берегу Буга остался при настоящей Рос-

ій;—брестскій, пружанскій и кобрынскій уѣзды включены въ гродненскую, пинскій же уѣздъ въ минскую губернію.

Брестъ-Литовскій былъ всегда важнымъ стратегическимъ пунктомъ и считался уже въ старину *пристанью и воротами въ литовскія и русскія земли* [1]). И въ наше время признана важность этого пункта и потому къ 1831 г., на мѣстѣ древняго замка, построена первоклассная крѣпость, расположенная на правомъ берегу рѣки Буга.

Въ 1860 г. считалось въ Брестѣ съ жителями въ крѣпости 19,343 души обоего пола; изъ нихъ 5,534 души православнаго исповѣданія, 3,394 католическаго, 95 протестантскаго и 10,320 евреевъ.

Изъ этого историческаго очерка видно, что г. Брестъ былъ всегда важнымъ городомъ въ политическомъ, международномъ, стратегическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Не менѣе важенъ городъ Брестъ и брестская область и вся надбужная страна и въ религіозно-духовномъ отношеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что съ самыхъ древнихъ временъ вся полоса земли по рѣкѣ (зап.) Бугу была заселена славяно-русскимъ народомъ, исповѣдывавшимъ православную вѣру, народомъ, котораго потомки живутъ до сихъ поръ въ гродненской и волынской губерніяхъ—русскіе возсоединенные съ православіемъ, и въ сѣдлецкой и люблинской губерніяхъ царства польскаго—оставшіеся еще уніятами.

Первые начатки христіанства въ этой странѣ можно отнести ко временамъ славянкихъ св. апостоловъ Кирилла и Меѳодія. Они высылали проповѣдниковъ Христовой вѣры въ привислянскія страны. Въ жизнеописаніи св.

---

1) См. Длугошъ т. I гл. IX стр. 1092, подъ г. 1350 Sitm enim illud castrum (Brzesczie) optimum habet, paludinibus nge versus Poloniam protensis et limosis gurgitibus, alveoque uminis Bug, qui in illo loco vada raro praebet aliisque quaficationibus plurimis natura consitum et munitum, ut quasi nidam portus et janua in terras Lithuaniae et Russiae possit estimari.

Меѳодія читаемъ: „*Поганескъ князь, силенъ велми, сидя въ Вислехъ* (кажется въ Вислицѣ г. Келецкой губ. при р. Нидѣ), *ругашеся христіаномъ и пакости дъяше. Пославъ же къ нему* (Меѳодій) *рьче: добро ти ся крестити, сыну, волею своею, на своей земли, да не плъненъ нудми крещенъ будеши на чужей земли, и помянеши мя; еже и бысть* [1]). Вѣроятно этотъ Вислицкій князь, по предсказанію Меѳодія, бывъ покоренъ моравскимъ княземъ Святополкомъ, былъ окрещенъ, и его область присоединена къ моравскому государству. На томъ основаніи кажется папа Венедиктъ VI и нѣмецкій императоръ Оттонъ II, въ учредительной грамотѣ чешско-моравскаго епископства въ Прагѣ въ 973 г., простираютъ границы епархіи до р. Буга и Стыра (правильнѣе Стрыя) и карпатскихъ горъ [2]), хотя впрочемъ власть пражскихъ епископовъ въ этой странѣ была только номинальная. Извѣстно, что послѣ того греческо-славянское православіе истреблено латинскими миссіонерами во всей Моравіи и въ Польшѣ. Самымъ ревностнымъ гонителемъ православія и славянской грамотности явился пражскій епископъ Войтехъ (Адалбертъ) о которомъ говорится въ легендѣ о св. Кириллѣ и Меѳодіи: „*потомъ же многимъ лътомъ минувшимъ* (послѣ смерти славянскихъ апостоловъ) *пришедъ Войтехъ латинскій въ Мораву и въ Чехи и въ Ляхи, разрушиша вѣру правовѣрну и русскую грамоту отверже и латинскую грамоту и вѣру постави, правыя вѣры иконы пожже, а епископы посече, а другая разгнавъ и иде въ прусскую землю, хотя и тѣхъ въ свою вѣру привести, и тамо убіенъ бысть Войтехъ латинскій пискупъ* [3]). Такимъ образомъ пра-

1) Москвитян. 1843. стр. 430.

2) Inde ad orientem hos fluvios habet terminos, Bug scilicet et Ztyr cum Cracovia.. inde Ungarorum limitibus additis usque ad montes quibus nomen Titri (Татры) dilata procedit. Cosmas chron. Boh. lib. II. p. 167.

3) Погодина Кириллъ и Меѳодій, Москва 1825, стр. 118—119. Москвит. 1843. стр. 405.

вославіе истреблено въ Моравіи, Чехіи и въ Польшѣ. Славянскіе епископы прогнаны изъ Панноніи и Польши около 995 г., а послѣ смерти Болеслава Храбраго въ 1025 г. прогнаны и славянскіе монахи изъ Польши [1]). Не смотря на то кирилловскія письмена были въ употребленіи во время польскаго короля Болеслава Великаго;— на одной изъ древнихъ польскихъ монетъ, найденныхъ въ 1847 г. въ радомской губерніи, находится славянская надпись: БОЛЕСЛАВЪ. По изслѣдованіямъ новѣйшихъ историковъ, отецъ Болеслава В. Мечиславъ I. первоначально крещенъ былъ по греческому обряду [2]). Еще въ XII ст. лѣтописецъ польскій Мартинъ Галлъ раздѣляетъ жителей Польши на исповѣдующихъ христіанскую вѣру по двумъ обрядамъ: словенскому и латинскому [3]). Слѣды православія, церковнословенскаго языка и греческаго зодчества въ привислянскихъ земляхъ сохранялись еще до XV столѣтія. Границы русскаго народонаселенія не только прикасались праваго берега Вислы до самого Кракова [4]), но заходили на лѣвый берегъ Вислы, до окрестностей города Опатова, въ которомъ учреждено было опатовское епископство для привислянскихъ русскихъ [5]). Объ этой привислянской Руси пишетъ кор. польскій Владиславъ Локотокъ, что она

1) Полн. собр. р. лѣт. I. 64.—Патерлесъ Печерск., житіэ св. Θеодосія и св. Моисея Угрина.

2) Мацѣевскій, Pamietniki, Petersb. T. I.

3) Martin Gallus I. 16, Latinorum et Slavorum quotquot extis incolae.

4) Muratorii antiquitates Italiae. V. 831. A primo latere longum mare fine Pruzze, usdue locum, qui dictur Russe, et fines Russe extendente usque in Cracoa.

5) Boguph. Chron. Sommersb. II. стр. 98. Iste numque Henricus (Брадатый) monasterium Opatoviense, cuius monasterii abbas et *Ruthenorum* episcopus pro catholicus *ibi degentibus* (т. е. близъ Опатова) de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit, omnia bona episcopatus *Russiae*, olim ad monasterium Opatoviense pertinentia incorporando ecclesiae Lubuczensi.

платить денарій св. Петру (папамъ), а въ памятникѣ, изданномъ Тейнеромъ, есть даже росписи податей, платимыхъ папамъ. Въ краковскомъ архидіаконатѣ (1326 г.) нѣкоторые приходы имѣли двухъ священниковъ, которымъ принадлежала одна и таже церковь. Вѣроятно одинъ изъ нихъ былъ латинскаго, другой грекославянскаго исповѣданія [1]).

Въ 1261 г., во время вторженія монголовъ въ завислянскія страны, въ Судомірѣ (или Сандомѣрѣ) и въ г. Лысцѣ (Лыса гора) совершалось богослуженіе по православному обряду. Въ одномъ и другомъ городахъ, по словамъ нашей лѣтописи, были каменныя церкви [2]); о томъ успоминаетъ и Длугошъ, что на Лысой горѣ были церкви — св. Тройцы (упоминаемая въ волынской лѣтописи) и монастырская св. Креста, построенныя изъ камня, въ греческомъ вкусѣ [3]). Въ томъ же городѣ Сандомірѣ радомской губ. находится доминиканскій монастырь св. Іакова, передѣланный изъ русской церкви, о чемъ свидѣтельствуютъ пять мѣдныхъ митръ на надгробныхъ камняхъ предъ большимъ алтаремъ и колоколъ съ греческими надписями [4]). Въ г. Казимірѣ (Люблинск. губер. при р. Вислѣ) еще въ XV стол. была русская церковь, тоже въ селѣ Цмѣлѣвѣ возлѣ Опатова, не упоминая о другихъ.

Изъ всего этого видно, что поселенія русскія съ русскимъ православіемъ долго удерживались не только на

---

1) Авг. Тейнеръ vetera mon. Poloniae et. Lithuan. Romae 1860, I, № CCCLVIII, приводитъ счеты податей, платимыхъ папамъ изъ церквей въ Польшѣ. Въ этой росписи приходовъ по епархіямъ и деканатамъ то замѣчательно, что нѣкоторыя церкви, приходы въ польскихъ областяхъ, смежныхъ съ русскими землями, имѣли двухъ священниковъ (конечно одного латинскаго а другаго русскаго), которые уплачивали подать съ своей половины прихода (medietatis ecclesiae de proventibus ad eam spectantibus).

2) Пол. соб. р. лѣт. II. 199, 200.

3) Długoss. liber beneficior III. 228.

4) Siejkowskiego dni roczne s. zakonu kaznodziejsk. Kraków 1743. Е. в.—Науковый сборникъ изд. литер. общ. Галицко-русск. Матицы. Львовъ 1866. стр. 159—166.

русской окраинѣ между Бугомъ и Вислой; но даже и въ завислянскихъ странахъ первоначально господствовало православіе, въ которомъ крещены были владѣтели страны и народъ. Только усилія латинскихъ миссіонеровъ уничтожили до послѣднихъ слѣдовъ православіе и истребили русскую народность—прививъ имъ латинскую вѣру и польскую народность. По этой причинѣ вся порубежная надъ р. Вислокомъ, Вислой и Бугомъ, страна Перемышль и червенскіе города были—съ самаго начала русской исторіи предметомъ споровъ между владѣтелями русскими и польскими, между русскимъ православіемъ и польскимъ католичествомъ. Дѣло въ томъ, что земля до р. Вислока и Вислы издревле заселена была племенами славяно-русскими [1]) и въ ней водворена православная вѣра еще со временъ св. Кирилла и Меѳодія; русскіе князья почитали эту окраину русскою и поддерживали въ ней своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Напротивъ того, Римъ всегда побуждалъ поляковъ врываться въ эти земли, подъ предлогомъ, будто эта страна принадлежитъ по р. Стрый и Бугъ къ пражскому епископству. Оттуда—постоянныя войны и захваты, оттѣснявшіе другъ друга то на сю, то на ту сторону пограничныхъ рѣкъ Вислы и Буга. Галицко—русскимъ князьямъ приходилось долго бороться съ сосѣдями поляками и уграми—и они мужественно отстаивали всякій кусокъ русской земли, стяжанный кровію ихъ предковъ. Послѣ пресѣченія рода Романова литовско-русскіе князья приняли эту борьбу въ наслѣдство.

Захвативъ перемышльскую и галицкую русь, поляки не угомонились въ своихъ происках, пока имъ не удалось оторвать дрогичинской земли или Подлясья; наконецъ посредствомъ люблинской уніи 1569 г. они подчинили литовско-русское в. княжество со всѣми областями преобладанію польщизны, а посредствомъ брестской уніи и русскую церковь—католичеству. Вотъ съ какой точки зрѣнія надлежитъ смотрѣть на исторію западной окраины,

1) Зубрицкій: Granice miedzy polskim i ruskim narodem w Galicyi, Lwów 1849.

чтобы рельефно представились всѣ событія со всѣми их мотивами и побужденіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что у этихъ православныхъ исповѣдниковъ и привислянскихъ прибужскихъ областяхъ были и свои епископы, вѣроятно въ Краковѣ или Судомірѣ, гдѣ на ихъ гробахъ, какъ выше сказано, сохраняются мѣдныя изображенія епископскихъ митръ, поставленныя, вѣроятно, еще до учрежденія владиміро-волынскаго епископства въ 992 г. и перемышльскаго при концѣ XI столѣтія. Сначала эти двѣ епископскія каѳедры были единственными на всю русскую окраину, на рубежѣ Польши. Брестская область, вѣроятно, подвластна была сначала Владимірской епархіи, учрежденной Владиміромъ великимъ съ 992—1137 существовалъ только одинъ епископъ въ этой странѣ. Послѣ учрежденія туровской епископіи, въ XI столѣтіи, отошла и брестская область къ тому же епископу. Волынскій кн. Владиміръ (философъ), построилъ въ Брестѣ церковь св. Петра [1]), но лѣтописецъ не упоминаетъ, была-ли она соборная епископская, или нѣтъ только когда Бресть присоединенъ былъ въ 1296 год къ туровскому княжеству, жилъ въ немъ православный епископъ туровскій [2]). Неизвѣстно, существовала ли особая брестская епархія, или онъ назывался епископомъ брестскимъ по причинѣ временнаго переселенія въ Брестъ. Въ послѣдствіи является брестская епархія, опять соединенная съ владимірской, и епископы постоянно титуловались епископами владимірскими и брестскими. Въ томъ же XI стол. учреждены епископскія каѳедры въ 1114 въ Угровскѣ [2]), послѣ перенесенныя въ Холмъ; затѣмъ въ XIII в. появляются епархіи—пинская, луцкая, галицкая, бѣльская, а въ 1414 г. на соборѣ упоминается и епископъ червенскій. Это были крайнія русскія епископіи, передовыя забрала православія противъ вторгавшагося съ за

1) Полн. собр. р. лѣт. II. стр. 222—223.

2) Шпилевскаго, Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорус. краю. Спб. 1858. стр. 17—18.

пада и юга латинства. Противъ нихъ прежде всего обратилась римская пропаганда съ настойчивымъ усиліемъ ослабить и наконецъ совсѣмъ истребить русское православіе.

Коль только поляки завладѣли русскими землями, то латинское духовенство вмѣстѣ съ владѣтелями и принялось за угнетеніе русской церкви. Уже Болеславъ Тройденовичъ, наслѣдовавъ червенскую или галицкую Русь, началъ притѣснять русскихъ до того, что галичане не нашли другаго способа избавиться отъ ненавистнаго имъ князя-католика, какъ только отравить его. Наслѣдникъ его король польскій Казиміръ завладѣвъ землей, угрожалъ въ письмѣ своемъ къ константинопольскому патріарху, что онъ окреститъ свою Русь (галицкую) въ латинскую вѣру, если патріархъ не утвердитъ предложеннаго имъ въ епископы кандидата Антонія [1]). Въ послѣдствіи времени оставили польскіе короли галицкую епархію въ продолженіи 150 лѣтъ вакантною и подчинили ее латинскимъ львовскимъ архіепископамъ и даже мирскимъ людямъ ихъ намѣстникамъ. Многія епископіи въ этой порубежной странѣ были уничтожены и епархіи присоединены къ сосѣднимъ, такъ соединена епархія галицкая и каменецъ-подольская съ львовской, самборская съ перемышльской, бельзская съ холмской, острожская съ луцкой, пинская съ туровской. Такимъ же образомъ присоединена кажется и епархія брестская къ владимірской. Эти всѣ епархіи безъ сомнѣнія существовали самостоятельными епархіями въ то время, когда въ этихъ городахъ были свои особые удѣльные князья, ибо во всякомъ значительномъ княжествѣ сосредоточивалась, при

---

1) Полн. собр. русск. лѣт. II. стр. 196. «Даниловн княжащю во Володимѣрѣ (съ 1114 созда градъ Угровескъ и поставили въ немъ пискупа», *Угровскъ*, *Угрускъ*, нынѣ с. на лѣвомъ берегѣ Буга въ Бѣльскомъ у. Сѣдлецкой губ.; забужная часть Брестской епархіи можетъ быть принадлежала къ угровскому епископству до перенесенія его (1223) въ г. Холмъ, потомъ она вѣроятно отошла къ Туровскому епископу.

княжеской мирской, и духовная власть епископская. Такимъ образомъ въ былое время и г. Брестъ имѣлъ своихъ епископовъ. Правда, что мы на то не имѣемъ положительныхъ данныхъ, но съ 1605 года объ этомъ упоминается въ фундушевой записи Льва Сапѣги на Виторожскую церковь: „а за мене, также за потомковъ моихъ, говорится въ этой записи, Пана Бога просити будутъ (священники) *подъ владзою и послушенствомъ старшихъ пастыровъ своихъ епископовъ берестейскихъ*" (см. въ этомъ томѣ ст. 25); еще есть и другое указаніе о существованіи брестской епископіи подъ 1681 годомъ въ подтвердительномъ листѣ Яна III на землю, принадлежащую брестской церкви во имя св. Спаса, которая названа—*каѳедральной.*

Чтобы успѣшнѣе подрывать русскую православную церковь, поляки заблаговременно стали учреждать свои латинскія епископіи въ областяхъ русскихъ, преимущественно смежныхъ съ польскими. Такъ съ 1361 года, одна за другой открываются пограничныя епископіи латинскія: *галицкая*, перенесенная въ 1417 году во Львовъ, *перемышльская* въ 1375, *холмская*...., *луцкая*...., *кіевская*...., *каменецъ-подольская*. По всѣмъ этимъ епархіямъ розсѣялись разныхъ орденовъ латинскіе монахи и стали подрывать русскую церковь, частію отнимая у нея прихожанъ, частію—фундуши и земли. Не смотря однакоже на такой сильный напоръ и латинства и польщизны, прибужская и забужская страна сохранила свою греческую вѣру и русскую народность и до сихъ поръ.

Акты, относящіяся къ этому древнѣйшему времени, безъ сомнѣнія, могли бы пролить свѣтъ на ходъ этой замѣчательной борьбы двухъ вѣръ и двухъ племенъ; но къ сожалѣнію, въ актовыхъ книгахъ брестскаго городскаго суда ихъ находится весьма ограниченное количество и то только начиная съ 1401 года.

Съ 1590 года г. Брестъ дѣлается центромъ совѣщаній, какъ лицъ измысливших унію, такъ и православныхъ іерарховъ, осудившихъ ее на проклятіе. Коммиссія предполагала найти, въ актовыхъ книгахъ брестскаго грод-

скаго суда, достаточное количество документовъ, относящихся къ этому вопросу,—предполагала найти заявленія, протесты, жалобы, тяжущихся между собою сторонъ; но такихъ документовъ оказалось весьма мало. Гдѣ находятся эти сокровища опредѣлить весьма трудно. Быть можетъ они подверглись участи, постигшей извѣстный универсалъ брестскаго православнаго собора, который не былъ принятъ въ гродскіе книги старостою Халецкимъ, а былъ вписанъ въ трибунальныя новогрудскія (новогородскія) книги, и только въ видѣ *выписи* внесенъ былъ потомъ въ гродскія книги владимірскія (см. Русск. Бесѣда 1858 г. III 59); быть можетъ они были уничтожены, съ цѣлью скрыть и самые слѣды существовавшей борьбы [1]); быть можетъ отчасти хранятся еще гдѣ либо подъ спудомъ архивной пыли. То только достовѣрно, что въ актовыхъ книгахъ бывшаго брестскаго воеводства, вовсе почти нѣтъ документовъ, ни относящихся къ исторіи православной церкви, ни къ уніи—временъ древнѣйшихъ. За то, тѣмъ богаче актовые книги документами, относящимися ко времени позднѣйшему, т. е. въ столѣтіяхъ XVII и XVIII, когда латинство и унія пріобрѣли уже достаточную силу. Посему и въ настоящемъ III-мъ томѣ, изъ числа 154-хъ актовъ, относящихся къ церкви, собственно къ православію можно отнести не болѣе 30; остальные же относятся къ уніи. Тѣмъ не менѣе тѣ и другіе въ общей сложности могутъ пролить свѣтъ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ ясный, какъ на постепенное развитіе уніи и подавленіе ею православія, такъ, въ свою очередь, и на подавленіе уніи латинствомъ.

Изъ приводимыхъ въ этомъ томѣ актовъ, ясно видно что однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ распространенію уніи и подавленію православія было право патронатства, какъ королей, такъ и лицъ частныхъ. Въ силу этого права тѣ и другія то подъ предлогомъ—„*пріумноженія хвалы Божіей*", то подъ предлогомъ „*переменчивости*

---

1) По всей вѣроятности уничтожены акты Брестскаго городскаго суда съ 1585 до 1624 г.—самого важного періода времени возникшей ве этой странѣ уніи!

времени и безслѣднаго исчезновенія записей“, не только захватывали древніе фундуши у православныхъ церквей и передавали ихъ священникамъ уніятскимъ; настроили также новыя церкви—уніятскія и поставляли своихъ новыхъ кандидатовъ — уніятовъ, съ особенными правами надъ прихожанами—православными. Все это дѣлалось, какъ повторяется не однократно въ актахъ, для того, „*чтобы не переставала, въ такихъ мѣстахъ, возноситься къ Богу его хвала*“. Развился особый родъ фундушовыхъ записей, такъ называемыхъ „*презентъ*“, которые давались всякому священнику, объявлявшему, что онъ принимаетъ унію. Съ конца XVII столѣтія начинаютъ проявляться насильственныя дѣйствія латинской пропаганды и надъ уніей. Фундаторы начинаютъ требовать, чтобы уніяты, кромѣ своихъ праздниковъ, праздновали еще и римскіе (см. стр. 235).

Въ частности важнѣйшія изъ актовъ, относящихся къ православію, слѣдующіе: подъ № 1-мъ—дарственная запись княгини Θеодоры кобринской на фундушъ кобринскому монастырю св. Спаса; подъ № 2-мъ таковая же запись княгини Уліаны кобринской—кобринской же петро-павловской церкви,—какъ древнѣйшіе по времени.

Подъ № 3-мъ—духовное завѣщаніе священника своимъ сыновьямъ, чтобы они добивались церкви св. мучениковъ Сергія и Вакха, которую запродалъ—основатель ея Иваницкій противникамъ святаго креста и чтобы они положили ему въ гробъ его ставленную грамоту.

Подъ № 10-мъ—заявленіе Кирилла Терлецкаго о разграбленіи въ Пинскѣ церкви св. Духа, которую выстроилъ онъ изъ пожертвованнаго крещенымъ евреемъ дома, для заохоченія другихъ евреевъ къ принятію христіанства, а равно и о побояхъ нанесенныхъ при этомъ священнику.

Подъ № 11-мъ—Фундушовая запись Ярослава Солтана на волчиницкую церковь, въ которой онъ обязываетъ, „*подъ клятвой анаθемы*“, и наслѣдниковъ своихъ и священниковъ—соблюдать всѣ его завѣщанія, въ томъ чи-

слѣ и отправленіе службы Божьей на *языкѣ славянскомъ* и по обрядамъ христіанской вѣры греческой:

Подъ № 17-мъ—фундушовая запись на монастырь св. Онуфрія въ с. Яблочномъ (сѣдлецкой губ.) которой копія не совсемъ точная, находится и теперь въ этомъ монастырѣ (см. холмскій мѣсяцословъ на 1870 г., Варшава, стр. 109);

Подъ №№ 4 и 18 двѣ—фундушевыя записи Сапѣговъ—Павла и Николая, первая церкви св. Духа, вторая св. архангела Михаила—въ Коднѣ;

Подъ № 14-мъ фундошовая запись княгини Вишневецкой, данная воинской церкви Пресвятой Богородицы, съ предложеніемъ священнику, въ случаѣ обиды отъ кого либо, искать покровительства у Сапѣговъ.

Со временъ уніи учащаются жалобы православныхъ священниковъ на разбои и безчестія, наносимыя имъ—или земянами, или шляхтой, или ксендзами или же жидами. Такъ подъ № 19—жалоба степанковскаго священника Полонскаго, о нанесеніи ему побоевъ и вырваніи бороды.

Подъ № 23 таковая же жалоба священника на Склодницкихъ и разныхъ мѣщанъ о причиненіи ему обидъ, а женѣ и дѣтямъ побоевъ;

Подъ № 31—жалоба протопопа селецкаго на ксендза Лаврентія Заленскаго, который съ рапирою напалъ на него и приказалъ людямъ бить его плашмя саблями, терзалъ за бороду, волочилъ по землѣ и чуть было не убилъ до смерти, если бы не отняли его сбѣжавшіяся съ разныхъ сторонъ люди. Но есть также акты свидѣтельствующіе и о ненависти православныхъ къ уніятамъ. Такъ, подъ № 32 находится жалоба іеромонаха Палемона на *игумена купятицкаго монастыря* и каменецкаго войта о томъ, что они избили его, между прочимъ *и за то, что онъ, принявши унію, продалъ душу свою сатанѣ*; такой же актъ подъ № 102 объ убіеніи Яржинами и Брониковскими—священника лищицкой церкви и др.

Отъ второй половины XVII и начала XVIII ст. соб-

ственно къ православію относящихся актовъ, есть не болѣе пяти. Таковы акты: подъ № 62—*фундушъ Красинскаго* на часовню св. Стефана при брестскомъ монастырѣ св. Симеона Столпника; подъ № 109—этому же монастырю *привилегія Августа* III (1735); подъ № 133—*коммисарское опредѣленіе* по дѣлу между православнымъ замуховецкимъ монастыремъ и брестскими базиліанами, къ которымъ перешелъ бывшій игуменъ замуховецкаго монастыря вмѣстѣ съ документами на фундуши послѣдняго.

Подъ № 153—привилегія Августа II-го *на свободное отправленіе православными своего богослуженія* и наконецъ его же привилегія замуховецкому монастырю на землю и мельницу.

Между актами, собственно относящимися къ уніи, есть достаточное количество такихъ, которые довольно ясно и отчетливо представляютъ не только истинныя намѣренія и цѣли латинопольской пропаганды, но и гоненія, которымъ подвергались православные. Наибольшее ихъ количество относится къ временамъ Яна Казиміра. Яна III и Августовъ II и III—королей польскихъ. Въ универсалахъ этихъ королей, дарственныхъ записяхъ и привилегіяхъ, есть также и прямыя намеки на существованіе нѣкогда церквей православныхъ, о которыхъ нѣтъ прямыхъ указаній въ актахъ относящихся къ православію. Въ такой же мѣрѣ интересны и дарственныя записи—Сапѣговъ, Радивиловъ, Хржановскихъ и другихъ, составленныя подъ прямымъ вліяніемъ латинскаго прозелитизма. Главнѣйшіе изъ этихъ актовъ слѣдующіе:

Подъ № 34—подтвердительная привилегія короля Михаила Венедикту Глинскому на кобринскую архимандрію, которая начинается такими словами: „Янъ Казиміръ и проч. Передаемъ во всеобщее свѣдѣніе, что высокія достоинства ксендза Венедикта, Глинскаго его религіозность и соотвѣтственныя заботы о распространеніи уніи, заявленныя намъ сановниками, находящимися при особѣ нашей, заставляютъ насъ назначить ему кобринскую архимандрію“ и т. д.

Подъ № 53—судебное опредѣленіе по дѣлу между митрополитомъ кіевскимъ Колендою и Яномъ Вацлавомъ ...линскимъ и кобринскими жидами—объ убіеніи послѣдними священника Балцевича, по которому это дѣло передается на судъ римскаго папы.

Подъ № 58—замѣчательный универсалъ Яна III-го которымъ онъ созываетъ православное и уніятское духовенство въ Люблинъ для полюбовнаго между собою соглашенія, подъ угрозою однакоже конфискаціи имуществъ лицъ не явившихся. Актъ этотъ напечатанъ г. Кояловичемъ (литовская церковная унія Спб. 1859 г. г. II. стр. 424), но здѣсь онъ полнѣе.

Подъ № 58—подтвердительная привилегія Яна III-го на фундушъ королебродской церкви, въ которой прямо говорится, что таковой фундушъ назначается въ видахъ *пріувеличенія хвалы Божіей и распространенія уніи.*

Подъ № 61-мъ—привилегія того же короля на кіевецкую церковь, данная съ такою же цѣлью.

Подъ № 71—фундушовая запись Карла Радивилла голешовской церкви, данная имъ въ видахъ совращенія въ унію: чтобы предупредить зло, говорится въ этой записи, происходящее въ людяхъ отъ наклонности къ православію, которые, за неимѣніемъ собственной церкви, шатаются по сосѣднимъ церквамъ и монастырямъ православнымъ"....

Подъ № 74—листъ короля Яна III виленскому каштеляну, по жалобѣ епископа Зеленскаго на кобринскихъ мѣщанъ, переставшихъ вносить старые пожертвованія новымъ церквамъ уніяткимъ. Въ листѣ этомъ между прочимъ говорится: „*жаловался намъ брестскій и владимірскій епископъ* на всѣхъ мѣщанъ г. Кобриня въ томъ, *что они не только перестали вносить старые фундуши на церкви, перешедшія въ унію*, не смотря на то, что предки ихъ съ незапамятныхъ временъ совершали въ нихъ всѣ свои религіозные обряды, но, *минуя оныя церкви, составляютъ по огородамъ какія-то поганскія капища и хоронятъ тамъ тѣла своихъ умершихъ*"; этого мало: „вопреки декретамъ прежнимъ, они скрывают-

ся, ходятъ за церковными требами въ *схизматическій монастырь лепескій*, и такимъ образомъ нетолько наносятъ ущербъ хвалѣ Божіей, но подрываютъ еще и благоденствіе *старожитныхъ* церквей и капплановъ". Король приказываетъ ему—карать всѣхъ таковыхъ самовольныхъ ослушниковъ наказаніями, изложенными на сей предмемтъ въ декретахъ и конституціяхъ прежнихъ.

Подъ № 85—фундушовая запись Карла Радивила на харскую церковь. Въ записи этой между прочимъ говорится: „полагая первѣйшею своею цѣлью пріумноженіе хвалы Божіей и радуясь, что пресвитеръ мой *наитіемъ святаго Духа узналъ заблужденія схизмы* и пожелалъ присоединиться къ уніи, я Радивилъ *по причинѣ исчезновенія прежнихъ фундушовыхъ записей отъ перемѣнчивости времени*, даю харской церкви фундушъ новый...." Далѣе назначаются къ этой церкви прихожане селъ Харсовъ и Липниковъ съ обязательствомъ—ходить непремѣнно въ эту церковь, подъ *строгими винами*..... Еще далѣе слѣдуетъ обязательство и епископу владимірскому и наслѣдникамъ, чтобы они никогда неназначали сюда унита подозрительнаго, тѣмъ болѣе схизматика. Такая же запись Радивила находится и подъ слѣдующимъ № 86.

Подъ № 22 находится фундушовая запись Озембловскаго, войскаго брестскаго воеводства, на церковь въ Тришинѣ съ обязательствомъ—каждую субботу, отправлять обѣдню *за души страждущихъ въ чистилищѣ*. Такая же запись есть и подъ № 101-мъ.

Подъ № 111-мъ—универсалъ Августа II, которымъ онъ воспрещаетъ поставлять въ своихъ имѣніяхъ священниковъ греческаго исповѣданія помимо его воли.

Подъ № 119—фундушовая запись Буховецкихъ дядьковичской церкви, въ которой между прочимъ назначается *штрафъ въ 15 грошей* съ каждаго прихожанина, неявившагося въ церковь.

Подъ № 123-мъ—Постановленіе короля Августа III-го объ учрежденіи коммиссіи для разбора жалобъ между православными и уніятами. Важны въ этомъ актѣ два обстоятельства: *первое*—что коммиссія эта составлена была

изъ лицъ римско-католическаго духовенства и свѣтскихъ; *второе*—что ей приказано было сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ трактатами, заключенными съ Россіей. Повелѣніе же короля уніятамъ—перестать захвавывать у православныхъ и церкви и фундуши—ясно указываетъ на существованіе таковыхъ захватовъ, хотя жалобъ объ этомъ и не находится въ актовыхъ книгахъ. Очевидно, актъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ вліянію русскаго правительства. Послѣдовавшія за нимъ подтвердительныя привиллегіи этого же короля разнымъ уніятскимъ церквамъ, въ которыхъ между прочимъ упоминается и о фундушахъ нѣкоторыхъ церквей, существовавшихъ до уніи и бывшихъ конечно православными, ясно показываютъ въ какую сторону склонилось дѣло и какой результатъ былъ вышеупомянутаго постановленія. Таковы подтвердительныя привиллегіи подъ №№ 124-мъ, 125, 126, 127. Въ предпослѣдней привилегіи т. е. подъ № 126-мъ подтверждаются между прочимъ и слѣдующія желанія и побужденія фундаторовъ Хржановскихъ: „нашедши (въ Ревятичахъ) не мало людей, насилу только умѣющихъ назвать себя христіанами, и немало такихъ, которые исповѣдуютъ старую вѣру литовскую, вѣру несогласную съ уніей и проклятую"... они Хржановскіе строятъ церковь и надѣляютъ ее фундушомъ съ обязательствомъ, *„чтобы священники каждое воскресенье поучали народъ и старались бы, по примѣру фундаторовъ своихъ почти искоренившихъ уже эту старую вѣрку,—о совершенномъ уничтоженіи послѣдней"*.

Подъ № 130-мъ фундушовая запись на костенецкую церковь во имя пророка Иліи и *блаженнаго мученика Іосафата* (Кунцевича).

Подъ №№ 137 и 138—права на приходы уніятскимъ священникамъ, данныя самимъ Августомъ III-мъ.

Подъ № 140-мъ—фундушовая запись Матушевича на церковь въ Мотыкалахъ, въ которой между прочимъ требуется отъ священниковъ-уніятовъ, чтобы они, по требованію патроновъ, совершали церковныя службы и въ *празд-*

ники римскіе, на что, впрочемъ, кіевскій митрополитъ не далъ своего согласія.

Подъ № 151-мъ, приводится фактъ захвата крестьяниномъ Прокоповичемъ и фундуша и права на приходъ тевелевской церкви съ цѣлью утвердиться въ ней священникомъ, помимо законныхъ претендентовъ, т. е. дѣтей священника.

Не менѣе важенъ также и помѣщаемый въ концѣ церковныхъ актовъ этого тома переченъ церквей—конца XVII стол., бывшихъ въ предѣлахъ прежней брестской епархіи, нынѣшнихъ губерній—гродненской и сѣдлецкой. Изъ сличенія его съ количествомъ церквей, нынѣ находящихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой бывшей епархіи, оказывается, что осталось ихъ весьма не много.

Такъ въ городѣ Брестѣ въ настоящее время существуютъ только двѣ церкви: приходская св. Симеона и монастырь; въ прежнее время, по актамъ—было 12, въ томъ числѣ двѣ монастырскихъ и одна каѳедральная.

Въ Кобринѣ нынѣ двѣ церкви, по актамъ было 4.

Въ Пружанахъ нынѣ одна церковь, по актамъ было 3.

На той сторонѣ Буга въ нынѣшней холмской грекоунитской епархіи въ м. Войнѣ (упоминаемой въ лѣтописяхъ подъ 1282 г.), нынѣ одна церковь и только 856 душъ уніятовъ, по актамъ было 4 церкви.

Въ мѣстечкѣ Коднѣ нынѣ одна церковь, по актамъ было 2.

Въ мѣстечкѣ Луковѣ нынѣ нѣтъ ни одной церкви, по актамъ было 2.

Въ Угровскѣ, прежнемъ городѣ и столицѣ епископа, теперь простое село съ 541 чел. жителей.

Во многихъ мѣстностяхъ совершенно нѣтъ церквей.

Изъ церквей нынѣшней седлецкой губерніи упоминается въ актахъ о 55, такъ что, изъ числа нынѣ существующихъ въ предѣлахъ нынѣшняго бѣльскаго благочинія. пропущены въ актахъ только двѣ церкви.

Роспись эта составлена была по случаю свирѣпствовавшей въ концѣ XVII ст. моровой язвы. Пополняя свѣдѣнія о количествѣ русскихъ церквей вообще—и право-

славныхъ и уніятскихъ, она въ тоже время показываетъ, что едва сотая ихъ доля сохранила свои привилегіи и фундуши, о которыхъ упоминается въ актахъ.

Нельзя также пройти молчаніемъ и тѣхъ слѣдовъ латино-польскаго вліянія, которые оно оставило послѣ себя въ названіяхъ именъ, фамилій и мѣстностей географическихъ, въ странѣ искони русской. Съ легкой руки его—Берестье стали называть въ актахъ *Бржесць*, Перемысль—*Пржемысль*, Холмъ—*Хелмъ*, Володава—*Влодава*, Новогородокъ—*Новогрудекъ*; такъ точно и названія фамилій: Радивилъ—*Радзивилъ*, Ходковичъ—*Ходкевичъ*, Ивановичъ—*Яновичъ* и т. д. Эти ополяченныя названія, въ большинствѣ случаевъ, перешли теперь и въ самую жизнь.

Какъ къ настоящему III-му тому, такъ и къ прежнему II-му коммиссія изготовила уже алфавитный указатель собственныхъ именъ и мѣстностей; но напечатаетъ его послѣ, т. е. по выходѣ въ свѣтъ тома IV, которымъ закончатся акты брестскаго гродскаго суда.

Что касается до актовъ гражданскихъ, то объ нихъ будетъ сказано въ предисловіи къ тому слѣдующему. Въ этотъ же томъ предполагается включить и акты еврейскіе; но можетъ быть они будутъ напечатаны и отдѣльно.

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ настоящаго тома, начнется печатаніе и *слѣдующаго*; матеріалы для него уже изготовлены. Одновременно съ нимъ будетъ печататься и *ординація королевскихъ лѣсничествъ 1637 года*,—въ подлинникѣ и переводѣ съ польскаго на русскій языкъ.

Коммиссія приступила уже къ заготовленію матеріаловъ и для тома *пятаго*. Сюда войдутъ акты гродненскаго гродскаго суда.

Предсѣдатель коммиссіи Я. *Головацкій*.

IV.

ОТЧЕТЪ

СОВѢТА ДРУСКЕНИКСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО БРАТСТВА
За 1869 годъ.

Совѣтъ Друскеникскаго братства для ознакомленія какъ членовъ, такъ и благотворителей со всѣми дѣлами, входящими въ кругъ его дѣятельности, представляетъ подробный отчетъ за второй годъ существованія братства, со времени утвержденія его устава.

I.
Совѣтъ братства.

Для управленія дѣлами братства въ настоящемъ году образовался совѣтъ въ полномъ составѣ членовъ согласно § 19 устава и состоитъ нынѣ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и 4-хъ членовъ, изъ коихъ одинъ принялъ на себя обязанность казначея и библіотекаря, а другой—секретаря. Заведены шнуровыя книги и устроены дѣлопроизводство и отчетность.

II.
Составъ братства.

Мысль объ учрежденіи друскеникскаго православнаго братства возникла въ 1867 году и въ то время изъявило желаніе поступить въ дѣйствительные члены братства съ ежегоднымъ взносомъ 5 руб.—16 человѣкъ. Въ 1868 году утвержденъ уставъ братства. Изъ членовъ 1867 года осталось въ братствѣ 8 человѣкъ, а въ 1868 году вновь поступило 14 челов. Итого 22 челов. Въ настоящемъ году братство состоитъ изъ 5 почетныхъ и 30 дѣйствительныхъ членовъ, а всего 35 членовъ.

Въ томъ числѣ, состоящихъ въ братствѣ съ 1867 года 8, съ 1868 года 12 и поступили въ 1869 году 15. Въ 1869 году поступили: 1) *въ почетные члены:* начальникъ сѣверо-западнаго края генералъ-адъютантъ Александръ Львовичъ Потаповъ, супруга его высокопревосходительства главная попечительница дѣтскихъ пріютовъ сѣверо-западнаго края Екатерина Васильевна Потапова и г. гродненскій губернаторъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ, князь Дмитрій Николаевичъ Кропоткинъ.

2) *въ дѣйствительные члены братства:* сенаторъ тайный совѣтникъ Яковъ Аникіевичъ Познякъ, графъ Николай Николаевичъ Толстой, супруга генералъ-маіора Елисавета Ивановна Беренсъ, генералъ-маіоръ Михаилъ Александровичъ Марковъ, генералъ-маіоръ Казимирскій, статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Святскій, коллежскій совѣтникъ Глѣбъ Федоровичъ Лебедевъ, подполковникъ Илья Александровичъ Голенищевъ-Кутузовъ, коллежскій ассесоръ Иванъ Ѳедоровичъ Злобинъ, судебный слѣдователь Тихвинскаго уѣзда Тимофѣй Даниловичъ Яновичъ, инженеръ-технологъ Никаноръ Петровичъ Кононатовъ, священникъ нѣжинской Преображенской церкви о. Петръ Николаевичъ Огіевскій-Охоцкій и Тихвинскій уѣздный исправникъ Василій Дмитріевичъ Аничковъ.

Братство въ 1869 г. имѣетъ своихъ членовъ: въ Друскеникахъ 5, въ Гроднѣ 9, въ Вильнѣ 5, въ С.-Петербургѣ 11, въ Екатеринославской губерніи 1, въ Тихвинѣ 3 и въ Москвѣ 1, всего 35 членовъ.

III.

Касса.

По приходу.

Состояло въ приходѣ по кассовой книгѣ денежной суммы въ 1869 году 817 руб. 63 коп.

Въ томъ числѣ остатокъ отъ 1868 года 335 р. 6½ к.

Поступило въ 1869 году 482 р. 56½ к.

Послѣдняя сумма образовалась:

1) Пожертвовано 3-мя почетными членами братства 85 р.

2) Поступило отъ членовъ братства годичныхъ взносовъ за-

1868 годъ отъ 3 дѣйствительныхъ членовъ 15 руб., за 1869 г. отъ 1-го 10 руб., отъ 24 по 5 руб.—120 руб., всего 145 р.

3) Единовременныхъ пожертвованій, отъ 31 благотворителя 92 руб. 30 коп.

Членомъ братства сенаторомъ Я. А. Позняковъ, заявлено желаніе ежегодно жертвовать по 10 руб. съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ денегъ уплачиваемо было ежегодно за 20 ваннъ изъ здѣшнихъ минеральныхъ водъ по 10 на мужское и по 10 на женское отдѣленія для предоставленія пользованія этими ваннами неимущимъ больнымъ, какого бы то ни было званія, а остальныя деньги 4 руб. обращать въ распоряженіе совѣта братства. За 1869 годъ получено 10 руб.

Итого 332 руб. 30 коп.

4) Получено отъ распорядителя семейными вечерами на водахъ генералъ-маіора Маркова: а) отъ литературнаго вечера въ пользу братскаго пріюта 42 руб. 11½ коп. и б) опредѣленной части съ членскихъ билетовъ на танцовальные вчера во время сезона 12 руб. 65 коп.—54 руб. 76½ коп.

5) За отданное въ наемъ фортепьяно, принадежавшее бывшему благотворительному обществу 10 руб.

6) Отъ членовъ братства, принявшихъ на себя трудъ сбора пожертвованій, по выданнымъ имъ на этотъ предметъ отъ совѣта братства книжкамъ: въ 1868 году книжекъ было выдано 4, изъ нихъ Е. К. Штрандтманъ возвращена 1 книжка съ собранными пожертвованіями 10 руб., въ 1869 году въ разное время получили книжки 10 членовъ, изъ нихъ возвратили съ собранными деньгами: С. С. Лазовицкая 6 р., Л. П. Овчинникова 25 руб. и Е. В. Потапова 6 р., оставивъ у себя книжку для дальнѣйшаго сбора, всего получено по книжкамъ 47 руб.

7) По двумъ билетамъ государственнаго казначейства получено % 7 руб.

8) Глваная попечительница дѣтскихъ пріютовъ сѣверо-западнаго края, ея высокопревосходительство Е. В. Потапова препроводила деньги отъ виленскаго общества „Доброхотной копѣйки" въ возвратъ денегъ, употребленныхъ изъ братскихъ суммъ, на приспособленіе помѣщенія дѣтей виленскаго и ковенскаго дѣтскихъ пріютовъ, а именно 13 дѣвочекъ и 2 мальчи-

ковъ виленскаго воспитательнаго дома „Iисусъ Младенецъ“ находившихся въ Друскеникахъ для пользованія минеральными водами 11 руб. 50 к.

и 9) По подписному листу на устройство ограды и часовни на друскеникскомъ кладбищѣ, отъ полковниковъ К. К. Штрандтмана и Рейнгардта по 10 руб.—20 руб.

Итого въ 1869 году 482 руб. 56½ коп.

Остатка отъ 1868 года 335 руб. 6½ коп.

Всего въ приходѣ было 817 руб. 63 коп.

По расходу.

По кассовой книгѣ значится въ расходѣ въ 1869 году денежной суммы 615 руб. 18½ к.

Деньги эти употреблены:

А) *Для православной друскеникской церкви.*

1) Ремонтировка. Такъ какъ братство, по цѣли своего учрежденія и по силѣ мѣстныхъ условій, должно было замѣнить собою церковный приходъ и такимъ образомъ принять на себя лежащія на семъ послѣднемъ обязанности, то и приступило въ этомъ году къ необходимой ремонтировкѣ храма, употребивъ на сей предметъ большую часть своего капитала. Такимъ образомъ произведены были слѣдующія работы:

а) Окрашены вновь стѣны, крыша съ куполами, крыльца, двери и окна церкви, согласно заключенному на эту работу контракту за 350 р.

б) На столярныя работы употреблено 36 р. 42¾ коп.

в) На каменныя и штукатурныя 7 р. 38½ к.

г) На кровельныя и кузнечныя 17 р. 55 к.

д) На разныя мелочныя работы 3 р. 98 к.

и е) На покупку разныхъ сортовъ желѣза 6 р. 97½ к.
Итого 422 р. 32 к.

2) По предмету устройства церковнаго сквера израсходовано 15 руб. 90 коп.

3) По устройству деревянной церковной ограды употреблено: а) на покупку лѣснаго матеріала 25 руб. 76 коп. и б) за распилку бревенъ на бруски 26 руб. 35 коп. Итого 52 руб. 11 коп.

4) За устройство стѣнной церковной кружки заплачено 2 руб. 50 к.

5) По недостатку церковной кружечной или кошельковой суммы, для удовлетворенія нуждъ церкви отчислено изъ братской суммы на покупку восковыхъ свѣчей, для употребленія въ церкви въ высокоторжественные празъничные дни и на другіе предметы 20 р. 50 к.

Всего по этой статьѣ употреблено въ расходъ 513 руб. 33 коп.

В) *По части благотворительности:*

1) Устройство братскаго пріюта. Для помѣщенія бѣдныхъ, прибывающихъ въ Друскеники для пользованія минеральными водами, употреблено на поправки въ домѣ 26 руб. 30 коп.

Примѣчаніе. Въ статьяхъ прихода по сему отчету показано, что отъ ея высокопревосходительства Е. В. Потаповой, въ возвратъ по этому предмету, получено 11 р. 50 к., слѣдовательно изъ братской суммы употреблено только 14 руб. 80 коп.

2) На продовольствіе больныхъ, находившихся въ братскомъ пріютѣ и пользовавшихся минеральными водами 28 руб. 5 коп.

На отправку ихъ же къ мѣстамъ жительства 9 р. 89 к.

Уплочено за билеты на ванны 1 р. 50 к. Итого 39 руб. 44 коп.

3) Лекарства для бѣдныхъ больныхъ. За отпущенныя изъ друскеникской аптеки лекарства, по прописке врачами на счетъ братства, слѣдовало аптекарю г. Стромбскому 28 руб. 46 коп., изъ этой суммы сдѣлано уступки въ пользу пріюта 13 руб. 90 1/2 коп., за тѣмъ уплочено за лекарства 14 руб. 55 коп.

Всего въ расходѣ по этой статьѣ 80 руб. 29 коп.

С) *По внутреннему управленію дѣлами братства:*

1) Дипломы. По §§ 12 и 15 устава братства, почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ братства выдаются отъ совѣта дипломы, за отпечатаніе коихъ съ бумагою, въ количествѣ 200 экземпляровъ заплочено 4 р. 80 к.

2) На заведеніе шнуровыхъ книгъ въ дополненіе къ полученнымъ отъ одного члена книгамъ и отпечатаніе бланокъ для переписки совѣта 3 руб.

3) Почтовый расходъ. По отпечатанію устава братства, разсылки членамъ устава и дипломовъ 13 руб.

и 4) Канцелярскій расходъ. На канцелярскія принадлежности, кромѣ жертвуемыхъ членами совѣта 77 коп.

Примѣчаніе. Послѣднія двѣ статьи 3 и 4 относятся къ 1868 г. такъ какъ онѣ не вошли въ отчетъ того г.

Всего по этой статьѣ употреблено въ расходъ 21 р. 57 к.
Итого въ 1869 г. въ расходѣ было 615 р. 18½ коп.

Затѣмъ къ 1870 году состоитъ на лицо братской суммы 202 руб. 44½ коп.

IV.

Безплатные билеты на минеральныя ванны.

Владѣльцемъ им. Друскеникъ г. полковникомъ Штрандтманомъ въ 1869 году предоставлено было въ распоряженіе совѣта братства 1326 билетовъ на ванны. Билеты эти были распредѣлены между бѣднѣйшими больными изъ прибывшихъ на воды.

Безплатными ваннами воспользовалось 57 человѣкъ, которые прибыли:

	челов.	выдано билетовъ
Изъ мѣстныхъ жителей мѣстечка и дер. Друскеникъ	14	298
Изъ г. Гродны и Гродненскаго уѣзда	20	532
Изъ Волковыскаго уѣзда . . .	2	20
— Слонимскаго —	1	32
— Минской губерніи	3	88
— Ковенской —	1	20
— Витебской —	1	20
— Могилевской —	2	20
— г. Вильны	4	147
— г. Бѣлостока	1	28
— г. Сувалокъ	2	30
— Сейненскаго уѣзда . . .	1	25
— разныхъ мѣстъ Привислянскаго края	5	85
Итого . .	57	1316

По сословіямъ эти 57 челов. распредѣляются:

	челов.	выдано билетовъ
Военныхъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, ихъ женъ и вдовъ	6	167
Чиновниковъ, ихъ женъ и дѣтей .	14	411
Мѣщанъ и мѣщанокъ	12	255
Крестьянъ и крестьянокъ . .	11	210
Отставныхъ солдатъ и солдатокъ.	5	109
Духовнаго званія	2	17
Учениковъ гимназіи (разнаго сословія)	4	87
Дворянъ и дворянокъ. . . .	3	70
Итого . .	57	1316

V.

О матеріальныхъ средствахъ друскеникской церкви.

По церковнымъ книгамъ за 1869 годъ считается:

По приходу:

а) Свѣчной сборъ. За продажу въ церкви 38 фунтовъ свѣчей, выручено 73 руб. 53 коп.

Наибольшая продажа свѣчей относится къ 3-мъ мѣсяцамъ сезона; такимъ образомъ свѣчнаго сбора получено въ іюнѣ 17 р. 20 коп., въ іюлѣ 18 руб. 78 коп. и августѣ 20 руб. 17 коп., итого 56 руб. 15 коп., изъ коихъ чистаго дохода было 28 р. 7½ коп.; въ остальные же мѣсяцы года свѣчной сборъ составлялъ только 16 руб. 38 к., а чистаго дохода было 8 руб. 19 коп., всей же чистой прибыли отъ свѣчнаго сбора получено 36 руб. 26 ½ коп.

Примѣчаніе. Друскениская церковь, не смотря на то, что почти не имѣетъ прихода, подчиняется общимъ правиламъ, существующимъ вообще для церквей епархіальнаго вѣдомства, и свѣчной сборъ, т. е. весь чистый доходъ отъ продажи въ церкви свѣчей, подлежитъ къ поступленію въ общій учебный капиталъ духовнаго вѣдомства, такъ что покупка свѣчей даже для употребленія въ церкви возможна только изъ кошельковаго или кружечнаго сбора. Въ настоящее время при святѣйшемъ синодѣ составлена коммисія, которая какъ слышно, предполагаетъ соединить, имѣющіяся при церквахъ суммы: свѣчную, кошель-

ковую и кружечную, въ одну сумму изъ всей суммы годоваго церковнаго дохода назначить 20% на содержаніе духовно учебныхъ заведеній. По книгамъ церковнымъ видно, что остатокъ церковной суммы за прошлые два года, состоялъ изъ 18 руб., хотя не были удовлетворены даже самыя мелочныя потребности церкви. Вслѣдствіе сего совѣтъ братства считаетъ необходимымъ при первомъ общемъ собраніи братчиковъ, возбудить вопросъ по сему предмету, объ исходатайствованіи оставленія дохода отъ продажи свѣчей или предполагаемыхъ 20% отъ всѣхъ суммъ въ исключительную пользу церкви на тѣхъ основаніяхъ, которыя собраніемъ будутъ признаны удобными.

Продано восковыхъ огарковъ на . . . 7 р.

б) Кружечный сборъ. Собрано съ богомольцевъ во время церковной службы всего . . 68 р. 39 к.

Изъ этой суммы 56 р. 84 к. относятся къ мѣсяцамъ пребыванія на водахъ посѣтителей, именно: въ іюнѣ собрано 26 руб. 11 коп., въ іюлѣ 14 руб. 8 к. и августѣ 16 руб. 65 коп., въ остальные 9 мѣсяцевъ года только 12 руб. 73 к. Такимъ образомъ весь валовой доходъ церкви въ 1869 году состоялъ изъ 36 руб. 26 ½ к. свѣчнаго сбора и 68 р. 89 к. кружечнаго или кошельковаго, итого 105 р. 15½ коп. Изъ нихъ къ тремъ мѣсяцамъ сезона, а слѣдовательно на долю посѣтителей водъ причитается 84 руб. 91½ коп., а къ остальнымъ 9 мѣсяцамъ или на часть мѣстныхъ жителей 20 руб. 24 к.

Отъ 1867 года оставалось . . . . . 18 р.

Итого . . . . . . 166 р. 92 к.

По расходу:

Свѣчной церковный доходъ, оставаясь неприкосновеннымъ, употреблялся только на покупку свѣчей для продажи; на всѣ же остальные предметы какъ наприм. необходимы при отправленіи божественной службы и другіе, расходовались кружечныя деньги. Въ теченіи года

употреблено: 11 фунт. ладона на 4 р. 75 к., 420 просфоръ 10 р. 26 к., 18 бутылокъ церковнаго вина 8 р. 60 к., 29³/₈ фунта масла для лампадокъ на 8 руб. 89¹/₂ к. и 3 фунта восковыхъ свѣчей для употребленія въ церкви 3 руб., итого . . . . 35 р. 50¹/₂ к.

Для удовлетворенія всѣхъ остальныхъ нуждъ церкви, оставалось только 33 руб. 38¹/₂ коп.

Куплено восковыхъ свѣчей для продажи 55 фунтовъ на . . . . 50 р. 85 к.

Уптреблено на разные предметы для церкви . . . . 55 р. 97 к.

Итоги въ расходѣ . 142 р. 32¹/₂ к.

Въ остаткѣ къ 1870 году церковной денежной суммы состоитъ . . . . 24 р. 9¹/₂ к.

и свѣчей 17 фунтовъ на . . . . . 16 р. 70 к.

Изъ настоящаго обзора матеріальныхъ средствъ друскеникской церкви, еще въ первый разъ со времени основанія храма представляемаго, числовые выводы положительно доказываютъ цѣлесообразность учрежденія церковнаго братства и ту несомнѣнную пользу, которую оно уже наглядно принесло церкви, употребивъ въ 1869 г. на нужды церкви изъ своихъ суммъ 513 руб. 33 коп.

VI.

Пріютъ.

Для достиженія другой цѣли своего учрежденія: оказывать вспомоществованіе бѣднымъ больнымъ, прибывающимъ для пользованія друскеникскими минеральными водами, братству, по увѣдомленію г-на гродненскаго губернатора свиты Его Величества генералъ-маіора князя Кропоткина разрѣшено главнымъ начальникомъ края, на сезонъ 1869 года открыть пріютъ въ домѣ принадлежащемъ бывшему благотворительному обществу.

О дѣйствіяхъ братства по пріюту сказано уже въ III и IV статьяхъ сего отчета, съ развитіемъ же матеріальныхъ средствъ, расширится и кругъ благотворительной дѣятельности братства.

Въ настоящемъ году братскій пріютъ представилъ новое

доказательство христіанской любви и нѣжной заботливости о сиротахъ и безпріютныхъ дѣтяхъ, главной попечительницы дѣтскихъ пріютовъ сѣверо-западнаго края, супруги генералъ-адъютанта Екатерины Васильевны Потаповой.

Сознавая несомнѣнную пользу, которую могли принести цѣлебныя друскеникскія воды дѣтямъ, которымъ родители оставили въ наслѣдство только нищету и болѣзни, Екатерина Васильевна помѣстила въ братскомъ пріютѣ 13 дѣвочекъ изъ виленскаго и ковенскаго пріютовъ. Нельзя не порадоваться такому просвѣщенному и чадолюбивому сочувствію къ дѣтямъ, которымъ сказанная мѣра, принося пользу, должна благодѣтельно повліять на ихъ будущую судьбу и послужить къ развитію ихъ нравственныхъ и физическихъ силъ.

Другой годъ, какъ братскій пріютъ устраивается въ домѣ, принадлежавшемъ бывшему друскеникскому благотворительному обществу; но какъ общество это, по оффиціальномъ утвержденіи въ 1862 году его устава, не состоялось и прекратило свои дѣйствія, то предположено домъ этотъ передать друскеникскому православному братству для его благотворительныхъ цѣлей.

Возникшая по этому предмету переписка, была совѣтомъ братства предложена на обсужденіе общаго собранія братчиковъ, которымъ въ протоколѣ 19 іюля 1869 года, въ разрѣшеніе вопросовъ: можетъ ли братство принять въ свое завѣдываніе тѣ дома и подъ какими условіями? Постановлено: „что братство, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, готово устраивать въ этихъ домахъ пріютъ для помѣщенія бѣдныхъ больныхъ, прибывающихъ въ Друскеники для пользованія минеральными водами; но такъ какъ братство на первыхъ порахъ своего существованія, обладаетъ весьма незначительными матеріальными средствами и имѣетъ главною цѣлью поддержку православнаго храма, неимѣющаго даже своего прихода, то и не можетъ съ точностію опредѣлить тѣхъ средствъ, которыя необходимы для поддержанія этихъ домовъ, не отказываясь однако же по мѣрѣ увеличенія средствъ, поддерживать эти дома, какъ пріютъ для бѣдныхъ больныхъ". При томъ изъ устава бывшаго благотворительнаго общества, въ той же перепискѣ находящагося, видно, что ему принадлежало два дома. При передачѣ же завѣдывавшаго имуществомъ общества въ 1866 году сданъ въ комитетъ друске-

никскихъ минеральныхъ водъ только одинъ домъ, о принадлежности же обществу другаго нынѣ возникло недоразумѣніе, вслѣдствіе коего братство впредь до разрѣшенія онаго и не могло принять означенные дома въ свое окончательное распоряженіе. При томъ же домѣ, который находится нынѣ только временно въ вѣдѣніи братства, надворное строеніе и кухня чрезвычайно ветхи и потребовали бы со стороны его значительныхъ издержекъ на исправленіе; средства же братства въ настоящее время весьма недостаточны и только съ передачею ему и другаго дома, который можно было бы отдавать въ аренду и употребляя арендныя деньги на ремонтированіе домовъ и постепенное исправленіе надворныхъ строеній и кухни, братство было бы въ состояніи поддержать передаваемое ему имущество б. благотворительнаго общества. Поэтому вопросъ о домахъ въ сезонъ текущаго 1870 года будетъ вновь предложенъ на обсужденіе общаго собранія братства.

VII.

Библіотека.

Въ общемъ собраніи братчиковъ въ семъ году сенаторъ тайный совѣтникъ Яковъ Аникіевичъ Познякъ, желая споспѣшествовалъ братству въ благотворительныхъ его дѣйствіяхъ, предложилъ, что онъ признавалъ бы полезнымъ завести отъ братства библіотеку, подъ завѣдываніемъ и контролемъ братства для пользованія изъ оной книгами, преимущественно тѣми лицами, которыя пріѣзжаютъ въ Друскеники съ водолечебною цѣлію. Въ основаніе же этой библіотеки Я. А. Познякъ изъявилъ готовность прислать нѣсколько экземпляровъ книгъ разнаго содержанія, въ особенности же духовнаго, а также книгъ учебныхъ и для чтенія дѣтей, помѣщаемыхъ въ братскомъ пріютѣ. При этомъ, ея высокопревосходительство Екатерина Васильевна Потапова, вполнѣ сочувствуя заявленію тайнаго совѣтника, сенатора Я. А. Позняка, съ своей стороны изъявила готовность пожертвовать нѣсколько экземпляровъ книгъ. Общее собраніе, признавъ полезнымъ и цѣлесообразнымъ заведеніе библіотеки, предлагаемой Я. А. Познякомъ, заявило свою признательность ему и Е. В. Потаповой за ихъ теплое участіе въ дѣлахъ братства и за ихъ обязательную и предупредительную

готовность содѣйствовать увеличенію матеріальныхъ средствъ братства, принятіемъ отъ совѣта книжекъ для сбора доброхотныхъ пожертвованій.

Въ настоящемъ году прислано Е. В. Потаповою книгъ 12 томовъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Петромъ Александровичемъ и его супругою Елисавѣтою Ивановною Велешиными 32 т. и Владиміромъ Ивановичемъ Новаковскимъ собственныхъ сочиненій 75 том., всего получено 119 книгъ. Такимъ образомъ положено уже начало основанію братской библіотеки. Завѣдываніе библіотекою принялъ на себя членъ совѣта, коллежскій совѣтникъ Ѳома Семеновичъ Павловичъ.

Нѣкоторыя изъ числа книгъ, нынѣ составляющихъ братскую библіотеку, мѣстный священникъ нашелъ полезными для употребленія въ друскеникской школѣ, на каковой конецъ и получилъ 37 книгъ. Въ школѣ этой обученіемъ дѣтей занимается П. Я. Лобикъ, вышедшій на учительское поприще изъ молодечненской учительской семинаріи, человѣкъ молодой, скромный и усердный; онъ обучаетъ также мальчиковъ и дѣвочекъ церковному пѣнію, и дѣти, въ праздничные дни, безъ различія христіанскихъ вѣроисповѣданій, поютъ довольно согласно въ церкви; вообще, этотъ молодой человѣкъ съ любовію и энергіею занимается своею, весьма нелегкою, обязанностію и заслуживаетъ одобренія и поощренія.

Въ общемъ собраніи братчиковъ, при обсужденіи способовъ къ увеличенію матеріальныхъ средствъ братства, одинъ изъ членовъ выразилъ мысль о необходимости распространять какъ устно, такъ и посредствомъ печати большую извѣстность о друскеникскомъ братствѣ, которое по условіямъ мѣстности получаетъ особенное, отличительное отъ другихъ церковныхъ братствъ значеніе.

Починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ: членомъ братства М. Т. Ивановымъ въ Современной Лѣтописи (Воскресныя прибавленія, къ Московскимъ Вѣдомостямъ) 17-го августа 1869 года въ № 31 напечатана статья, озаглавленная „Друскеникское церковное братство". Въ заключеніи этой статьи говорится, что друскеникское братство надѣется, что и общество среднихъ губерній Россіи, въ особенности Московское, издревле славящееся своею благотворительностію, не откажется въ пособіи и прити

ютъ руку бѣднымъ своимъ согражданамъ. Друскеникскому братству остается надѣяться, что воззваніе почтеннаго братчика не ребудетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

Заканчивая отчетъ, по мнѣнію совѣта, при благопріятныхъ словіяхъ для развитія братства, вступившаго только во второй одъ своего существованія и стоя на почвѣ христіанскаго милосердія, братство, не смотря на малочисленность въ настоящее время членовъ своихъ, съ любовію преданныхъ и искренно сочувствующихъ дѣлу, питаетъ надежды, въ непродолжительномъ будущемъ, достигнуть болѣе утѣшительныхъ результатовъ. Предъ ашими глазами живой примѣръ, чего можетъ достигать и малочисленное братство, руководимое искреннею вѣрою, любовію ъ Богу и ближнему и полное надежды на милосердіе всещедраго Провидѣнія.

Примѣръ этотъ представляетъ песковское (въ Петербургѣ) братство, которое при 80-ти членахъ, обязанныхъ по уставу вносить въ годъ только по 1 р., въ теченіи 5 лѣтняго своего существованія имѣло однакожъ въ распоряженіи своемъ 30 т. рублей, на которые содержались: пріютъ, школа для приходящихъ, богодѣльня и больница на 8 кроватей. Милость Господня заступничество Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, имени которой и храмъ друскеникскій посвященъ, не оставятъ наше бѣдное братство!

Подлинное за надлежащими подписями.

ОЖИДАНІЕ.

Катапетасмою закрыта Царска Дверь;
За нею самъ Господь съ божественною Чашей.
Молись, душа моя, люби, надѣйся, вѣрь:
Вотъ—вотъ раскроется вся тайна жизни нашей,—
Вотъ— вотъ отдернется завѣса передъ тобой,
И новый, чудный свѣтъ твои увидятъ очи,
Увидишь нову жизнь, и вступишь въ міръ иной,
Гдѣ нашихъ нѣтъ уже ни лѣтъ, ни дней, ни ночи,
Гдѣ вѣчность безъ конца, безъ мѣры и числа,
О чемъ вообразить не достаетъ умѣнья....
Молись, душа, чтобъ ты сподобиться могла
И оправданія и славы воскресенья.

СТРАДАЛЕЦЪ.

(Разсказъ Еврейскаго студента).

... Ну-ка, Борисъ Григорьевичь, выпьемъ, право, выпьемъ за наше студенчество, за науку, за нашу будущность; я буду докторомъ медицины, пользовать паціентовъ, подвигать науку впередъ, а ты будешь кандидатомъ правъ, будешь защищать подсудимыхъ, ораторствовать, а другіе будутъ восхищаться твоимъ цицероновскимъ краснорѣчіемъ, апплодировать твоимъ остроумнымъ аргументамъ и удачнымъ выводамъ; о, славное тогда будетъ время! Ну—ка, г. Зильберштейнъ, выпьемъ, studiosus sum. Ура! Да зравствуетъ будущность, да здравствуютъ всѣ студенты! ура!!...

— Богъ съ тобой, Левъ Исаковичъ, ты просто сумашествуешь, я уйду отъ тебя. Вѣдь это просто изъ рукъ вонъ, вѣдь это нестерпимо, наконецъ. Когда только придешь къ тебѣ, ты восторгаешься и изъ-за какой нибудь глупости. Важность большая студентъ на первомъ курсѣ! Да вѣдь это просто смѣшно, ей Богу, смѣшно, въ высшей, степени.

— Ничуть не смѣшно, а только радостно. Тебѣ должно быть неизвѣстно мое прошлое, Борисъ Григорьевичъ, когда ты думаешь, что не чему мнѣ радоваться. Я вѣдь не родился, какъ ты, въ шелковой сорочкѣ, т. е. хоть и родился, да она очень скоро расползлась; меня не воспитывали добрые родители какъ тебя, обо мнѣ не заботились ни тетушки, ни бабушки, меня друдіе не вывели въ люди, а самъ заботился о себѣ, въ потѣ лица трудился; въ томъ то и дѣло, что ты мѣришь меня твоимъ маштабомъ,—сытый голодному не товарищъ.

— Ошибаешься, Левъ Исаковичъ: вращаясь уже не со вчерашняго дня между еврейскими студентами, я, кажется, довольно хорошо познакомился со всевозможными ихъ обстоятелствами даже ихъ домашними дѣлами, ихъ горемъ, ихъ лишеніями, словомъ, успѣлъ изучить весь ихъ міръ, totum mundum, какъ ты говоришь, какъ внутреній, такъ и внѣшній, и, потому, кажется мнѣ, что и твоя судьба, какъ бы горька она ни была, все таки невыходитъ изъ ряду судебъ всѣхъ еврейскихъ студентовъ и

въ перемѣнѣ ея къ лучшему нѣтъ ничего особеннаго, ничего необыкновеннаго, что должно было бы такъ экзальтировать тебя и при каждомъ воспоминаніи объ этомъ фактѣ забываться, выходить изъ себя.

— Нѣтъ, любезный мой Зильберштейнъ, моя судьба далеко не похожа на судьбу другихъ еврейскихъ студентовъ, и я восхищаюсь не тѣмъ, что она измѣнилась къ лучшему, потому что, собственно говоря, она ни сколько еще не измѣнилась; но меня радуетъ то, что я, все таки, наконецъ, студентъ, что, не смотря на всѣ рытвины, овраги и болота, на колоссальные камни, препятствовавшіе мнѣ тамъ и сямъ на пути своемъ къ достиженію цѣли, я наконецъ все таки преодолѣлъ ихъ и переодолѣлъ самъ, безъ чьей либо помощи и вышелъ на ровное поле, откуда ясно видится мнѣ столбовая дорога, на которой могу дотащиться помаленечку къ желанному мѣсту. Вотъ причины той радости моей, о которой изнѣженные питомцы блаженной фортуны не могутъ имѣть ни малѣйшаго понятія и даже ты, мой любезный Борисъ Григорьевичъ, хоть ты успѣлъ уже давно познакомиться съ житьемъ бытьемъ нашихъ братьевъ страдальцевъ, не знаешь еще и десятой доли о тѣхъ необозримо большихъ и до безконечности разнообразныхъ трудностяхъ, которыя представляются *брату нашему*, стремящемуся къ усвоенію себѣ полезныхъ знаній и къ честному служенію обществу. Хочешь, Борисъ Григорьевичъ, я разскажу тебѣ свою исторію? Ей, ей интересная исторія!!

— Ну, разскажи, если хочешь.

Такъ слушай и не прерывай, я начну съ самаго начала; prima repetens ab origine pergam.

I

Я, какъ гласитъ мое метрическое свидѣтельство, родился въ 1845 году въ маленькомъ курляндскомъ мѣстечкѣ. Отецъ мой Исаакъ Давидзонъ былъ жмудскій уроженецъ, но такъ какъ онъ женился на моей матери, Маріи Фейнштейнъ, курляндкѣ, то и остался при ней въ Курляндіи. Отецъ мой получилъ блестящее, по своему положенію, воспитаніе: зналъ языки нѣмецкій, польскій, французскій, но всего болѣе нахваталъ свѣдѣній изъ талмуда, зналъ много его трактатовъ наизусть, а сводъ еврейскихъ узаконеній зналъ, какъ свои пять пальцевъ и этимъ за-

пасомъ всесторонняго оброзованія стяжалъ себѣ почтенное имя на сей Жмуди и въ многихъ мѣстахъ Курляндіи. Въ молодости онъ весьма часто бывалъ по дѣламъ дѣда моего въ Пруссіи, гдѣ имѣлъ случай познакомиться съ свѣтомъ, изучить людей и коммерцію, словомь отецъ мой былъ человѣкъ недюжинный во многихъ отношеніяхъ. На матери моей онъ женился по любви, когда ему минулъ 30 годъ, а ей восемнадцатый; женитьбою своею онъ произвелъ большой фуроръ на всей Жмуди. Разсказываютъ, что почти круглый годъ во всѣхъ мѣстечкахъ на Жмуди Исаакъ Давидзонъ, т. е. отецъ мой былъ единственнымъ предметомъ разговора, удивленія, споровъ. Куда только ни заѣзжалъ въ то время еврей и послѣ сытнаго обѣда. закуривая трубку, у кого только ни освѣдомлялся о новостяхъ, ему предлагали вопросъ: а вы слыхали о женитьбѣ ребъ Исаака Давидзона? Это, исторія не слыханная въ нашемъ народѣ, прибавляли скоро спрашивавшіе, не дожидаясь отвѣта на предлагаемый ими проѣзжему вопросъ. Вообразите себѣ, молодой ученый человѣкъ, съ не малымъ капиталомъ, понимающій коммерцію и притомъ изъ прекрасной фамиліи, женился на небогатой дѣвушкѣ, потому только что она понравилась ему! онъ могъ бы взять наименѣе пять тысячъ рублей приданаго!...

— А ребъ Давидзонъ вашъ развѣ ничего не получилъ? съ ужасомъ опрашивалъ въ свою очередь проѣзжій.

— Не то, чтобъ не получилъ, это еще было бы простительно. Извѣстно, что у насъ обѣщаютъ жениху много, а даютъ четвертую или пятую долю обѣщаннаго. Это уже искони такъ заведено, и никто не смѣетъ возставать противъ этого обычая; но вотъ что поразительно, самъ ребъ Исаакъ Давидзонъ, и знать не хотѣлъ о приданомъ; родители невѣсты хотѣли ему дать 500 рублей, изволите видѣть, отказаня отъ нихъ на отрѣзъ. Если, сказалъ онъ имъ, вы болѣе не въ состояніи дать, стало быть вы небогаты, какъ же я осмѣлюсь лишить васъ послѣдняго? Развѣ для меня мало того, что вы отдаете за меня вашу прекрасную и умную дочь!.

— Должно быть, ужъ такая благословенная судьба невѣсты, отвѣчалъ проѣзжій; въ талмудѣ говорится, что за сорокъ дней предъ рожденіемъ младенца ангелъ провозглашаетъ кто ему назначается въ супруги.

— А развѣ таки говорится?

— Говорится.

— Такъ и неудивительно!

Подобные разговоры, какъ я ужё сказалъ, можно было слышать въ то время въ любомъ заѣзжемъ или гостиномъ домѣ почти на всей Жмуди. И не удивительно: евреи, дорожащіе семейною жизнью едвали не столько же, какъ и своею религіею, и при выдачѣ дочерей своихъ за мужъ отдающіе завербованному жениху около двухъ третей своего имущества, вдругъ видятъ, что отецъ мой, замѣчательный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, женился на дѣвушкѣ безъ гроша приданаго...

II.

Но Богъ наградилъ честный поступокъ моего отца: Онъ благословилъ рѣдкимъ успѣхомъ всѣ его дѣла, и съ каждымъ годомъ обстоятельства его улучшались. Мирная жизнь моихъ родителей текла какъ жизнь первыхъ людей до паденія и служила для многихъ добрымъ примѣромъ На второмъ году послѣ свадьбы мать подарила отцу сына, котораго, казалось, только и не доставало для полноты ихъ счастія. Этомъ сынъ былъ я. На меня, какъ разсказывала мнѣ потомъ мать, отецъ мой много разсчитывалъ. Его, говорилъ онъ мамашѣ, я буду воспитывать не такъ какъ воспитываютъ всѣ мои собратья въ Литвѣ своихъ дѣтей; нашего Леона я не пошлю въ хедеръ, а отправлю его въ Берлинъ или Кенигсбергъ, тамъ окружу его учителями, которые будутъ обучать его всему полезному и современному. Да, говаривалъ онъ, нашъ сынъ долженъ получить полезное воспитаніе. Какъ еврей, разумѣется, прежде всего онъ долженъ знать древній еврейскій языкъ, на которомъ говорили и писали вдохновенные пророки наши, затѣмъ онъ долженъ быть хорошо знакомъ съ богатою литературою нашихъ мудрецовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Леонъ долженъ будетъ знать новые языки, полезныя науки и какую нибудь механическую работу; словомъ, нашъ сынъ долженъ быть полезнымъ членомъ общества и служить образцами юношеству нашего народа... Такъ, бывало, часто, бесѣдуя съ любимою женою о любимомъ сынѣ, отецъ мой строилъ разные планы для моей будущности, и длинные предлинные періоды его монологовъ всегда начинались словами: "сынъ нашъ долженъ"...

Но вѣчной и неоспоримой истинѣ" человѣкъ предполагаетъ,

а Богъ располагаетъ„ суждено было еще разъ подвердиться судьбою нашего семейства. На шестомъ году моего возраста, отецъ мой, возвратившись однажды домой после пяти-месячнаго отсутствія изъ Пруссіи, где дела его шли весьма удачно, внезапно слегъ въ постель. Съ первыхъ же дней болезни онъ совсемъ упалъ духомъ и постоянно говорилъ о смерти; у него было какое то предчувствіе, что не переживетъ этой болезни и темъ более значенія придавалъ своему предчувствію, что до сего времени онъ ниразу не былъ боленъ и уверялъ, будто существуетъ такой законъ гигіены, по которому люди, не страдавшіе до сороковыхъ годовъ своего возраста ни какою болезнью, когда потомъ заболеваютъ, то находятся въ большой опасности. Девять месяцевъ онъ пролежалъ на страдальческомъ одре. Во все это время, когда только болезнь его принимала лучшій оборотъ и онъ чувствовалъ себя на столько сильнымъ, что могъ говорить съ окружавшими его, я долженъ былъ находиться при немъ и забавлять его сказками и исторіями, вычитанными мною изъ разныхъ немецкихъ книжекъ. (Я въ то время уже довольно хорошо читалъ по немецки и понималъ читанное) Разъ, помнится мне, я разсказалъ отцу следующую исторію съ однимъ докторомъ медицины:

Какой- то докторъ въ одно прекрасное майское утро прогуливался въ своемъ саду. Подходя къ воротамъ сада, онъ услыхалъ плачъ ребенка. Сначала онъ не обратилъ на это вниманія, зная обычай бродягъ своего города, которые часто безъ всякой нужды высылаютъ своихъ детей просить милостыни и велятъ имъ притомъ плакать для возбужденія большаго сожаленія. Но потомъ докторъ подумалъ, что, можетъ быть, этотъ плачъ есть действительно тотъ горькій вопль о помощи, который иногда мимовольно вырывается изъ груди сильно нуждающихся. Онъ решился разведать о плачущемъ ребенке и вышелъ изъ сада. На встречу ему шелъ мальчикъ летъ семи, босый, одетый въ изорванное рубище. Увидевъ доктора, мальчикъ отеръ свои глаза, и удвоилъ шаги, стараясь, при этомъ, насколько возможно сдерживать свои рыданія. Докторъ, съ своей стороны, также прибавилъ шагу. Подошедъ къ мальчику, онъ спросилъ его, куда онъ идетъ такъ рано и онъ ли это плакалъ? Я, отвечалъ мальчикъ, всхлипывая, небудучи более въ состояніи

удержаться отъ слезъ, иду къ доктору; мой папаша лежитъ больной въ постели, а мамаша также еще не можетъ выходить изъ дому.

— А къ какому доктору ты идешь?

— Я самъ не знаю. Мамаша мнѣ велѣла пойдти узнать, гдѣ живетъ докторъ и попросить его къ намъ, но велѣла ему сказать также, что унасъ тепеь нѣтъ денегъ.

— А вы далеко отсюда живете?

— Очень далеко. Я уже долгое время хожу и не могу найдти доктора.

— Ну такъ я докторъ и поѣду къ твоимъ родителямъ. Докторъ черезъ садъ повелъ мальчика къ себѣ въ домъ, велѣлъ его напоить и накормить, а самъ немедленно поѣхалъ къ его родителямъ.

Въ небольшой но опрятной комнатѣ докторъ нашелъ красивую, но весьма блѣдную и изнуренную женщину, которая сидѣла за столомъ и плакала, а не далеко отъ нея на кровати лежалъ ея мужъ. Докторъ осмотрѣлъ больнаго и нашелъ его въ сильной горячкѣ: Онъ написалъ рецептъ и скоро прислалъ черезъ мальчика лѣкарство изъ собственной аптеки, снабдивъ его прежде небольшою суммою денегъ. Съ того дня докторъ ѣздилъ по два раза въ день къ больному, давая ему безплатно лѣкарства изъ собственной аптеки, пока онъ не вылѣчилъ окончательно его, а на послѣдокъ далъ ему 15 червонцевъ для поправленія здоровья. Окончивъ эту прекрасную исторію, я прибавилъ: о, еслибъ я былъ такимъ докторомъ, я вылѣчилъ бы тебя папаша!... Когдабъ ты былъ такимъ докторомъ, тогда я могъ бы теперь спокойно умереть, отвѣчалъ мнѣ отецъ, и слезы показались у него на глазахъ.—Отецъ мой былъ очень тронутъ моимъ разсказомъ и, долго гладя меня по головѣ, пристально смотрѣлъ на меня. Я, правду сказать, боялся тогда его взора. А почему, папаша, спросилъ я его потомъ, этотъ докторъ—не еврей дѣлалъ столько добра еврею (такъ было сказано въ книжкѣ, въ которой я читалъ эту исторію). Вѣдь не-евреи насъ не любятъ, не правда ли? Неправда, былъ отвѣтъ отца.

— Почему же не-еврейскіе мальчики, съ которыми мы живемъ въ сосѣдствѣ, не играютъ вмѣстѣ со мною, смотрятъ на меня все какъ-то сердито, дичатся меня, тогда какъ я имъ ничего

худаго никогда не дѣлалъ: не бранилъ ихъ и не спорилъ съ ними?

— Потому что они мальчики.

— Почему же дворникъ нашъ всегда такъ косо смотритъ на меня, особенно когда онъ *красенъ*, тогда терпѣть меня не можетъ? Онъ разъ назвалъ меня такимъ именемъ, которое стыжусь повторить тебѣ.

— Потому что онъ дворникъ, стало быть человѣкъ простой, грубый. Видишь, продолжалъ отецъ, кто образованъ, тотъ и насъ любитъ, напр. докторъ твой вовсе не смотрѣлъ на то, что больной былъ еврей, и помогалъ ему; а мои знакомые не-евреи, которые часто приходятъ къ намъ, развѣ не любятъ меня, развѣ не ласкаютъ и не цѣлуютъ тебя, сынъ мой, хотя ты еврейское дитя? Словомъ, благоразумные люди любятъ всѣхъ людей безъ всякого различія вѣроисповѣданія.

— А будутъ ли, папаша, когда нибудь всѣ люди благоразумны любить насъ?

— Чѣмъ дальше, тѣмъ люди становятся благоразумнѣе, и потому есть большая надежда, что прійдетъ наконецъ то счастливое время, когда всѣ люди будутъ любить и уважать также евреевъ.

— О, тогда будетъ хорошо жить!

— Оченъ хорошо!

Подобными исторіями и разсказами я бывало забавлялъ отца, когда ему дѣлалось легче, но очень рѣдки были такіе случаи; болѣзнь быстро развивалась, и чѣмъ дальше, тѣмъ она становилась опаснѣе. Послѣ 9-ти мѣсячного мученія, ударилъ роковой часъ. Наканунѣ праздника пасхи 1851 года, насталъ несчастный кризисъ, и въ ту ночь я лишился прекраснаго отца. Корабль нашего скромнаго семейства потерпѣлъ страшное крушеніе и мы остались на произволъ бушующихъ волнъ. Кругомъ насъ бурное, безбрежное море, челнокъ представленъ произволомъ праву вѣтра, готоваго каждую минуту низрынуть насъ въ бездонную пропасть.

III.

Послѣ смерти отца у насъ осталось всего около шести сотъ рублей наличными деньгами, немного золотыхъ и серебряныхъ вещей и небольшая библіотека, состоявшая изъ нѣсколькихъ еврейскихъ фоліантовъ и изъ нѣмецкихъ и польскихъ книгъ.

Ео отецъ въ завѣщаніи своемъ строго запретилъ отдавать деньги ъ ростъ. Процентныя деньги, было сказаю при этомъ, какъ ы въ объясненіе запрещенія своего, по большей части ведутъ ъ худымъ послѣдствіямъ: ростовщики всегда или бѣднѣютъ слѣдствіе банкротства должниковъ или подвергаются нежданнымъ олѣзнямъ и деньгами, собранными беззаконно, обогащаютъ окторовъ и аптекарей, а сами умираютъ нищими. Словомъ амъ осталось сидѣть сложа руки и, съѣвъ остатки нашего мущества, положить, какъ говорятъ, зубы на полку, ибо мамаша е понимала никакой торговли, притомъ она сама была нездорова, змучена и больше похожа на скелетъ, чѣмъ на живаго челоѣка. Кромѣ меня осталось еще двое дѣтей—дѣвочки, одна рехъ, а другая двухъ лѣтъ, такъ что я очутился старшимъ ъ домѣ, и кормильцемъ матери и сестеръ. Я скоро сталъ понимать наше безвыходное положеніе и наша будущность рисавалась редо мною въ самыхъ темныхъ краскахъ, Не даромъ говорятъ, то несчастье есть самая лучшаа школа жизни: оно воспитыаетъ людей и дѣлаетъ ихъ полезными скорѣе, чѣмъ самый учшіе менторы и образцовые педагоги. На седьмомъ году уже началъ всматриваться въ жизнь, въ окружающій меня іръ, началъ изучать людей и разсуждать о томъ что полезно что вредно. Я сталъ составлять планы, какъ освободить ать отъ лишнихъ издержекъ и тѣмъ доставить ей возможность беречь на долѣе остальныя деньги.

У моей матери была сестра бездѣтная. Чтобъ облегчить часть нашу, она хотѣла принять къ себѣ одну изъ сестеръ моихъ на содержаніе, но боялась предложить такую слугу мамашѣ, зная ея привязанность къ намъ, чтобы не раскрывать сердечныхъ ранъ, такъ какъ всякая мысль о разлукѣ ъ кѣмъ нибудь изъ насъ могла погубить ее окончательно. Пре-омною же тетушка часто заявляла это доброе желаніе и объяняла мнѣ его пользу и необходимость: для мамаши, говорила на, будетъ гораздо легче вмѣсто троихъ содержать только вое дѣтей, для сестрицы же твоей будетъ у меня лучше потому то она замѣнить мѣсто моихъ дѣтей и будетъ единственнымъ предметомъ моихъ заботъ и воспитанія. Но мнѣ также было трудно сказать объ этомъ мамашѣ. Я хорошо понималъ, что мы единтвенное ея утѣшеніе, что еслибы не мы, она давно уже послѣ-

довала бы за отцемъ и весьма охотно разсталась бы съ моею тягостною для нея жизнію

Однажды послѣ обѣда, помнится мнѣ какъ теперь, мать призвола меня къ себѣ и приказала мнѣ повторить ей читанное мною въ тотъ день въ хедерѣ. Я какъ разъ въ тотъ день повторялъ первую книгу библіи и принялся разсказать ей прекрасную исторію Іосифа о сновидѣніяхъ его, о звѣркомъ поступкѣ братьевъ, объ обманѣ стараго Іакова, о жизни Іосифа въ Египтѣ, о чудесномъ дарѣ его толковать сны, о томъ какъ онъ сдѣлался потомъ правою рукою Фараона и какъ Богъ устроилъ все такъ чтобъ онъ послужилъ своимъ и родителямъ и братьямъ опорою, покровомъ и припитаніемъ.

По окончаніи разсказа, мамаша, сидѣвшая до тѣхъ поръ словно окаменѣлая, вдругъ схватила меня обѣими руками, посадила себѣ на колѣна и крѣпко—крѣпко прижала меня къ груди своей. Во всю жизнь буду помнить этотъ порывъ нѣжности! О! сколько чувства выражаетъ бѣдная мать молодая вдова, когда прижиаетъ къ груди своей сына! Ни пакакомъ человѣческомъ языкѣ, никакими красками нельзя выразитъ того что тогда перечувствовала бѣдная моя мать!!!... Грудь ея волновалась, какъ волнуется грудь дѣвушки цѣлующей любимца своего сердца послѣ долгаго его отсутствія; каждое біеніе серда ея слышно было мнѣ такъ звонко, какъ слышатся иногда колебанія маятника стѣнныхъ часовъ проснувшему я среди ночи, когда въ комнатѣ царствуетъ могильная тишина.

Стало вечерѣть; въ комнатѣ становилось все темнѣе. Солнце давно уже закатилось за горизонтъ, какъ бы спѣша въ тотъ день скорѣе удалиться отъ нашихъ оконъ и не помѣшать своимъ свѣтомъ мрачной беседѣ—матери съ сыномаъ. Я все еще сидѣлъ на колѣняхъ матери, прильнувъ головаою къ волновавшейся ея груди. Мать прервала молчаніе.

— Сынъ мой, начала она, и ты будешь нашимъ Іосифомъ, и тебя Богъ назначилъ служить намъ подпорой и защитою отъ голода, холода и другихъ невзгодъ, которымъ такъ часто подвергаются беззащитныя вдовы и сироты. Принявъ отъ насъ отца твоего, Отецъ небесный указалъ намъ на тебя. И отецъ твой предъ смертью также сказалъ мнѣ: „Я оставляю вамъ намѣстника, который будетъ заботиться о васъ, я въ томъ

увѣренъ. Но для этого, любезный Леонъ, тебѣ прійдется оставить насъ, пожить нѣкоторое время между чужими людьми пока ты будешь въ состояніи помогать твоимъ сестрамъ. О себѣ я уже неговорю, мои глаза, кажется, уже неувидятъ тѣхъ свѣтлыхъ дней, я тогда буду тамъ, гдѣ ни въ чемъ не буду нуждаться.!...

Маменько горько плакала и еже минутно покрывала мою голову горячими поцѣлуями и прижимала меня все крѣпче къ груди. Я былъ какъ въ бреду.

— Да, начала она снова, тебѣ прійдется оставить насъ и пожить на чужбинѣ. Уже мѣсяцъ тому назадъ я получила отъ брата твоего покойнаго отца письмо, въ которомъ онъ настоятельно требуетъ, чтобы я прислала къ нему тебя. Онъ обѣщается воспитывать тебя, какъ родного сына и заботиться о твоей будущности какъ заботится о будущности своихъ дѣтей. Но я отвѣчала ему, что не могу разстаться съ тобой и благодарила его за участіе въ нашемъ положеніи; вчера я получила отъ него второе письмо. Отъ упрекаетъ меня въ эгоизмѣ и слабости, онъ говоритъ, что если не послѣдую его предложенію то погублю тебя навсегда и буду отвѣчать за это предъ Богомъ. По этому, любезный мой, я рѣшилась от—пра—вить—т—е—б—я—къ не—му....

Маменька произнесла эти слова чуть дыша и освободила меня отъ своихъ рукъ. Я посмотрѣлъ на нее; глаза ея были открыты во всю величину и она была блѣдна, какъ полотно. Я испугался и закричалъ; она упала въ обморокъ. Цѣлыхъ полчаса хлопотали, чтобы привести ее въ чувства, меня въ этотъ вечеръ не допустили къ ней; я ночевалъ у сосѣда.

IV.

На слѣдующій день маменька послала за мною и рѣшительно объявила мнѣ о моей поѣздкѣ къ дядѣ. Послѣ этого, разумѣется, я уже и недумалъ о предложеніи тетушки на счетъ сестрицы, да и тетушка сама какъ бы выгнала изъ головы своей эту мысль; нельзя же было лишить маменьку вдругъ двухъ дѣтей въ одно и тоже время. Поѣздка была назначена на сентябрь; послѣ праздника кущей. Тѣмъ временемъ для меня мало помалу приготовляли кое какое платье и другія необходимыя для дороги вещи. Отъ моего родного мѣстечка до уѣзднаго города

Р., на Жмуди, въ которомъ жилъ мой дядя было около (350 верстъ), Къ несчатію осень въ томъ году началась весьма рано: въ сентябрѣ мѣсяцѣ она была уже въ полномъ ходу: въ воздухѣ сильно холодѣло, по временамъ шелъ мелкій дождикъ на половину съ снѣгомъ, тучи не сходили съ неба и предвѣщали на долгое время самую дурную погоду; потому маменька старалась снабдить меня разными лохмотьями, которыя защитили бы меня отъ холода и сыротси. Все время до моего отъѣздаим прошло въ стряпнѣ. Наканунѣ моего отъѣзда у насъ было большое собранье, пришли всѣ родные и добрые знакомые, кто для того чтобы помочь въ чемъ нибудь укладывать мои дурныя вещи въ дурной деревянный ящикъ, кто съ добрымъ совѣстомъ, а кто чтобъ поплакать вмѣстѣ съ матерью и утѣшать ее—всѣ суетились, всѣ болтали, шуму, гаму не было конца. Я стоялъ возлѣ сестрицъ и-то и-дѣло—цѣловалъ то одну, то другую. Мысль что я покидаю ихъ, разрывала мнѣ сердце—мнѣ чудилось, что я покидаю ихъ на всегда. Далеко заполночь прошенные и непрошеные гости, простившись со мною и поблагословивъ меня каждый посвоему, разбрелись по домамъ. Балагула (извощикъ) имѣлъ, пріѣхать въ 7 часовъ утра Желая провести со мною послѣдніе часы, маменька сѣла на мою кровать и подпершись одною рукою о голову, крѣпко задумалась. Я сѣлъ возлѣ нея на кроватъ. Мнѣ не хотѣлось прерывать ея думы, и, сидя молча, я заснулъ. И видѣлъ я такой сонъ:

Въ жаркій лѣтній день, гдѣ то далеко отъ родного дома, босой въ лохмотьяхъ, плетусь я по большой дорогѣ, неся на спинѣ большой мѣшокъ набитый какими то вещами. Я голоденъ, уже другія сутки какъ я не имѣлъ ничего съѣстного во рту, а жажда и лѣтняя жара изнуряютъ меня. Я выбился изъ силъ, ноги еле—еле передвигаются, голова словно пламенемъ горитъ, а тяжеловѣстный мѣшокъ такъ и давитъ къ землѣ. Но вдругъ я увидѣлъ издали густой синій лѣсъ; я собралъ послѣднія силы и кое-какъ дотащился до него. Меня обдало какою-то свѣжестью, у меня потемнѣло въ глазахъ и я безъ чувствъ повалился на землю. Лежалъ я долго; но вотъ чья то рука коснулась меня, я открылъ глаза, и увидѣлъ предъ собою—отца. Встань, сказалъ онъ, и продлжай путь свой. Но я голоденъ, возразилъ я; вотъ плоды, а вотъ вода. Я под-

нялъ голову и увидѣлъ предъ собою дерево, обремененное прекрасными плодами, журчанье бьющаго изъ земли ключа дошло до моихъ ушей. Встань, сказалъ мнѣ отецъ, ѣшь, пей да благослови Господа Бога, ибо Онъ послалъ это тебѣ въ доказательство, что предпринятая тобою цѣль угодна Ему. Сказавъ это, отецъ изчезъ. Я закричалъ: отецъ! отецъ! не оставляй меня! Я бросился бѣжать за нимъ; но меня схватили чьи то руки и я—проснулся.

Это были руки маменьки, сидѣвшей возлѣ меня. Погруженная въ глубокія думы, она совершенно забыла обо мнѣ, но крикъ мой ее привелъ въ себя, и она удержала меня отъ попытки упасть съ кровати. Что съ тобой? спросила она, отъ чего ты кричишь? Она не дослышала словъ моихъ, и я былъ очень радъ этому случаю. Я не хотѣлъ сообщить ей этого фантастическаго сна, который повсей вѣроятности, крайне растревожилъ бы ее; и до сихъ поръ этотъ сонъ остался для нея неизвѣстнымъ. Послѣ того какъ видимо успокоила меня, маменька поспѣшила ко мнѣ слѣдующими словами:

Любезный мой Леонъ! мы разстаемся на долго, а можетъ быть и на всегда, не забудь же что я скажу тебѣ. Ты ѣдешь къ дядѣ т. е. къ близкому родному, но все таки не къ родителямъ. Никто не можетъ быть тебѣ такъ близокъ какъ я, никто не можетъ такъ искренно сочувствовать твоимъ нуждамъ и удовлетворять имъ какъ я до сихъ поръ сочувствовала и удовлетворяла, никто, конечно, не будетъ заботиться о тебѣ такъ какъ мать. Я тебѣ говорю это для того, чтобы ты не придавалъ особеннаго значенія разнымъ мнѣніямъ, огорченіямъ и дрязгамъ и чтобы ты переносилъ ихъ, какъ самую обыденную вещь. Особенно ты долженъ стараться какъ можно держать себя скромнѣе и не позволять себѣ такихъ вещей, которыя будутъ позволять себѣ дѣти твоего дяди. На дурныя выходки дѣтей, глупыя родители смотрятъ иногда съ радостью какъ на проявленія ихъ развитія, но если онѣ будутъ исходить отъ тебя, то почтутся преступленіями.

По окончаніи этой рѣчи маменька быстро встала съ кровати, подошла къ письменному столику папаши, до котораго она никогда насъ не допускала, и вынула изъ одного ящика запечатанный пакетъ. Вотъ, сказала она, наслѣдство отъ твоего

покойнаго отца и это наслѣдство принадлежитъ только тебѣ; до сихъ поръ никто кромѣ меня незналъ объ этомъ драгоцѣнномъ наслѣдствѣ. Она распечатала пакетъ и въ ея рукахъ очутилась небольшая тетрадка оправленная въ пергаментъ. Эту тетрадку, сказала она, писалъ твой отецъ во время своей болѣзни и писалъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, именно для тебя. Что и очемъ говорится въ ней, я сама не знаю. Почти предъ самою смерью онъ просилъ меня передать ее тебѣ и именно въ тотъ день, когда оставишь нашъ домъ. Но знай сынъ мой, что она писана не для твоего настоящаго возраста, а для будущаго, только на семнадц томъ году жизни имѣешь ты право прочитать ее, не раньше. Если обѣщаешь, что не будешъ читать до того времени, то я ее тебѣ отдамъ, если же чувствуешь, что не будешь въ состояніи переодолѣть свое любопытство, то лучше оставь эту тетрадку у меня, и, если доживу до того времени, то сама тебѣ вручу, въ противномъ же случаѣ ты найдешъ ее у здѣшняго раввина. Я, разумѣется, далъ ей самое задушевное обѣщаніе и даже поклялсі своею жизнью, что не дотронусь до тетрадки до того времени. Тогда маменька взяла иголку и ниточку и пришила къ двумъ концамъ пергаменнаго мѣшечка крѣпкій шнурокъ и надѣла мнѣ его на шею. Храни это сокровище, какъ жизнь свою, прибавила она при этомъ.

Насталъ послѣдній часъ разлуки. Балагула пріѣхалъ и сталъ торопить насъ къ отъѣзду. Взявъ меня за руку, маменька повела меня поочередно ко всѣмъ дверямъ, занимаемой нами квартиры и заставила меня цѣловать по три раза священный свитокъ прибитый къ косякамъ (Мезуза), повторяя со мною при каждомъ поцѣлуѣ коротенькую молитву, „да будетъ исходъ твой миренъ“. Потомъ подвела меня къ портрету отца, висѣвшему надъ его письменнымъ столикомъ и также велѣла мнѣ поцѣловаль его три раза. Всмотрись хорошенько, сказала она, въ портретъ твоего покойнаго отца, человѣка честнаго, равно уважаемаго и любимаго и евреями и не евреями: старайся чтобъ тебя также всѣ любили, помни его послѣднія слова къ тебѣ: „люби всѣхъ людей“. Холодъ прошелъ по всему моему тѣлу и я еще разъ бросился къ образу отца и осыпалъ его безчисленными поцѣлуями. Да и послѣ моей смерти буду помнить тебя, папаша, вскричалъ я, и потокъ слезъ полился из

портрету..... Маменька также дала свободу своимъ слезамъ, но балагула не далъ намъ вдоволь наплакаться, онъ угрожалъ оставить меня дома, если будемъ медлить. Не плачьте же, сказалъ онъ маменькѣ въ утѣшеніе, онъ не пропадетъ, онъ славный молодецъ, онъ между чужими скорѣе сдѣлается человѣкомъ и возвратится на счастье всей вашей фамиліи. Онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ дому. Маменька хотѣла провести меня не много, но вновь прибывшіе родные наши недопустили ее. Меня помѣстили въ фургонѣ, сопровождая тысячами благословеніями. Я сказалъ послѣднее прости, и прощай роодительскій домъ!....

V.

Три недѣли я маялся въ дорогѣ. Тощія балагулскія лошади, получавшія на пропитаніе ни болѣе ни менѣе какъ по одной вязанкѣ сѣна въ день и отъ роду не видавшія овса, еле еле двигались по ухабистымъ дорогамъ Жмуди и при каждомъ удобномъ случаѣ вовсе отказывались служить своему бѣдному принципалу, не смотря на частыя увѣщеванія и напоминанія посредствомъ кнута объ ихъ обязательной службѣ. Деспотическое, безконтрольное распоряженіе балагулы съ своими лошадьми производило на меня самое дурное впечатлѣніе и наводило на меня самыя дурныя мысли; я считалъ балагулу страшнымъ разбойникомъ, мнѣ казалось, что онъ бьетъ лошадей своихъ не потому что они лѣнивы, а потому только что онъ долженъ бить кого нибудь, и, еслибъ у него небыло лошадей, то навѣрное билъ бы людей, и, потому я всячески избѣгалъ его и, закутываясь въ свой халатъ, замѣнявшій мнѣ шубу, я всю дорогу считалъ каждую минуту, каждую секунду, которыя казались мнѣ тогда необыкновенно длинными Прибылъ я въ Р., мѣсто жительста дяди, въ пятницу. Дядя очень обрадовался моему пріѣзду; онъ созвалъ всѣхъ дѣтей своихъ и, отрекомендовавъ насъ другъ другу, велѣлъ имъ здороваться со мною. Это сынъ моего брата, сказалъ онъ имъ; онъ добрый и умный мальчикъ, какъ мнѣ говорили, и потому не спорьте съ нимъ никогда, а живите по братски, какъ подобаетъ добрымъ дѣтямъ добрыхъ родителей. Дѣти, дѣйствительно, были добрыя и скоро мы такъ сдружились, что другъ въ другѣ души не чуяли.

Передъ закатомъ солнца, старшая дочь дяди, прекрасная черноокая Бэлла объявила намъ, что настаетъ суббота и велѣла намъ умыться, причесаться, дабы мы могли пойдти съ отцомъ въ синагогу *на встрѣчу субботѣ*. Сама Белла была уже убрана по субботнему: два черныхъ локона какъ двѣ змѣи, колебались на полной груди ея, большія бриліантовыя серги красовались въ ея ушахъ, по всему видно было что она очень довольна наступающимъ праздникомъ. Мы послѣдовали ея совѣту и также надлежащимъ образомъ приготовились къ субботѣ. Возвратившись изъ синагоги домой и *пожелавъ другъ другу доброй субботы*, дядя запѣлъ молитву *„миръ на васъ“* и дѣти обоего пола, не ожидая ничьего приказанія, какъ по заведенной пружинѣ машинально стали акомпанировать ему. Дядя заткнувши обѣ руки за широкій шелковый поясъ, обхватывавшій весь его не гибкій станъ, шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и первый, своимъ громкимъ басомъ, начиналъ каждый стихъ, а дѣти, изъ застола, каждый своимъ дискантомъ, подтягивали ему. Въ этомъ хорѣ участвовали всѣ въ домѣ, не исключая даже и дядиной жены и красивой Беллы, было одно только исключеніе, и его составилъ я. Замѣтивъ, что пѣніе идетъ обычнымъ порядкомъ, дядя который, по всей вѣроятности, разсчитывалъ на увеличеніе хороваго комплекта голосомъ своего гостя, приблизился ко мнѣ и наостривъ уши, перешелъ отъ forte къ piano и спустился наконецъ до pianissime; но скоро опять перешелъ къ forte и окончилъ пѣсню «миръ на васъ» fortissme. Все это старался онъ обдѣлать такъ искусно, какъ самый лучшій артистъ Обстановка всей комнаты, въ которой все глядѣло праздникомъ, какъ бы сама собою приглашала къ пѣнію, и мнѣ стало досадно, почему я дома не чувствовалъ этой потребности и неучился этому искусству. Вся комната была полна яркаго свѣта отъ стеариновыхъ свѣчей, стоявшихъ по три въ каждомъ канделябрѣ передъ огромными зеркалами, а пріятная теплота какъ бы струями разливалась по всѣмъ уголкамъ ея. На большомъ кругломъ столѣ, стоявшемъ передъ краснымъ диваномъ, покрытомъ бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью голландскаго издѣлія, стояли на одной сторонѣ серебряные подсвѣчники, очищенные въ честь субботы заботливою рукою богобоязненной Беллы, а съ другой стороны красовались два большихъ пирога, такъ называе-

ныхъ „халотъ“, для приготовленія которыхъ служанка противъ обыкновенія вставала въ тотъ день въ 5 часовъ утра и надъ которыми лежала изъ красной матеріи маленькая скатерть съ напечатанными на ней благословеніями, которыя евреи произносятъ надъ этими непремѣнными субботними пирогами. Все это вмѣстѣ взятое носило на себѣ, какъ я уже говорилъ, какую то торжественность и какъ нельзя лучше гармонировало съ пѣніемъ домашняго хора и могло поразить хоть кого; меня тоже проникла благоговѣйная дрожь при видѣ такого до селѣ не виданнаго мною зрѣлища. Не будучи въ состояніи соучаствовать въ немъ, я чувствовалъ себя одинокимъ, изолированнымъ среди своихъ.

Во время антрактовъ ужина, т. е. въ минуты промежутка между однимъ и другимъ блюдомъ, дядя или пѣлъ, съ аккомпаниментомъ, разумѣется всего домашняго хора, разныя пѣсни, сочиненныя въ древнее время на этотъ вечеръ извѣстными и неизвѣстными еврейскими поэтами, или разсуждалъ и горячо спорилъ съ дѣтьми о толкованіяхъ заслуженныхъ талмудистовъ разныхъ трактатовъ талмуда. Всѣ сидѣвшіе за столомъ, особенно жена дяди, просто таяли отъ радости, внимая восторженнымъ разсужденіямъ и спорамъ горячимъ; только, опять, я одинъ сидѣлъ какъ на раскаленныхъ угольяхъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца ужина. Всѣ толки и споры были для меня terra incognita, мнѣ даже казалось, что они говорятъ на какомъ-то не понятномъ для меня языкѣ. Уже въ тотъ вечеръ я успѣлъ догадаться, что я попалъ не къ своимъ, что мнѣ придется многое многое перетерпѣвать прежде чѣмъ я свыкнусь съ этими новыми порядками и обычаями, какъ предсказывала мнѣ добрая мамаша. Какъ я ни старался прикидываться членомъ семейства и казаться довольнымъ пріятнымъ вечеромъ, дядя по крайнѣй мѣрѣ, если и не всѣ прочіе, замѣтилъ мое неловкое положеніе и, кажется, сожалѣлъ обо мнѣ.

На слѣдующій день т. е. въ субботу послѣ обѣда, на которомъ повторилось все то, что происходило вчера во время ужина, когда всѣ въ домѣ бросились, *по обычаю* въ объятія Морфея, дядя, отдыхавшій на диванѣ, призвалъ меня къ себѣ и сталъ распрашивать меня, чему меня учили дома. Я отвѣчалъ ему, что я учился библіи, что я знаю даже много главъ наизусть, что учился грамматикѣ древне еврейскаго языка и что

кромѣ того, знаю ариѳметику и немного изъ географіи и читаю и пишу по нѣмецки и по польски. „А Гемарѣ (талмудъ) ты вовсе не учился? Я отвѣчалъ что не учился. Тогда дядя громко вздохнувъ сказалъ: «знай, мой любезный сынъ, что тебя дома ничему не учили, или еще хуже, тебя дома учили такимъ предметамъ, о существованіи которыхъ не слѣдовалобы тебѣ знать вовсе; поэтому тебѣ здѣсь предстоитъ много работы; тебѣ надобно учиться Гемарѣ. Слышалъ ли ты, продолжалъ онъ, какъ вчера вечеромъ и сегодня во время обѣда отвѣчали мои сыновья изъ Гемары? а они не многимъ старше тебя; и ты могъ бы, конечно, знать все это, еслибъ тебя только учили тому, чему обучаютъ всѣхъ еврейскихъ мальчиковъ, ты, разумѣется, ни сколько не виноватъ въ своемъ незнаніи—а виноваты другіе. Но прошедшаго не воротишь; отнынѣ, я говорю, ты долженъ знать, что тебѣ нужно учиться Гемарѣ, и только Гемарѣ, и стараться при этомъ забыть совершенно все то, чѣмъ набили твою голову до сихъ поръ. Если послѣдуешь моему совѣту, тебѣ будетъ хорошо на этомъ и на томъ свѣтѣ, твой отецъ будтъ радоваться твоими успѣхами въ талмудѣ и плоды твоихъ успѣховъ будешь пожинать въ скоромъ времени: когда тебѣ будетъ лѣтъ шестнадцать или семьнадцать; тебѣ дадутъ, за твое знаніе талмуда, хорошую невѣсту съ большимъ приданымъ, тебя всѣ будутъ уважать, любить и *припоминать твоего отца добромъ* за то, что оставилъ сына свѣдущаго въ Гемарѣ. И такъ я узналъ тогда отъ дяди, что все то, что я зналъ, равняется нулю, но я не повѣрилъ его словамъ, я еще хорошо помнилъ слова отца своего, что знаніе языковъ, ариѳметики и т. п. есть весьма полезное знаніе и что библія и грамматика древне еврейскаго языка необходимы для каждаго еврея, о Гемарѣ же отецъ никогда мнѣ не говорилъ; но я счелъ долгомъ промолчать и показалъ видъ, будто я согласенъ съ его мнѣніемъ, чѣмъ онъ остался очень доволенъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Л. Пахманъ.

ПАПА И СОБОРЪ.

I. Папская Непогрѣшимость.

*(Продолженіе *).*

Всѣ синоды, которые церковь почитала вселенскими, и которыхъ опредѣленія считались выраженіемъ ученія вселенской церкви, въ первыя десять столѣтій были созываемы на востокѣ,—нпр. соборы никейскій, ефесскій, халкидонскій, константинопольскій. Никогда папы, въ продолженіи всего этого времени, не пытались собрать около себя великій синодъ изъ епископовъ многихъ странъ. 10-е и 11-е столѣтія прошли также безъ соборовъ.

Въ 1123 году, по окончаніи спора изъ—за инвеституры и такъ сказать для того, чтобы положить печать на великую побѣду новой григоріанской системы, Каллистъ II собралъ многочисленный синодъ, на которомъ (что особенно замѣчательно), было вдвое болѣе аббатовъ, чѣмъ епископовъ,—именно первыхъ 600, вторыхъ 300. Никто изъ современниковъ не говоритъ ничего объ этомъ соборѣ, названномъ вселенскимъ; онъ прошелъ незамѣтно и безслѣдно. Папа обнародовалъ на немъ нѣкоторые законы на вопросы второстепенной важности, противъ симоніи, брака священниковъ и о мирѣ съ Богомъ; о разсужденіяхъ епископовъ нѣтъ ни слова. И это былъ первый примѣръ собора, называемаго вселенскимъ, на которомъ не отцы собора, какъ было 1000 лѣтъ предъ симъ, а папа, отъ своего имени, издавалъ законы. Шестнадцать лѣтъ спустя Иннокентій II собралъ второй вселенскій соборъ, опять таки въ Римѣ. Но и здѣсь епископы должны были только выслушать папскія приказанія, и быть пассивными свидѣтелями, какъ папа, съ бранными словами, вырывалъ изъ рукъ жезлы и срывалъ съ плечь палліумы у тѣхъ прелатовъ, которые были посвящены его соперникомъ Пьерлеоне. Важнѣе по своимъ послѣдствіямъ былъ третій (западный вселенскій соборъ, который былъ созванъ въ Римѣ Александромъ III въ 1179 г. На этомъ соборѣ было 3 засѣданія и папа, какъ будто съ „согласія синода“ обнародо-

---

*) См. „Вѣстн. Зап. Россіи. кн. 5.

валъ 27 кановов. Что міръ смотрѣлъ на всѣ эти синоды, какъ только на приготовленія къ торжественному обнародованію папскихъ повелѣній, это видно изъ словъ императора, который третій латеранскій соборъ прямо назвалъ *„соборомъ верховнаго первосвященника“*.

Свободное обсужденіе предметовъ епископами, предъ лицемъ Иннокентія III, который созвалъ четвертый латеранскій синодъ (1215) изъ 453 отцевъ, было не мыслимо. Съ точки зрѣнія, принятой папами, дѣятельность собираемыхъ на синодъ епископовъ, должна ограничиваться слѣдующимъ: они должны были сообщать папѣ о состояніи ихъ діоцезовъ, давать совѣты и присутствовать при обнародованіи папскихъ повелѣній. Соборъ Иннокентія III, по числу присутствовавшихъ на немъ епископовъ и даже посланниковъ нѣкоторыхъ монарховъ, былъ самый многочисленный, который когда либо видѣли на западѣ. Папа приказалъ прочитать епископамъ свои декреты,—что они молча выслушали и потомъ согласились. Когда они хотѣли возвратиться домой, папа приказалъ имъ заплатить ему огромную сумму денегъ, которую они, за большіе проценты, должны были занять у маклеровъ папской куріи. Единственное, достойное упоминанія, дѣло перваго ліонскаго собора (1245 г.) было отрѣшеніе императора Фридриха II, которое Иннокентій IV совершилъ съ 144 епископами, прибывшими большею частію изъ Испаніи и Франціи.

Въ этихъ столь важныхъ обстоятельствахъ для Германіи и Италіи, представители той и другой страны были вовсе не допускаемы на соборъ. Соборы по преимуществу, составлялись изъ прелатовъ другихъ націй; эти-то иностранные прелаты и поддерживали папу въ его поведеніи и позволяли себѣ вмѣшиваться въ судьбы Италіи и Германіи. Право отрѣшать императоровъ доказывалось слѣдующими баснями, будто папа Иннокентій отлучилъ отъ церкви императора Аркадія, а папа Анастасій не только отлучилъ отъ церкви императора Анастасія, но и лишилъ его царства. Если теперь папы поступали так. обр. съ греческими императорами, то почему они не могли того же сдѣлать съ нѣмецкими императорами и королями? Епископы и аббаты должны были высылать папѣ, для его

борьбы съ императоромъ, огромныя суммы денегъ, и чрезъ то обременять свои церкви и монастыри долгами.

Второй ліонскій соборъ (или 6-й западный вселенскій), бывшій въ 1274 году, состоялъ изъ 500 епископовъ и изъ двое большаго числа аббатовъ. Этотъ соборъ былъ созванъ Григоріемъ IX, лучшимъ изъ папъ того времени, который охотно исправилъ-бы все то, что было испорчено политикою его предшественниковъ,—но онъ не осмѣлился возстановить древнюю соборную форму, какъ она ни казалась необходимою для преобразованія запустѣвшей и испорченной церкви. Союзъ съ церковію греческою былъ заключенъ только формально безъ всякаго совѣщанія, и потому вскорѣ же и распался. Неизвѣстно даже какія декреты были объявлены папою на этомъ соборѣ. Ибо правила, которыя находятся въ папской книгѣ подъ заглавіемъ „*Григорій IX на ліонскомъ соборѣ*“, были обнародованы частію во время, частію послѣ синода.

Единственный плодъ, который принесъ соборъ вьенскій (1311 г.), это было уничтоженіе ордена храмовниковъ. Какъ только папа замѣтилъ, что большинство епископовъ расположено къ ордену, онъ, на третьемъ и послѣднемъ засѣданіи объявилъ чрезъ своего клирика: если кто изъ епископовъ, безъ особенно папскаго приглашенія, скажетъ хоть одно слово, то его постигнетъ великое церковное отлученіе; за симъ онъ обнародывалъ: «хотя по суду онъ и не могъ бы уничтожить ордена,—но уничтожаетъ его въ силу своей власти“. Климентъ былъ здѣсь только орудіемъ французскаго короля, въ угоду которому онъ разослалъ повсюду своихъ инквизиторовъ, чтобы тѣ посредствомъ пытокъ вынудили признаніе у несчастныхъ храмовниковъ. Климентъ достигъ чрезъ это только того, что король дозволилъ ему прекратить процессъ противъ его предшественника Бонифація VIII,—такъ какъ этотъ процессъ былъ источникомъ безпокойства и заботъ, стыда и уничиженія для Климента и для папства вообще. Потому что если бы послѣдовало осужденіе Бонифація, обвиняемаго королемъ Филиппомъ въ ереси и невѣріи, то это произвело бы уничтоженіе дѣйствій этого папы и всеобщее смятеніе въ церкви.

Вьенское собраніе даже нельзя назвать соборомъ, говоритъ современникъ Вальтеръ-фонъ-Гемингбургъ, потому что папа все

дѣлалъ по своей волѣ, а соборъ ни отвѣчалъ, ни одобрялъ. Большаго рабства епископовъ и уничиженія достоинства соборовъ не могло и быть.

Послѣ того какъ послѣдній нѣмецкій императоръ былъ лишенъ престола (1245 г.), папство сдѣлалось добычею изъ-за которой спорили итальянцы и французы. Въ долгой борьбѣ папъ и анти-папъ ихъ прежнее оружіе, при помощи котораго папство одерживало побѣды, притупилось: На синодѣ флорентинскомъ (1439) была допущена древняя форма церковныхъ синодовъ т. е. свободное и непринужденное совѣщаніе епископовъ, и нужно было отказаться отъ одного простаго обнародованія папскихъ декретовъ, заготовленныхъ куріею.

Однакожь скоро опять настали для куріи лучшіе дни. Юлій II началъ, Левъ X окончилъ пятый латеранскій соборъ (1512—1517), на которомъ присутствовало 53 итальянскихъ епископа и нѣсколько кардиналовъ. Было-бы стыдомъ ставить подобное собраніе на одну линію съ соборами: никейскимъ, халкидонскимъ, константинопольскимъ, и это тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству одного тогдашняго прелата, изъ 200 епископовъ Италіи нельзя было найти четырехъ годныхъ человѣкъ. Юлій самъ показалъ, за что онъ почиталъ зтотъ соборъ, когда на третьемъ его засѣданіи онъ велѣлъ прочитать свой декретъ, по которому ярмарка, бывшая прежде въ Ліонѣ, переносилась въ Женеву. Пріоръ Киліанъ-Лейбъ-Ребдорфскій удивляется въ своихъ лѣтописяхъ, какъ могли назвать вселенскимъ собор омъ такое собраніе, на которомъ, кромѣ папской челяди, почти никто не присутствовалъ, и ничего дѣльнаго не было рѣшено. Однакожь объявленные папою декреты были не безъ значенія. Особенно это нужно сказать объ одномъ изъ этихъ декретовъ, который, по своей важности и значенію, превзошелъ всѣ прежнія узаконенія римскихъ синодовъ, а именно: папа имѣетъ-де полный авторитетъ и неограниченную власть надъ соборами; онъ можетъ ихъ, по своему усмотрѣнію, созывать, переводить и распускать". Папская булла приводитъ въ доказательство этого такія свидѣтельства, которыя всѣ или вымышлены или искажены и не имѣютъ никакого значенія. Древнѣйшіе и позднѣйшіе вымыслы, заимствованные частію изъ Псевдо-Исидора будто бы утверждаютъ, что древніе соборы находились въ со-

вершенной зависимости отъ папъ, и что уже 1-й вселенскій соборъ просилъ папу объ утвержденіи своихъ рѣшеній и. т. д.

Можетъ показаться страннымъ, что съ того времени, какъ образовалась въ Римѣ новая система церковнаго управленія и соборы, большею частію, потеряли свое значеніе, папы не думали объ устройствѣ въ Римѣ богословскаго училища. Глубокое невѣжество римскаго клира и его неспособность къ сужденію о предметахъ богословскихъ вошли въ пословицу. Уже въ концѣ 7-го столѣтія папа Агаѳонъ смиренно сознавался Грекамъ: „Трудно найти правильное пониманіе свящ. Писанія въ римскомъ клирѣ, потому что онъ, трудами собственныхъ рукъ, обязанъ снискивать себѣ пропитаніе;—онъ содержитъ въ простотѣ только то, что ему передано древними Соборами и папами". Съ подобною же скромностію, какъ и папа Агаѳонъ, высказался о римскомъ клирѣ, спустя 50 лѣтъ и Григоій II. Въ 10 столѣтіи Отто-фонъ-Ферцелли и Гербертъ, въ 11-мъ Бонидо сильно нападали на богословское невѣжество римскаго духовенства. Со времени Граціана начали изучать законовѣдѣніе. Дѣло шло не въ изъясненія св. писанія, не въ изслѣдованіи преданія и ученія отецъ, которые могли бы привести къ важнымъ выводамъ, опаснымъ открытіямъ и показали бы противорѣчіе между древнимъ правомъ церкви и новымъ; но занимались изученіемъ Граціана, декреталовъ, римскаго права. Поэтому Иннокентій IV основалъ въ Римѣ училище правовѣдѣнія, а изученіе богословія предоставилъ дальнему Парижу. Между кардиналами было почти всегда двадцать юристовъ на одного богослова. При этомъ римская курія была чисто итальянскою,—а Италія была чисто римскою. Хотя въ началѣ 13 столѣтія, во всей Италіи и обнаружилось рвеніе къ устройству университетовъ, однакожь имѣлось въ виду при этомъ изученіе не богословія, а медицины и законовѣдѣнія. Итальянцы предоставили изученіе богословія Французамъ, нѣмцамъ и Англичанамъ,—такъ что ихъ собственные дѣти, если хотѣли посвятить себя этому роду науки, то отправлялись въ чужіе края. Данте сказалъ о своихъ соотечественникахъ, что они изучаютъ декреталы и оставляютъ безъ вниманія евангелія и святоотеческія творенія. Римскій клиръ заботился чрезвычайно мало о распространеніи между итальянцами богословскаго образованія. Отъ вліянія чрезъ

распространеніе просвѣщенія папы отказались тѣмъ легче, что они имѣли въ своемъ распоряженіи другія средства дѣятельности. Они имѣли новые духовныя ордена доминиканцевъ и миноритовъ, которые, находясь подъ строгимъ присмотромъ ихъ римскихъ генераловъ и привыкши соединять интересы ихъ ордена съ интересами куріи, предоставляли всѣ ручательства къ тому, что они устранили бы все то, что могло казаться сомнительнымъ для утвержденія новой римской системы. Изъ нѣдръ этихъ орденовъ, особенно изъ среды доминиканцевъ, курія брала своихъ оффиціальныхъ богослововъ (нужно же было ей имѣть хоть одного) какъ нпр. магистра Санкти Палатіи.

Рожеръ Баконъ и современники утверждаютъ, что не богословіе, а законовѣдѣніе считалось вѣрнымъ путемъ къ церковнымъ должностямъ и доходнымъ мѣстамъ. Ибо богословіе въ рукахъ школы Анзельма кантербурійскаго; Абайларда, Бернгарда, Роберта Пуллуса и прочихъ схоластиковъ до Ѳомы Аквината ничего не сдѣлало для основанія григоріанской системы и утвержденія всемірнаго господства папъ. Нигдѣ, въ сочиненіяхъ этихъ богослововъ, не находится разъясненіе ученія о церковномъ авторитетѣ на основаніи папской системы. Только переговоры (Verhanlungen) съ греками прежде и послѣ ліонскаго собора (1274) и вновь открытыя мнимыя свидѣтельства греческихъ отцевъ и соборовъ, равно какъ собраніе декреталовъ Григорія IX ввели эту систему въ богословіе. Юристы были первыми, которые унизили ихъ науку и сдѣлали ее орудіемъ лести; и только съ конца 13 столѣтія имъ послѣдовали въ этомъ отношеніи и богословы. Богословы этого направленія принадлежали, большею частію, къ нищенствующимъ орденамъ, и по причинѣ дарованныхъ имъ привиллегій, необходимо должны были заботиться скорѣе о возвышеніи, чѣмъ уменьшеніи папской власти, да если бы они и захотѣли писать иначе, то навѣрно скоро увидѣли бы себя въ темницѣ ихъ монастыря. Только мужи чрезвычайнаго и исключительнаго положенія, каковы Оккамъ и др. Спиритуалы могли уклониться отъ этого направленія,—но и они (какъ нпр. Марсиліо изъ Падуи), не могли найти въ гущѣ подлоговъ и вымысловъ ни стези ни дороги.

Изъ испорченнаго и обращеннаго въ орудіе духовнаго деспотизма церковнаго права и папства производили вообще бѣд-

ствіе, глубокое нравственно-религіозное паденіе западнаго христіанства. Изъ этихъ двухъ вмѣстѣ-текущихъ истониковъ (оба они были до 1305 г. происхожденія итальянскаго и одинъ служилъ другому), былъ отравленъ весь міръ.

Юристы, говоритъ Рожеръ Баконъ, управляютъ теперь церковію, и мучатъ и смущаютъ христіанъ долгими процессами. И дѣйствительно, могущественные папы, какъ Иннокентій III и IV, Климентъ IV и Бонифацій VIII, достигшіе господства надъ цѣлымъ міромъ, были юристы. Церковное право, по Бакону, должно было-бы опять сдѣлаться богословскимъ (библейскимъ), иначе нѣтъ спасенія. Подобно Данту, онъ видѣлъ источникъ развращенія и порчи въ папскихъ декреталіяхъ и въ томъ преимуществѣ, которое дали имъ предъ св. Писаніемъ.

Видно, что Баконъ имѣлъ глубокій взглядъ на скрытую для многихъ причину развращенія, но и этотъ замѣчательный человѣкъ имѣлъ только предчувствіе (Ahnung) а не ясное знаніе, которое въ то время, по причинѣ недостаточныхъ историческихъ свѣдѣній и критической разработки, было невозможно. Но Баконъ вѣровалъ, а съ нимъ надѣялись и многіе, что предстоитъ близкое очищеніе (Reinigung) церкви, которое совершится чрезъ одного богобоязненнаго папу и, можетъ быть, чрезъ одного добраго императора,—и что это очищеніе церкви будетъ состоять, существеннымъ образомъ, въ преобразованіи церковнаго права.

Коллегія кардиналовъ и курія—вотъ тѣ главныя учрежденія новаго папства, которыя налагали оковы на самихъ папъ и заставляли ихъ служить своимъ интересамъ. Какъ только совершился разрывъ папства съ древле-церковнымъ учрежденіемъ и законодательствомъ, образовалась коллегія или сенатъ кардиналовъ, которымъ съ 1059 года предоставленъ выборъ новаго папы. Чрезъ легатства и участіе въ управленіи сдѣлавшейся безграничною папской власти, кардиналы достигли того, что стали смотрѣть свысока даже на епископовъ, которые въ 11 столѣтіи еще первенствовали предъ ними на соборахъ. Въ самомъ началѣ (1054), когда новая папская система только что зарождалась, кардиналы уже требовали себѣ преимущества предъ архіепископами, но эти послѣдніе еще въ 1196 году считались выше ихъ. Только на синодѣ ліонскомъ (1245 г.) было опредѣлено и никѣмъ болѣе неоспариваемо преиму-

щество кардиналовъ, даже кардиналовъ-пресвитеровъ и дьяконовъ, предъ епископами христіанскаго міра. Мало по-малу дошло до того, что епископы не иначе могли говорить съ кардиналами, какъ стоя на колѣнахъ, и кардиналы обращались съ ними, какъ съ слугами.

Не безъ намѣренія Анзельмъ, Григорій и Граціанъ приняли въ ихъ уложенія извѣстныя мѣста изъ Іеронима, въ которыхъ утверждается первоначальное равенство епископовъ съ пресвитерами, и преимущество епископовъ ограничивается только однимъ обыкновеннымъ правомъ. Близорукіе строители папской системы не замѣтили, что этимъ они положили сѣкиру у корня римскаго приматства. Они заботились только о томъ, чтобы доставить преимущество кардиналамъ, проложить дорогу господству куріи и на развалинахъ епископской системы основать систему папскую. Такъ какъ уложеніе Граціана считалось единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпали представленіе о церкви и іерархіи, то въ концѣ тринадцатаго столѣтія епископы были уже доведены до того, что домогались сдѣлаться кардиналъ-пресвитерами; и на такое разжалованіе изъ епископовъ въ пресвитеры, которое въ первенствующей церкви считалось-бы чудовищнымъ, смотрѣли, какъ на повышеніе. Въ цвѣтущее время привиллегій, ниспроверженія всѣхъ древнихъ церковныхъ законовъ, когда установленное управленіе церковными приходами было потрясено нищенствующими и странствующими монахами, — такое разжалованіе изъ епископовъ въ пресвитеры принадлежало къ системѣ.

Долго въ римской церкви колебались вѣсы между преобладаніемъ кардиналовъ и папскимъ абсолютизмомъ. Были папы, которые, не смотря на противодѣйствіе итальянскихъ кардиналовъ, слѣдовали своей французской политикѣ, каковы нпр. Мартинъ IV и Климентъ V; были и такіе папы, съ которыми кардиналы едва осмѣливались говорить или поднять на нихъ глаза, каковы Бонифацій VIII и Павелъ IV; а нѣкоторые изъ папъ предавали даже смерти кардиналовъ, какъ это дѣлали Урбанъ VI, Александръ VI и Левъ X. Но обыкновенно коллегія кардиналовъ, которой папа былъ обязанъ своимъ избраніемъ и въ которой сохранялись интересы и преданія папства, была управляющею властію. Она бодрствовала надъ тѣмъ,

чтобы папа ничего не уступалъ изъ пріобрѣтенныхъ правъ и принятыхъ принциповъ, — и принимала дѣялельное участіе въ управленіи; она заботилась о томъ, чтобы папа во многихъ случаяхъ былъ только исполнителемъ ея воли и ея рѣшеній. Искуство позднѣйшихъ и настоящихъ папъ управлять всѣми дѣлами чрезъ привлеченіе къ себѣ двухъ или трехъ одинаково (съ папою) мыслящихъ кардиналовъ и чрезъ воспрепятствованіе коллегіи держать свои собранія,—это искуство исполнялось развѣ только при Мартинѣ IV. Но Бонифацій VIII, Климентъ V, Іоаннъ XXII и папы съ средины 17 столѣтія всѣ пользовались этого хитростію и пользовались тѣмъ вѣрнѣе, что они имѣли въ своихъ рукахъ огромное большинство кардиналовъ чрезъ раздачу имъ прибыльныхъ и доходныхъ мѣстъ.

Борьба между олигархіей и абсолютизмомъ папъ продолжалась цѣлыхъ два столѣтія. Кардиналы хотя и дозволяли папѣ, относительно помѣстныхъ церквей, управлять съ неограниченною властію, но пытались стѣснить его, при избраніи, капитуляціями и требованіями, чтобы онъ управлялъ съ ними во имя куріи. Иннокентій VI уже въ 1353 году отвергъ такія капитуляціи, потому что папская власть, какъ данная Богомъ, не можетъ-де быть ограничена. Однакожъ опытъ съ капитуляціями повторился вновь. Новоизбранному, прежде его посвященія, предлагали въ конклавѣ цѣлый рядъ статей, въ соблюденіи коихъ онъ долженъ былъ клясться. Этими статьями имѣлось въ виду положить предѣлъ папской расточительности и насилію; затѣмъ выговорить безсмѣнность кардиналовъ и ихъ участіе при раздѣленіи доходовъ. Евгеній IV утвердилъ эти статьи, вовсе не думая связывать себя ими на дѣлѣ. Подобную же клятву далъ и Пій II: именно, онъ клялся преобразовать римскую курію, (что было тогда крайнею необходимостію) и держать въ тайнѣ тѣ капитуляціи, которыя, сами по себѣ, уже представляли мрачную картину дурнаго управленія церковію. Однакожъ Пій II поступилъ съ данною имъ клятвою такъ же своевольно, какъ и его предшественники. Такъ что къ тяжкимъ обвиненіямъ противъ папъ того времени, присоединилось обвиненіе ихъ и въ клятвопреступленіи. Не смотря на это, клятва, которую Павелъ II (въ 1464 г.) долженъ былъ дать въ конклавѣ, была распространена на многіе другіе предметы.

Онъ обязывался каждый мѣсяцъ, публично, заставлять прочитывать себѣ тѣ статьи, въ исполненіи которыхъ клялся,—и дозволить кардиналамъ дважды въ годъ собираться для обсужденія: хорошо ли папа держалъ свою клятву. Вскорѣ Павелъ нашелъ (да и льстецы говорили ему), что его папская свобода слишкомъ стѣснена; поэтому онъ принудилъ или уговорилъ кардиналовъ подписать, не читавши, новую совершенно измѣненную капитуляцію. Убѣжавшаго было изъ комнаты Виссаріона онъ вернулъ назадъ и, угрозою отлученія отъ церкви, принудилъ и его подписать. За это онъ далъ кардиналамъ новое головное украшеніе, шелковую шапочку съ краснымъ капишономъ, которую прежде носили только папы. Это обстоятельство не удержало однакожь кардиналовъ, по смерти Сикста IV, начертать новую капитуляцію, въ исполненіи которой долженъ былъ клясться новый папа. Иннокентій VIII поклялся, да потомъ и нарушилъ. Съ Юліемъ II (1503) случилось тоже самое. Папы клялись собрать, въ самомъ скоромъ времени, вселенскій соборъ и не исполнили обѣщанія. Такъ, впродолженіе почти столѣтія, длилась борьба между кардиналами, домогавшимися своихъ выгодъ и большаго участія въ церковномъ управленіи, и папами, которые не хотѣли ограничить себя въ пользованіи своею деспотическою властію. Наконецъ побѣда осталась за папами. Въ теченіе 16 столѣтія кардиналы опять потеряли свои прежніе права и сдѣлались простыми совѣтниками. Отъ папы теперь зависѣло спросить у нихъ совѣта или нѣтъ, но уже ихъ мнѣніе не было для него обязательнымъ.

Папы, которые со времени Григорія VII, были такъ изобрѣтательны на разныя формы клятвъ, которыми они смущали совѣсть людей и все покоряли своей власти,—теперь сами постоянно нарушали клятвы. Съ другой стороны непонятно, какъ такіе кардиналы, которые избирали одного за другимъ Сикста IV, Иннокентія VIII, Александра VI,—могли думать, что папа, чрезъ данную капитуляцію, откажется отъ заманчиваго наслажденія своею неограниченною властію. Что побѣда осталась за папами, это, можетъ быть, еще меньшее зло; ибо деспотизмъ олигархіи хуже господства одного лица.

Безспорно, что вліяніе коллегіи кардиналовъ на церковную жизнь было самое вредное. Это учрежденіе появилось, спустя

тысячу лѣтъ, послѣ основанія Церкви, и втерлось въ іеракію, основанную Христомъ и апостолами, какъ сторонній чуждый членъ. Кардиналы хотѣли превосходить своею роскошью, великолѣпіемъ и числомъ слугъ самыхъ богатѣйшихъ епископовъ; а Римъ и его окрестность не представляли къ тому средствъ. Они хотѣли обогащать свои семейства и снабжать своихъ племянниковъ и друзей богатыми мѣстами. Для удовлетворенія ихъ потребностей и въ ихъ интересѣ долженъ былъ низвратиться церковный порядокъ; дозволено было многія церковныя, одна съ другою несовмѣстивыя должности предоставлять одному лицу; доходы, пріобрѣтаемые посредствомъ симоніи, возрастали все болѣе и болѣе. Словомъ, это были кардиналы, которые жили и обогащались чрезъ развращеніе церкви. Соединеніе кардинальскаго достоинства съ иностранными епископствами до начала 13-го столѣтія втрѣчалось въ рѣдкихъ случаяхъ,—но при Иннокентіи IV (1250) это сдѣлалось обыкновеннымъ; такъ что римская церковь сама подала примѣръ презрѣнія и упущенія обязанностей должности. Уже Іаковъ-фонъ Витри думалъ: „доходы цѣлой Франціи едва ли были-бы достаточны, чтобы покрыть всѣ издержки кардиналовъ“.

Въ 13 и 14 столѣтіяхъ, при избраніи папы, кардиналы иногда превышали свою власть, чего уже не случалось, начиная съ средины 15 вѣка. Въ 12-мъ и первой половинѣ 13-го столѣтія новый папа избирался вдругъ же по смерти своего предшественника. Но послѣ того, какъ папство достигло апогеи своей власти, папскій престолъ оставался вакантнымъ цѣлые годы. Кардиналы, этою странною ироніею, какъ бы хотѣли показать свѣту, что легче всего обойтись безъ папы, отъ котораго происходитъ въ церкви всякая власть.

Такъ нпр., Целестинъ IV былъ избранъ послѣ двухъ лѣтъ; Григорій X послѣ трехъ и Николай IV почти спустя годъ. Между смертію Николая и избраніемъ Целестина V—протекло 2 года и 3 мѣсяца. Послѣ смерти Венедикта XI-го престолъ папскій оставался празднымъ 11 мѣсяцевъ, а послѣ смерти Климента V два года и 4 мѣсяца. Вмѣстѣ съ этимъ каждый конклавъ былъ театромъ происковъ и раздоровъ между французскою и итальянскою націями, спорящими изъ-за обладанія

папскимъ достоинствомъ, доколѣ наконецъ не удалось Французамъ одержать побѣды.

То великое измѣненіе, которое совершилось въ какихъ нибудь сорокъ лѣтъ (отъ конца 11-го столѣтія до 1130 года) означаютъ немногими словами: „римская церковь сдѣлалась тогда римскою куріею". Между тѣмъ на дѣлѣ различіе между церковіею и куріею очень велико. Когда прежде шла рѣчь о церкви іерусалимской, александрійской, ефесской, карфагенской, римской, то подъ этимъ разумѣли весь христіанскій народъ съ епископомъ и пресвитерами,—общество клириковъ и міранъ, которые всѣ чувствовали себя братьями. Вседневныя дѣла рѣшались епископомъ и его клиромъ; дѣла же болѣе важныя и чрезвычайныя на соборѣ изъ сосѣдственныхъ епископовъ. Въ церкви были вѣрующіе, затѣмъ епископы и пресвитеры, которые учили и преподавали таинства, но небыло никакихъ должностныхъ юристовъ. Такая церковь никогда не могла сдѣлаться куріею, доколѣ въ ней господствовали церковные обычаи и церковный духъ. Но римская церковь превратилась въ курію т. е. въ канцелярію писцовъ, нотаріусовъ, таксаторовъ, которые занимались продажею привиллегій, разрѣшеній, покровительственныхъ грамотъ и т. д. Это было сборное мѣсто для клириковъ всѣхъ европейскихъ странъ, которые добивались доходныхъ приходовъ. Въ прежнія времена исправляли всѣ дѣла мужи назначаемые въ Римъ преимущественно для богослуженія. Важные вопросы были рѣшаемы на соборахъ, куда призывались провинціальные епископы, и столь ограниченный кругъ занятій и дѣйствій не требовалъ большаго числа лицъ. Но какъ это все измѣнилось со времени вормскаго конкордата (1122 г.) и особенно со времени Граціана! Предъ непомѣрною массою занятій, процессовъ, милостей, индульгенцій, приказовъ и опредѣленій, назначенныхъ для самыхъ отдаленныхъ странъ Европы и даже Азіи, изчезли отправленія (Function) мѣстной церковной должности и потребовалась толпа изъ многихъ сотенъ,—толпа, которой отечество есть курія, которой честолюбіе высшее мѣсто въ ней, и все стараніе финансовое вымогательство, увеличеніе таксъ, и возвышеніе прибытка для нея и для папской казны. Увѣренные въ покровительствѣ власти, на службѣ которой они находились, чиновники куріи ни мало не

безпокоились о ненависти и презрѣніи міра, который сдѣлался ихъ данникомъ. Oderint, dum metuant.

Напрасны были всѣ предостереженія просвѣщенныхъ мужей. Уже прежде, въ 12 столѣтіи, нѣкоторые предвидѣли опасность, которую должно принести міру превращеніе римской церкви въ курію. Это предрекали мужи, какъ Гергохъ, Бернгардъ, Іоаннъ Салисбурійскій, Петръ фонъ-Блуа и почти всѣ того времени, которыхъ мы знаемъ.

Іаковъ фонъ-Вирти, (въ послѣдствіи кардиналъ), который стоялъ нѣкоторое время при куріи, признавалъ (1216),—что всякій истинно церковный духъ чуждъ этому учрежденію; занимаются политикою, спорами и процессами; о духовныхъ же предметахъ не заводятъ и рѣчи.

Между епископами времени Иннокентія IV никто такъ не былъ преданъ папѣ, какъ Робертъ Гроссететъ, епископъ линкольскій: болѣе всѣхъ почитаемый и заслуживавшій удивленіе. Подъ вліяніемъ Григоріанской системы онъ думалъ: „какъ епископъ, онъ имѣетъ всю свою власть отъ папы". Но развращеніе, которое подобно ядовитому міазму, исходило изъ куріи во всѣ части церкви, грубое лицемѣріе, которое объявило взиманіе *годати* за смерный грѣхъ, между тѣмъ какъ папскіе ростовщики и маклеры разоряли церкви и монастыри лихоимственными поборами, и начиная съ Лондона, обложили оброкомъ всѣ англійскія епископства,—все это и многое другое подвигло его, незадолго до смерти, написать папѣ рѣзкое письмо, въ которомъ онъ увѣщевалъ его къ покаянію. На смертномъ одрѣ Робертъ предсказывалъ, что египетское рабство, до котораго вся церковь «доведена куріею, сдѣлается еще хуже».

Нѣсколько позже папа Николай III хотѣлъ сдѣлать кардиналомъ миноритскаго генерала Іоанна парискаго, котораго Пій VI въ 1777 г. причислилъ къ лику блаженныхъ. Іоаннъ отклонилъ желаніе папы и сказалъ: «римская курія занимается другими дѣлами: войнами и фиглярствомъ (Truffae), а о спасеніи душъ не безпокоится». Папа отвѣчалъ со вздохомъ: „мы такъ привыкли къ этимъ вещамъ, что думаемъ, что все, что мы говоримъ и дѣлаемъ дѣйствительно полезно".

Съ средины 12 столѣтія, вся свѣтская и духовная литература въ Европѣ становилась все болѣе и болѣе враждебною

противъ папства и куріи. Историки, поэты и богословы всѣ нападали, обыкновенно, не на права и власть папы, а на упадокъ церкви, развращеніе клира, симонію духовнаго двора, гдѣ каждое движеніе пера, каждый трудъ оплачивался золотомъ, — и гдѣ пріобрѣтали доходныя мѣста, разрѣшенія, увольнительныя свидѣтельства, отпущеніе грѣховъ, и индульгенціи и привилегіи, какъ покупаютъ нпр. товаръ у купца. Святая Гильдегарда, высоко почитаемая папами и императорами, уже въ 1170 году, пророчествовала о папахъ: „подобно жестокимъ звѣрямъ ловятъ они насъ своею властію вязать и рѣшить; чрезъ нихъ увядаетъ вся церковь. Они хотятъ подчинить себѣ царства міра: но народы возстанутъ противъ нихъ и противъ богатаго и развращеннаго клира и отведутъ его назадъ на путь законнаго владѣнія. Люди унизятъ величіе папъ, у которыхъ нѣтъ никакой религіи. Только Римъ и незначительная около Рима лежащая область будетъ оставлена папамъ, частію вслѣдствіе войнъ, частію по единодушному согласію государствъ“.

Еще рѣзче, еще ужаснѣе высказывалась о папѣ св. Виргитта, жившая въ Римѣ двумя столѣтіями позже св. Гильдегерды: „онъ т. е. папа, говоритъ она, хуже люцифера и есть убійца ввѣренныхъ ему душъ; онъ осуждаетъ невинныхъ и продаетъ вѣрующихъ ради грязнаго прибытка“.

Положеніе дѣлъ осталось все тоже. Епископы и аббаты должны были разорять свои церкви и монастыри, чтобы удовлетворить корыстолюбію куріаловъ и привести къ концу свои процессы. Произошелъ всеобщій подкупъ. Отъ привратника до папы нужно было каждому заплатить, каждому подарить, иначе дѣло было проиграно. Это видно изъ счета депутатовъ общины Брюгге. Не довольствовались тѣмъ, что дадутъ разъ; нужно было платить въ продолженіе цѣлаго процесса. Особенно были ненасытимы кардиналы и папскіе племянники.

Юристъ Петръ Дюбуа говорилъ: это есть несчастіе для всего христіанства, что кардиналы, когда ихъ мѣста недовольно доходны, рѣшаются, такъ сказать, жить грабежомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что бѣдные не могли ни получить мѣста, ни удержаться на немъ. Епископы вступали въ должность уже обремененные долгами, что, въ 14 столѣтіи, съ введеніемъ аннатъ сдѣлалось еще хуже.

Въ XI столѣтіи произошло въ церкви сильное движеніе, тобы освободиться отъ продажи духовныхъ мѣстъ, производи-ой при княжескихъ дворахъ; но теперь симонія сдѣлалась по-елительницею всей церкви. Мизинецъ куріи тяготѣлъ надъ ерковію болѣе, чѣмъ вся рука князя. Никто не зналъ срѣд-тва ко спасенію. На жалобы и укоры не обращалось внима-іе; соборы безъ папы или его легатовъ были безсильны и ринуждены были молчать; каждый клирикъ прикрывалъ свое оведеніе примѣромъ римской церкви. Всюду слышалось: „отъ юности мы научены и намъ постоянно повторяли, что римская церковь есть учительница и свѣтлый примѣръ для всѣхъ дру-ихъ церквей; что она одобряетъ и дѣлаетъ, то мы должны акъ же одобрять и поэтому подражать. Да и почему бы амъ не пользоваться духовными вещами и таинствами, какъ сточникомъ обогащенія, когда мы, за дорогія деньги, пріобрѣ-ли въ Римѣ на это полное право; при томъ, такимъ только пу-темъ, мы можемъ заплатить наши римскіе долги".

Епископъ Дюрандъ мендскій обозрѣваетъ церковь своего ремени, какъ она была въ Италіи и южной Франціи (около 1310) со всѣхъ сторонъ: онъ находитъ, что главное зло и главная причина развращенія заключается въ папской куріи. Она все къ себѣ захватила, говоритъ онъ, и находится въ опасности все потерять. Она постоянно посылаетъ въ епархіи безнравственныхъ клириковъ, снабженныхъ ею разными привил-егіями на выгоды, и покорные епископы, по недостатку людей способныхъ къ церковному управленію, должны принимать ихъ. Она выжимаетъ у прелатовъ огромныя суммы денегъ, которыя потомъ дѣлятся между папою и кардиналами; чрезъ эту симо-нію гибнетъ вся церковь; и доколѣ въ куріи будетъ продол-жаться такой порядокъ дѣлъ, напрасны всѣ средства ко спасе-нію церкви». За тѣмъ онъ указываетъ необходимыя реформы, безъ которыхъ церковь должна все болѣе и болѣе погрязать въ развращеніи; но какъ всѣ эти реформы направлены противъ папской системы, то его книга не смотря на то, что по жела-нію папы должна была служить памятною запискою на вьен-скомъ соборѣ, не произвела никакого замѣчательнаго дѣй-ствія.

Одинъ изъ французскихъ папъ Урбанъ V, который еще

имѣлъ кое какія добрыя движенія, признавалъ бѣдствіе и развращеніе церкви и думалъ, что причиною этому есть оставленіе соборовъ. Но онъ не видѣлъ, или, по крайней мѣрѣ не говорилъ, что это были его предшественники, которые сдѣлали соборы частію невозможными, частію безплодными. Богословы того времени, желая выражаться языкомъ древнихъ пророковъ, представлявшихъ развращеніе еврейскаго народа,—изображали римскую церковь продажною блудницею, которой стыдъ Господь откроетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Такъ выразился Николай Орезме, епископъ лизейкскій въ своей рѣчи, которую онъ (1363 г.) держалъ предъ Урбаномъ V и кардиналами въ Авиньонѣ. Вѣрно же зло было велико, если сами епископы и кардиналы, подобно сектамъ того времени, позволяли себѣ такое изображеніе церкви и папскаго престола, и приходили къ заключенію о своемъ правѣ отдѣлиться отъ такого развращеннаго учрежденія. Но такое было мнѣніе не однихъ епископовъ, но и всѣхъ классовъ общества. Черезъ перемѣщеніе куріи въ Авиньонъ, и чрезъ рядъ французскихъ папъ, которые большею частію назначали и французскихъ кардиналовъ, не произошло никакой существенной перемѣны въ церковныхъ дѣлахъ. Итальянцы сдѣлались теперь такъ же остроумны, какъ и другіе, въ развращеніи церкви; ибо папство, со всѣми своими громадными источниками богатствъ, ускользнуло отъ нихъ: они чувствовали чего лишилась чрезъ это Италія, или выражаясь точнѣе,—латинская раса. Ибо итальянское національное чувство тогда еще не образовалось. Жители Тосканы (Tusciens) и церковной области считали себя истинными потомками древнихъ римлянъ и потому призванными къ господству чрезъ принадлежащее имъ папство. Вотъ почему Данте, въ своихъ письмахъ приглашалъ не терпѣть болѣе, чтобы срамъ корыстолюбивыхъ гасконцевъ Климента V и Іоанна XXII) присвоилъ себѣ славу и честь латинянъ. Даже такой человѣкъ, какъ Бонавентура, котораго папы осыпали почестями, и который какъ кардиналъ и генералъ своего ордена былъ привязанъ къ Риму самыми крѣпкими узами,—и онъ, въ своемъ объясненіи апокалипсиса указываетъ на Римъ, какъ «на блудницу, которая виномъ своего блудодѣянія напоила князей и народы; ибо въ Римѣ, говорилъ онъ, продаются и покупаются церковныя должности; тамъ сходятся князья

и властители церкви, презирая Господа, служа безстыдству, прилѣпляясь сатанѣ и разграбляя сокровище Христово.“ Далѣе онъ продолжаетъ: „испорченные прелаты заразили клиръ своими пороками; а клиръ своимъ дурнымъ примѣромъ, жадностію и нерадѣніемъ отравилъ и сдѣлалъ несчастнымъ весь христіанскій міръ.“

Если такъ высказывался на счетъ куріи генералъ ордена, то понятно, что люди болѣе строгихъ правилъ (нпр. спиритуалы) высказывались еще рѣзче, изображая курію церковію «плотскою» до конца развращенною, но при этомъ они надѣялись, однакожь на близское обновленіе церкви, которое должно совершиться чрезъ папу Ангелика съ нетерпѣніемъ ими ожидаемаго и хотящаго нѣкогда явиться.

Это не было, стало быть, ослѣпленіе гвибеллинской партіи. Самъ Данте видѣлъ въ папахъ исполненіе пророчества апокалипсиса о блудницѣ на седми холмахъ, которая упоена человѣческою кровію и прельщаетъ (bethört) князей и народы. Данте читалъ Бонавентуру и именно поэтому вложилъ въ его уста «въ парадизѣ» обвинительную рѣчь противъ жадности римской куріи. При этомъ ему, какъ и другимъ, представлялось слѣдующее обстоятельство: именно, что папство было тою враждебною силою, которая ослабила императорскую власть, потрясла ее и довела до погибели; слѣд. папство подготовило и ускорило появленіе антихриста, который былъ задерживаемъ властію императоровъ.

Въ смыслѣ Данте высказывался о папствѣ епископъ и чиновникъ папской куріи Альваро Пелаіо, который изъ собственнаго долголѣтняго опыта и наблюденія подробно до мелчайшихъ частностей доказываетъ, что на папствѣ исполнилось апокалипсическое пророчество о блудницѣ. Однакожь все его сочиненіе посвящено задачѣ представить папство отъ Бога поставленною властію, которая управляетъ міромъ и церковію съ неограниченнымъ произволомъ. Поучительно наблюдать, какъ этотъ человѣкъ, который изслѣдовалъ церковь со всѣхъ сторонъ и описываетъ ее самыми живыми красками, все же принужденъ бываетъ сознаться, что это собственно папскій престолъ, и только онъ одинъ, который заразилъ всю церковь ядомъ гордости, властолюбія и корыстолюбія,—что клиръ за свои пороки

ненавидится всѣмъ свѣтскимъ міромъ, и что въ его развращеніи, большею частію, виновна курія. Все это отражается на каждой страницѣ его сочиненія. Онъ замѣчаетъ, что дурной примѣръ, данный папами, находитъ подраженіе вездѣ. Прелаты говорили: такъ дѣлаетъ папа, почему мы не можемъ поступать такъ же? Такъ что вся церковь была обращена какъ—бы въ кровь; наступило всеобщее помраченіе въ главѣ и членахъ. Если теперь читатель ожидаетъ, что Пелаіо придетъ къ заключенію, что нужно возстановить въ церкви древній порядокъ и положить предѣлъ неограниченному деспотизму папъ, то онъ совершенно ошибается. Пелаіо остается при той мысли что папа есть намѣстникъ Божій на землѣ; по этому какъ никто не дерзнетъ положить предѣлъ всемогуществу божественному, такъ никто не смѣетъ помыслить и объ ограниченіи папства.

Современникъ Пелаіо, августинскій монахъ Августинъ Тріонзо анконскій, который по повелѣнію Іоанна XXII написалъ свое сочиненіе „Summa", открылъ новое царство, надъ которымъ господство такъ же принадлежитъ папѣ. Прежде говорилось: папа имѣетъ власть на землѣ и небѣ; на небѣ потому, что онъ, по своему усмотрѣнію, можетъ отворять и затворять врата царствія. Въ концѣ 13-го столѣтія богословы куріи приписали римскому владыкѣ господство надъ новымъ царствомъ, а именно «надъ пюргатуромъ». Тріозно доказывалъ, что папа, какъ раздаятель посредствомъ индульгенцій заслугъ Христовыхъ, могъ-бы, за одинъ разъ, если бы захотѣлъ, освободить изъ чистилища всѣ души, которыя тамъ находятся, но только съ однимъ ограниченіемъ, чтобы нашлись лица, которыя бы исполнили данныя, для этой цѣли, папою предписанія; однакожь онъ несовѣтовалъ папѣ этого дѣлать. Только тѣ, которыхъ Богъ, по особенной Своей милости, изъ массы некрещенныхъ перемѣстилъ въ чистилище, неподлежатъ папскому суду. По мнѣнію Тріозно, власть папы такъ неизмѣримо велика, что ни одинъ папа не можетъ даже знать, что онъ въ состояніи сдѣлать.

Подобно Бонавентурѣ, Данто, Пелаіо, — нѣсколько позже (1350 г.) писалъ Петрарка, который долгое время наблюдалъ курію въ близи. По его мнѣнію, она есть апокалипсически

жена, упоенная кровію людей, развратительница христіанъ, чума человѣческаго рода. Его изображенія (куріи) столь ужасны, что можно было-бы назвать ихъ преувеличенными, если бы не подтверждали того же самаго всѣ его современники. Другъ и ученикъ Петрарки, флорентинскій августинскій монахъ Люиги Марсигли, нападаетъ съ такою же силою на римскій дворъ, какъ и его учитель: между прочимъ, онъ говоритъ, Римъ господствуетъ теперь не чрезъ лицемѣріе, такъ какъ онъ выставляетъ на показъ свои пороки, но страхомъ отлученія и проклятій.

Впродолженіе 4-хъ столѣтій поднимались изъ всѣхъ странъ и на всѣхъ языкахъ тысячи обвиненій противъ папскаго господства, тираніи, корыстолюбія, оскверненія святыни, и, замѣчательно, никто не осмѣлился опровергать эти обвиненія или объявить ихъ злословіемъ и преувеличеніемъ. Приверженцы куріи ограничивались только разъясненіемъ слѣдующаго: первый престолъ не можетъ быть судимъ никѣмъ; никто не смѣетъ отверженному и безславному папѣ сказать, почему ты опустошаешь церковь? Нужно все сносить молча и терпѣливо, съ смиреніемъ и покорностію.

Далѣе они не говорили ни слова. Только иногда у свѣтскихъ женатыхъ юристовъ, которымъ ихъ богатыя мѣста казались не довольно прибильными, вырывалось слово неудовольствія на клиръ, который присвоилъ себѣ одному всѣ блага міра сего. Иногда они указывали на причину своего притворства и молчанія, выражаясь словами Бартоло: „если мы живемъ въ области (gebiete) римской церкви, то объявляемъ дѣйствительнымъ даръ Константина.“

Сила папской власти совершенно покоится на мнѣніи людей. Доколѣ современники убѣждены въ ея законности и не знаютъ ничего болѣе, какъ только то, что ея употребленіе дѣйствительно утверждается на высшей волѣ, — дотолѣ папская власть будетъ существовать. Въ тринадцатомъ и 14-мъ столѣтіяхъ никто въ Европѣ не имѣлъ надлежащаго познанія, ни даже предчувствія о настоящемъ положеніи дѣла; никто не умѣлъ различить между первоначальнымъ ученіемъ о приматствѣ, и тою колоссальною монархіею, которая теперь представлялась ослѣпленнымъ глазамъ людей, какъ божественное учрежденіе. Мысль,

что всему этому содѣйствовали обстоятельства, а такъ же разные подлоги и вымыслы, была-бы отброшена, какъ богохульство. Люди ненавидѣли способъ употребленія власти, но они не нападали на положеніе власти, въ которомъ находились папы. Поэтому ихъ послушаніе всегда было болѣе добровольное, чѣмъ принужденное.

Только съ началомъ 15 столѣтія и послѣ церковнаго раздѣленія (Spaltung), сравненіе настоящаго положенія и права съ древними соборными опредѣленіями стало мало—по малу открывать нѣкоторымъ глаза. (какъ нпр. Д'Аилли, Герсону, Цабареллѣ и др.). Они видѣли, что во всемъ лежитъ огромное измѣненіе и извращеніе, но какъ все это совершилось, оставалось имъ неизвѣстнымъ.

Къ этому присоединилось образованіе могущественной организаціи, которой цѣлію было сдѣлать папскую систему непреоборимою, затруднить обнаруженіе гнилыхъ ея основаній и гипотезу о непогрѣшимости папы сдѣлать господствующею; то была инквизиція.

Чрезъ Граціана, который слѣдовалъ въ этомъ Иво хартрскому, чрезъ законодательство и неутомимую дѣятельность папъ и ихъ легатовъ (начиная съ 1183 г.), взглядъ древней церкви на иновѣрцевъ былъ совершенно и на долгое время оставленъ: теперь сдѣлалось господствующимъ то правило, что всякое отступленіе отъ церковнаго ученія, всякое возстаніе противъ церковнаго постановленія должно быть наказываемо смертію, и притомъ самымъ жестокимъ образомъ, сожженіемъ.

Если законы римскихъ императоровъ дѣлали различіе между ересями, и только тѣ изъ нихъ подвергались жестокимъ карамъ, которыя казались особенно вредными въ нравственномъ отношеніи; то теперь, со времени Луція III (1184 г.), это правило было оставлено. Отпадалъ ли кто совершенно отъ вѣры, или только погрѣшалъ въ нѣкоторомъ частномъ, второстепенномъ вопросѣ,—было все равно. То и другое называлось ересью и считалось смертнымъ преступленіемъ. Бѣдные вальденсы (въ Ліонѣ), которые не хотѣли, чтобъ отнято было у нихъ право проповѣдывать и которые, при кроткомъ съ ними обхожденіи не поставили бы себя во враждебное отношеніе къ церкви,—были трактуемы такъ же, какъ и катары, которые отдѣлялись

ыли отъ католиковъ широкою пропастью. Иннокентій III объявилъ ресью достойнаго смерти, если кто отказывался поклясться и дуалъ, что клятва, запрещена. Тотъ же папа приказалъ считать еретикомъ всякаго, кто въ чемъ нибудь отличался отъ быкновеннаго образа жизни другихъ людей.

Иниціятива, равно какъ послѣдовательное исполненіе этихъ овнихъ правилъ, приписывается однимъ папамъ. Литература го времени нимало къ этому не подготовляла. Уже позже, огда образъ дѣйствій инквизиціи былъ опредѣленъ и во мноіхъ мѣстахъ былъ приводимъ въ исполненіе, схоластика заілась отысканіемъ его основаній и старалась его оправдать. ъ древней церкви епископа, котораго обвиняли въ смерти чеовѣка по причинѣ ереси, исключали изъ общества вѣрующихъ; къ именно случилось съ епископами Идаціусъ и Итаціусъ, оторыхъ подвергли отлученію св. Мартинъ и Амвросій. Теръ же сами папы тѣснили и принуждали епископовъ и свяенниковъ, чтобы тѣ въ свою очередь осуждали иновѣрныхъ пытки, конфискацію имущества, въ темницу и смерть, и за ыиъ угрозою отлученія отъ церкви заставляли бы гражданскихъ дей исполнять ихъ приговоръ. Съ 1200 до 1500 года идетъ инный рядъ папскихъ приказаній, изъ которыхъ одни пресходятъ другія суровостію и лютостію, касательно инквизиціи етиковъ и всего, что принадлежитъ къ ереси. Это есть какъ законодательство одного ума: каждый послѣдующій папа дтверждалъ приказанія своихъ предшественниковъ и на ихъ нованіи созидалъ далѣе. Все было теперь средствомъ къ стиженію одной цѣли т. е. полнаго уничтоженія всякаго отупленія отъ вѣры. Скоро дошли до того, что было высказано, какъ правило, что предъ новымъ судилищемъ даже мысль, торая не обнаружилась никакимъ внѣшнимъ знакомъ, подлежала наказанію. Могущество папъ и (ложное) мнѣніе, что они всѣхъ вопросахъ евангельской нравственности непогрѣшимы, оизвело то, что міръ молча и безъ всякаго возраженія позилъ себѣ навязать цѣлый кодексъ законовъ инквизиціи, короій противорѣчилъ самымъ простымъ правиламъ справедлисти и человѣколюбія, и въ древней церкви былъ бы принятъ иначе какъ съ всеобщимъ отвращеніемъ. Еще въ 11-мъ и началѣ 12-го столѣтія многіе протестовали противъ казни

еретиковъ: Епископъ Вазо изъ Люттиха, Гилдебертъ изъ Лемансa, Рупертъ изъ Дойтца и Бернгардтъ напоминали, что Христосъ такое поведеніе, которое предписывали папы положительно запретилъ; что такимъ бразомъ производили только лицемѣровъ, утверждали и возбуждали ненависть и отвращеніе противъ кровожадной, одержимой страстію преслѣдованія Церкви и ея духовенства.

Теорія непогрѣшимости, которую старались во чтобы-то ни стало питать и возвысить, дѣлаетъ понятнымъ, что въ длинномъ рядѣ папъ, начиная съ Луція III, ни одинъ никогда не старался поправить дѣла. Мужи кроткіе, тихаго характера, какъ Гонорій III, Григорій X Целестинъ V умѣряли строгость опредѣленій своихъ предшественниковъ, ограничивали чрезмѣрный произволъ власти, которую папы влагали въ руки фанатическихъ и корыстолюбивыхъ инквизиторовъ. Не было недостатка въ жалобахъ противъ инквизиторовъ, которые часто употребляли ихъ должность къ вымогательствамъ денегъ, и ихъ судилище обращали въ назначейство. Папы были загромождены жалобами и просьбами о помощи. Объ этомъ упоминаетъ Климентъ V; но ни онъ, ни другой папа, прежде и послѣ него, не умѣрилъ власти инквизиціи, не смягчилъ въ чемъ либо драконовыхъ законовъ. Напротивъ еще, исходили отъ куріи постоянно новыя приглашенія къ большей строгости и энергіи, и папы, безъ противорѣчія, допустили, что инквизиторы обратили въ систему лжи и хитрости ихъ искуство отправлять свои жертвы на костры, какъ это можно видѣть изъ сочиненія доминиканца Николая Еймериха, которое одобрено куріею.

Это были папскіе легаты, которые, въ 1229 году, подвигнули четырнадцатилѣтняго Людовика IX издать тотъ безчеловѣчный законъ, которымъ повелѣвалось сожигать всѣхъ иновѣрныхъ. Императоръ Фридрихъ II, занятый истребленіемъ Гвельфовъ въ Италіи, въ то самое время, когда все было покорно его волѣ и все способствовало къ усмиренію его гнетущихъ и ему угрожающихъ папъ, издалъ въ 1224, 1238 и 1239 гг. варварскіе законы противъ еретиковъ, которыми допускались и конфискація ихъ имущества и смерть огнемъ. Еретикамъ было отказываемо во всякомъ законномъ средствѣ къ оправданію; даже ихъ покровителямъ и друзьямъ грозили тяжкія наказанія

Эти законы опять неоднократно подтверждалъ Иннокентій IV, и ему слѣдовали въ этомъ позднѣйшіе папы, которые постоянно ссылались на тѣ законы и поощряли къ ихъ исполненію, утверждая, что Фридрихъ II, этотъ великій врагъ церкви, въ то время, какъ издалъ ихъ, былъ въ повиновеніи церкви.

Папскій вицелегатъ Петръ де-Коллемедіо былъ первый, который обнародовалъ въ Лангедокѣ законъ Людовика. И опять таки папскій же легатъ, кардиналъ фонъ-Ангело, который, пришедши въ этомъ году въ Тулузу, во главѣ войска, ввелъ тамъ, на одномъ соборѣ, инквизицію.

Когда съ 1231 и послѣдующихъ годахъ, папою посланные инквизиторы, а именно Конрадъ марбургскій и доминиканецъ Дорсо, свирѣпствовали въ Германіи; Робертъ, называемый деръ-Бугре, неистовствовалъ во Франціи. Папа Григорій IX передалъ должность инквизиціи доминиканцамъ, чтобы они исполняли ее всегда во имя папы и по его полномочію.

Обязательная сила законовъ противъ еретиковъ заключалась не во власти свѣтскихъ князей, но въ верховномъ владычествѣ, которое папа, какъ намѣстникъ Божій на землѣ, присвоивалъ себѣ надъ жизнію и смертію всѣхъ христіанъ. Каждый князь, каждый городской судъ, по ученію римской куріи, должны быть принуждаемы къ исполненію инквизиторскихъ приговоровъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала подвергались отлученію лица начальственныя, за-тѣмъ отлученіе постигало тѣхъ, которые имѣли съ ними сношеніе. Если это не помогало, запрещеніе налагалось на цѣлый городъ. Если и это не имѣло успѣха, то чиновники лишаемы были своихъ мѣстъ. Наконецъ, когда уже всѣ средства истощены были, городъ лишался епископской каѳедры и ему запрещалось имѣть сношеніе съ другими городами. Такъ представляютъ Еймерихъ въ 14-мъ и кардиналъ Альбици въ 17-мъ столѣтіи поведеніе, которое папы предписывали инквизиторамъ. Только послѣднее средство, именно отнятіе у города епископской каѳедры и запрещеніе городу имѣть сношенія съ другими городами, предоставляемо было самому папѣ.

Поведеніе инквизиціи, во все время ея развитія, все болѣе и болѣе уклонялось отъ всѣхъ законовъ правосудія и справедливости. Особенно Иннокентій IV (1243—54) много содѣйствовалъ къ усиленію средствъ и власти инквизиціи; онъ пред-

писалъ употребленіе пытокъ, и это предписаніе одобрили Александръ IV, Климентъ IV, Каллистъ III. Часто довольно было одного подозрѣнія, чтобы подозрѣваемаго подвергнуть пыткамъ; пожизненное заключеніе между четырьмя узкими стѣнами, на хлѣбѣ и на водѣ, считалось милостію. Для сына это было долгомъ совѣсти предать собственнаго отца мученіямъ пытки, вѣчной темницѣ или сожженію на кострѣ.

Объ именахъ обвинителей умалчивали предъ обвиненнымъ, и онъ былъ лишенъ всякаго средства къ своему оправданію. Апелляція въ другой судъ, или въ высшую инстанцію была невозможна, и такъ же мало можно было расчитывать на дозволеніе выбрать адвоката. И если бы какой адвокатъ и рѣшился защищать обвиненнаго, то его постигло-бы отлученіе отъ церкви. Два свидѣтеля считалось достаточнымъ, чтобы осудить обвиняемого; къ показаніямъ были допускаемы даже такіе свидѣтели, которые не принимались ни въ какихъ другихъ судахъ, какъ напр. нарушители клятвъ, сводники, преступники, вообще люди безчестные или находящіеся въ враждѣ съ обвиненнымъ. Инквизитору было запрещено оказывать снисхожденіе и пощаду. Пытка, во всемъ ея ужасающемъ видѣ, считалась обыкновеннымъ средствомъ вынудить признаніе. Никакое отреченіе, никакое удостовѣреніе въ согласіи съ вѣрою не могли спасти обвиненнаго. Ему не отказывали въ исповѣди, разрѣшеніи и пріобщеніи, слѣд. вѣрили въ силу таинства, вѣрили его увѣренію въ раскаяніи и въ перемѣнѣ мыслей, но въ то же время, если онъ вторично впалъ въ руки инквизиціи, объявляли ему, что, по суду, ему не вѣрятъ и онъ долженъ умереть. Наконецъ, чтобы исполнить мѣру строгости, невинное семейство осужденнаго лишаемо было имущества, половина котораго шла въ казну папскую, а другая—въ руки инквизиторовъ. Только одна жизнь, говоритъ Иннокентій III, должна быть оставлена сыновьямъ осужденнаго, и то это по милосердію. Так. обр. они были объявляемы неспособными къ гражданскимъ должностямъ и преимуществамъ.

Гражданскія власти должны были строить и поддерживать темницы, доставлять дрова на костры и исполнять смертные приговоры священнаго суда. Если они отказывались исполнять ихъ, или выражали желаніе знать о причинахъ осужденія, то

таковыхъ постигало церковное проклятіе. Оставались они подъ церковнымъ проклятіемъ цѣлый годъ, не заявивъ своего покаянія и покорности папѣ, то сами предавались инквизиціи, какъ сильно заподозрѣнныя въ ереси.

Инквизиторы получали всю власть отъ папы, были его делегатами, и никогда никто не былъ подвергаемъ пыткамъ, или возводимъ на костеръ иначе какъ во имя папы и по его особенному приказанію. Это началось съ тѣхъ поръ, какъ Луцій III дозволилъ епископу реймскому сжечъ во Фландріи многихъ еретиковъ, и съ тѣхъ поръ, цѣлыя столѣтія, продолжался такой порядокъ вещей съ страшною послѣдовательностію. Такъ что во имя и по приказанію папъ того времени было убито и казнено людей болѣе, чѣмъ во имя всякаго другаго свѣтскаго властителя.

Въ 13 и 14-мъ столѣтіяхъ, сравнительно съ временемъ послѣ-тридентинскимъ, объемъ всеобще принятыхъ въ церкви опредѣленій вѣры былъ незначителенъ. Поэтому инквизиторы имѣли полный просторъ въ опредѣленіи того, что могло назваться ересью, и пользовались данною имъ властію надъ жизнію и смертію по своему усмотрѣнію. Такъ какъ они почти всегда принадлежали къ одному изъ двухъ нищенствующихъ орденовъ, коихъ главною заботою было поддержаніе папской системы, то самымъ простымъ и вѣрнымъ критеріемъ истинной вѣры они считали ученіе папы, на сколько оно было извѣстно. Кто прекословитъ папскому ученію, сознательно нарушаетъ повелѣніе папы, тотъ уже еретикъ и долженъ быть преданъ свѣтской власти, которая должна исполнить надъ нимъ смертный приговоръ. Папы сами давно уже присовокупляли къ этому: кто не согласуется съ апостольскимъ престоломъ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть еретикъ. И когда архіепископъ майнскій жаловался на нарушеніе папою конкордатовъ, Каллистъ III, въ 1457 г., отвѣчалъ ему: онъ (архіепископъ) долженъ знать, что въ его жалобѣ заключается посягательство на авторитетъ папы, и что онъ совершаетъ самымъ недостойнымъ образомъ преступленіе ереси. За это онъ подвергается по праву Божескому и человѣческому установленнымъ наказаніямъ.

Что противорѣчіе папѣ считалось ересью, это обнаружилось самымъ яснымъ образомъ въ дѣлѣ съ Миноритами. Они были

осуждены за то только, что, какъ истинные ученики Франциска, хотѣли исполнять бѣдность по правиламъ своего учителя. Инквизиторъ Іоаннъ бельнескій сослался на знаменитѣйшаго канониста того времени, кардинала Генриха сегузійскаго, который объявилъ: „кто не принимаетъ папскихъ повелѣній, есть еретикъ, и кто отказывается отъ повиновенія папскому престолу, впадаетъ чрезъ это въ язычество. Спиритуалы какъ было сказано прежде, осмѣлились оспаривать у папы Іоанна XXII право уничтожить буллу его предшественника Николая III и—правила ихъ основателя. Такое противорѣчіе стоило многимъ изъ нихъ жизни. Ни одинъ соборъ не осудилъ мнѣнія спиритуаловъ. Это былъ одинъ папскій авторитетъ, на который ссылались, когда вели ихъ на костеръ. Было противно естественному чувству допустить возможность заблужденія въ такомъ лицѣ, отверженіе авторитета котораго вело за собою немедленный смертный приговоръ. Юристы и богословы, которые выработали кодексъ правилъ инквизиціи, пошли еще далѣе. Амвросій Вигнатскій (который писалъ около 1460 года) объявляетъ еретикомъ всякаго, кто думаетъ о таинствахъ иначе чѣмъ римская Церковь; такъ что, если бы какой нибудь богословъ возвысилъ свой голосъ противъ недавно появившагося декрета Евгенія IV и противъ заключающихся въ немъ заблужденій, то это навѣрно привлекло бы ему смертный приговоръ.

Какъ все это было въ 13 столѣтіи, такъ оставалось еще и въ 16-мъ. Корнелій Агриппа изображаетъ поведеніе инквизиціи въ свое время, около 1530, слѣд. образомъ: Инквизиторы употребляютъ ихъ судебную власть сообразно каноническому праву и папскимъ приказаніямъ, какъ будто было-бы невозможно, что папа могъ погрѣшать. Они не приписывали особаго значенія ни Писанію, ни преданію св. Отцевъ. Отцы, говорятъ инквизиторы, могутъ сами погрѣшать и вводить въ заблужденіе; но римская церковь, коей глава есть папа, погрѣшать не можетъ.

Инквизиторы обыкновенно предлагали обвиненному вопросъ: „вѣритъ ли онъ въ римскую церковь? Если онъ отвѣчалъ: „да,“ то они говорили: церковь осуждаетъ такое-то правило отрекись отъ него. Если онъ не хотѣлъ этого исполнить, то былъ предаваемъ свѣтской власти на сожженіе. Въ длинной

борьбѣ Вельфовъ съ Гибелинами, въ Италіи, папы многократно пользовались инквизиторами и процессами противъ еретиковъ, какъ средствомъ, къ уничтоженію своихъ противниковъ. Юристъ Кальдерини утверждаетъ: кто не уважаетъ папскихъ опредѣленій тотъ есть еретикъ; ибо онъ презираетъ чрезъ то ключи. Такое правило могли отнести къ каждому Гибеллину. Такъ, папа Иннокентій IV (1248) объявилъ еретикомъ могущественнаго врага Вельфовъ, Еццелина. Напрасно Еццелинъ увѣрялъ, чрезъ своего посланника, въ чистотѣ своей вѣры и приносилъ клятву; Иннокентій оставался при своемъ, что Еццелинъ принадлежитъ къ одной новой гностической сектѣ, хотя не могъ представить на это даже тѣни доказательствъ. Еще лучшее употребленіе изъ этого средства (т. е. объвлять своихъ противниковъ), дѣлалъ Іоаннъ XXII частію для того, чтобы увеличить свои собственныя владѣнія, частію же для того, чтобы утвердить могущество короля Роберта въ Италіи. Поэтому маргграфы Ринальдо и Обиццо von Este, ревностные католики, и даже не Гибеллины, а Вельфы, внезапно (въ 1320 г.) были объявлены папою еретиками и подвергнуты инквизиціи. Спустя два года, подобное случилось съ Гибеллинскимъ Домомъ Висконти, въ Миланѣ. Папская булла объявила этихъ князей еретиками и осудила, въ то же время, на рабство всѣхъ ихъ приверженцевъ и подданныхъ. Подобныя случаи не разъ повторялись.

Если сами папы дѣлали такое употребленіе изъ ихъ суда вѣры; Если Николай III, какъ укоряютъ его современники, обогощалъ свое семейство корыстію отъ инквизиціи, то что удивительнаго, если инквизиторы, какъ обвиняетъ ихъ Альваро Пелайіо, пользовались своею должностію къ вымогательству возможно бельшаго количества денегъ. Не смотря на это, Климентъ V объявилъ что инквизиторъ, слѣдуя только своей совѣсти, имѣетъ полную власть каждаго посадить въ тюрьму и даже заковать въ цѣпи.

Если мы станемъ утверждать, что всѣ разказы о существованіи вѣдьмъ (какъ это было отъ 13 до 17 столѣтія) обязаны своимъ происхожденіемъ вѣрѣ въ неоспоримый авторитетъ папъ,— то какъ бы это утвержденіе ни казалось парадоксальнымъ, однакожъ дѣло именно было такъ.

Въ продолженіе многихъ столѣтій считалось мнѣніемъ глу-

нымъ и несообразнымъ съ христіанскою вѣрою распространенное въ народѣ представленіе о домовыхъ, ворожеяхъ, вѣдьмахъ, ночныхъ встрѣчахъ съ дьяволами и пр. Нѣкоторые соборы повелѣвали подвергать церковному покаянію тѣхъ женщинъ, которые заражены были этимъ суевѣріемъ. Правило, которое Регино, Буркардъ, Иво, Граціанъ приняли въ „уложеніе" и на которое за тѣмъ всегда ссылались, повелѣвало учить народъ о ничтожествѣ мысли, касательно существованія вѣдьмъ, и несообразности ея съ христіанскою вѣрою. Приписывать демонамъ сверхъ-естественную силу и дѣйствіе считалось злымъ заблужденіемъ, чѣмъ то въ родѣ ереси. Вѣрить чародѣйству и волшебству еще въ XI столѣтіи считалось тяжкимъ грѣхомъ, какъ видно изъ книги Буркарда и изъ книгъ о покаяніи. Тогда никто не могъ предчувствовать, что настанетъ время, когда сами папы, въ своихъ буллахъ, признаютъ эту вѣру и на основаніи ея предадутъ смерти тысячи людей.

Вся древняя литература римской церкви нигдѣ ничего не упоминаетъ о вѣрованіи въ чародѣйство. Въ 12 столѣтіи Іоаннъ салисбурійскій причислялъ различные роды волшебства къ баснямъ и иллюзіямъ. Но теперь распространились въ церкви сочиненія (нпр. собранія Цезарія Гейстербаха, Ѳомы кантимперійскаго, Стефана бурбонскаго, Цистерсинсовъ и доминиканцевъ),— сочиненія, которыя были наполнены баснями, привидѣніями, ложными чудесами. Въ то же время стали утверждать что между многочисленными еретическими сектами совершаются чудесныя дѣйствія, которыя должны быть приписаны сатанѣ. Съ распространеніемъ на западѣ ѳеофиловскаго сказанія породилось представленіе, что человѣкъ можетъ заключать контрактъ съ сатаною и чрезъ это пріобрѣтать себѣ сверхъ-естественную силу и различныя наслажденія. Цезарій и Винценсъ принесли первыя извѣстія о таковыхъ дѣйствительно заключенныхъ договорахъ съ дьяволами, и вскорѣ за тѣмъ, сами оффиціальные папскіе историки (Мартинъ-деръ-Поло и другіе) сообщили, что папа Сильвестръ II достигъ высокаго церковнаго сана посредствомъ союза съ сатаною.

Какъ только была основана папами инквизиція и инквизиторы начали въ Германіи и Франціи свои дѣйствія,—ересь и волшебство были смѣшиваемы одно съ другимъ. Богословы доми-

никанскаго ордена, съ слѣпымъ легкомысліемъ, бросились на одно заявленіе Августина, чтобы измыслить свою теорію о любовныхъ связяхъ между людьми и дьяволами и о ихъ побочныхъ дѣтяхъ. Ѳома сдѣлался въ этомъ дѣлѣ „оракуломъ,“ и вскорѣ стало опаснымъ опровергать это мрачное заблужденіе. Въ 1231 г. Григорій IX, въ буллѣ, приглашалъ свѣтскую власть извлечь мечь противъ открытой его инквизиторами „гнусной ереси.“ Довѣрчиво разсказываетъ онъ потомъ о ночныхъ собраніяхъ, въ которыхъ принималъ участіе чертъ въ образѣ черепахи, блѣднаго привидѣнія и черпаго кота,—и гдѣ совершались гнусныя мерзости.

Всѣми этими свѣдѣніями папа былъ, главнымъ образомъ, обязанъ Конраду марбурскому, который каждаго, кто не признавался, будто онъ касался черепахи и цѣловалъ блѣднаго худощаваго человѣка и кота,—приказывалъ сжигать. Въ южной франціи, нѣсколько позже, іезуиты дѣлали подобныя же открытія. Тамъ сожгли одну шестидесятилѣтнюю женщину за связь ея съ сатаною.

Пытка, введенія Иннокентіемъ IV при допросахъ инквизиціи, поддерживала этотъ предрасудокъ (о связяхъ людей съ демонами) во всей силѣ; ибо чрезъ пытки получали требуемыя признанія. Когда Климентъ V нарядилъ слѣдствіе противъ ордена храмовниковъ, то инквизиторы тѣмъ же способомъ вынуждали у нихъ признаніе, будто дьяволъ, въ видѣ чернаго кота, являлся въ ихъ ночныя собранія,—и будто они, при потухшихъ свѣчахъ, совершали съ демонами (въ видѣ женщинъ) разныя безстыдства.

Іоаннъ XXII, въ своей торжественной буллѣ, объявилъ, что всѣ тѣ, которые занимаются демонскими дѣлами, подлежатъ наказаніямъ, установленнымъ для еретиковъ (за исключеніемъ конфискаціи имущества.

Съ того времени, какъ Иннокентій VIII (въ срединѣ 15 вѣка) издалъ свою буллу противъ вѣдьмъ,—процессы противъ колдовства сдѣлались многочисленнѣе.

Прежде всего инквизиторы получили юридическое одобрѣніе ихъ образа дѣйствій противъ вѣдьмъ. Знаменитый юристъ того времени (1350 г.)—подалъ мнѣніе сжигать чародѣекъ. Это мнѣніе, съ которымъ начинается регулярное сожженіе ихъ, очень

замѣчательно. Здѣсь наглядно обнаруживается то несчастіе, которое было произведено іерархическимъ, матеріальногрубымъ изъясненіемъ библіи папами и ихъ богословскими паразитами. Выраженіе Ап. Павла, что духовный человѣкъ судитъ все, понимали такъ, что папа есть верховный судья королей и народовъ. Если пророкъ Іеремія свою пророческую должность объявлять божественный судъ обозначаетъ, по восточному обычаю, порученіемъ погублять и опустошать; то это значитъ, по римскому толкованію, что папѣ дана власть погублять и истреблять что и кого онъ хочетъ. Если въ псалмахъ о будущемъ Мессіи говорится, что онъ покоритъ языческіе народы съ жезломъ желѣзнымъ, то въ этомъ уже видятъ доказательства права для папъ ввести инквизицію съ ея смертными приговорами. Такъ портили папскіе юристы богословіе, а богословы—законовѣдѣніе. Въ этомъ же смыслѣ объявляютъ юристы (какъ и сдѣлалъ Бартоло), что женщина-чародѣйка должна быть сожжена, потому что, по слову Господа, кто не пребываетъ въ Его общеніи, извергается вонъ и сожигается, какъ изсохшая виноградная лоза.

Въ сочиненіи Эймриха колдовство и ворожба трактуются какъ вещи дѣйствительныя, подлежащія инквизиціи. Граница между дозволеннымъ упоребленіемъ мнимыхъ магическихъ силъ и между запрещенною преслѣдуемою смертію магіею была долгое время не опредѣлена. Въ буллѣ, появившейся 1471 г., Сикстъ IV предоставляетъ себѣ *исключительное* право на изготовленіе и погребеніе сдѣланнныхъ изъ воска Божественныхъ агнцевъ, которые будто-бы отвращаютъ всякое колдовство. Прикосновеніе къ нимъ (за исключеніемъ прощенія грѣховъ) дѣйствуетъ противъ пожара, кораблекрушенія, непогоды и градобитія. Вскорѣ послѣ этого, какъ папа самъ подалъ народу грубый примѣръ суевѣрія, Иннокентій VIII (1484 г.) издалъ свою буллу противъ колдовства; поводомъ къ изданію этой буллы послужило то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ германскихъ епархіяхъ міряне и клирики возстали противъ инквизиторовъ и препятствовали имъ преслѣдовать колдовство и ворожбу. Папа открыто высказываетъ свою вѣру, что можно-де бестыдно забыться (погрѣшить) съ демонами, изъ которыхъ одни злоупотребляютъ женщинами (Incubi), другіе принимаютъ видъ женщинъ,

чтобы имѣть плотское сношеніе съ мужчинами („Succubi“); что можно, посредствомъ колдовства, причинить вредъ беременнымъ женщинамъ и чреватымъ животнымъ, плодамъ, овощамъ, виноградникамъ, полямъ; можно мучить людей и животныхъ и сдѣлать мужа и жену неспособными къ дѣторожденію. Онъ жалуется поэтому на любопытныхъ клириковъ и мірянъ, которые желаютъ знать болѣе, чѣмъ сколько имъ нужно и которые препятсвуютъ его инквизиторамъ искоренять такую злобу... затѣмъ папа снабжаетъ этихъ послѣднихъ, а равно и безславнаго составителя „Hegxenhammer“ (т. млатъ для чародѣевъ) и „institoris“ новыми полномочіями.

Въ преслѣдованіи магіи подражали Иннокентію VIII-му слѣд. папы: Александръ VI, Левъ X, Юлій II и Адріанъ VI,—и тѣмъ дали церковное уполномоченіе этому ложному вѣрованію.

Богословы, вслѣдъ за своимъ учителемъ Ѳомою, считали теперь себя обязанными защищать величайшую глупость, именно ученіе о вѣдьмахъ. Главная трудность состояла въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ Граціанова правила, которое обыкновенно принималось за опредѣленіе собора анкирскаго. По этому правилу церковь еще въ 314 году объявила новое ученіе о дѣйствіяхъ сатаны, его поклонниковъ и поклонницъ, за невѣріе и отпаденіе отъ христіанской истины,—такъ что папы и ихъ инквизиторы напередъ уже объявлены были еретиками. Большинство богослововъ успокоивало себя тѣмъ, что авторитетъ папы выше всѣхъ авторитетовъ, и что, можетъ быть, въ Граціановомъ правилѣ описана была какая нибудь другая секта вѣдьмъ. Сколь многіе были казнены, говоритъ инквизиторъ Бернардъ Ратегно, и папы все это терпѣли!

Минориты (нпр. Самуилъ Кассини и Альфонсъ Спина) считали однакожъ вѣру въ дѣйствительность вѣдьмъ глупостію или даже ересью и послѣдній полагалъ, что инквизиторы сожигали вѣдьмъ за эту самую вѣру. Но папы и доминиканцы утверждали дѣйствительность дьявольскихъ привидѣній. Такъ что можно было въ одно и тоже время, въ *Италіи* подвергнуться осужденію въ ереси, если отвергаютъ въ дѣйствительность ночныхъ путешествій, совершаемыхъ вѣдьмами,—а въ *Испаніи*, если ихъ утверждаютъ. Мало по малу авторитетъ папъ, Ѳо-

мы и доминиканцевъ одержалъ побѣду. Замолкло всякое противорѣчіе. Ученіе доминиканцевъ (Нидера Додо, Яквіера) и папскихъ богослововъ Варѳоломея Спина и Сильвестра Моццолине о дѣйствительности колдовства и ворожбы считались одобренными папою. Спина прямо высказался, что истина и дѣйствительность бытія вѣдьмъ, со всѣми ихъ мерзотями и чудесами, покоится на авторитетѣ папы и инквизиторы дѣйствуютъ въ его имя. И когда нѣкоторые юристы, чтобы спасти цѣлыя толпы несчастныхъ приносимыхъ въ Италіи въ жертву этому мнѣнію, ссылались на правило собора анкирскаго, какъ оно приведено у Граціана,—то Спина объявилъ: «авторитетъ собора, который объявилъ этотъ обманъ, долженъ изчезнуть предъ авторитетомъ папы. Іезуитъ Дельріо ссылался на приговоры прежнихъ папъ, которые колдуновъ и вѣдьмъ считали не иллюзіею, но дѣйствительностію. Всѣ церковные суды, продолжаетъ онъ, въ Италіи, Испаніи, Германіи и Франціи думаютъ такъ же; съ этимъ сообразовали свои дѣйствія и всѣ инквизиторы. Отсюда произошло мнѣніе и приговоръ церкви, что несогласіе (съ папою) есть знакъ не-искренняго католическаго сердца, но отзывается ересью.

Каждый литературный опытъ врачей, юристовъ, естество-испытателей и богослововъ пролить свѣтъ на этотъ мракъ и разъяснить естественныя причины явленій, почитаемыхъ демонскими, былъ уничтожаемъ римскою цензурою, какъ далеко простиралась ея власть. Всѣ подобнаго рода сочиненія, впродолженіе цѣлаго столѣтія подвергались запрещенію, какъ это случалось съ сочиненіями Вейера, Годельмана, Вольфарта, Агриппы, Сервина, Делла-порта и др. Напротивъ остались безплодными всѣ покушенія подвергнуть подобному же запрещенію самое вредное руководство (о дѣйствительности ворожбы и колдовства), служащее нормою для всѣхъ судовъ, іезуита Дельріо.

Кто выражалъ сомнѣніе въ дѣйствительности вѣдьмъ и чародѣйства, или осмѣливался обнаружить обманъ, о томъ утверждали, что онъ находится подъ вліяніемъ злаго духа, и заслуживаетъ или пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ, или смертный приговоръ. Богословъ Де-Мюре ссылается, что онъ былъ подъ вліяніемъ дьявола, отвергая дѣйствительность колдовства и ворожбы но это его не спасло.

Сто лѣтъ спустя священникъ Корнелій-Лось-Каллидіусъ утверждалъ, что несчастныя женщины, посредствомъ пытокъ, принуждены были признаваться въ такихъ вещахъ, которыхъ онѣ никогда не совершали, и что можно было-бы, посредствомъ алхимій, добывать золото и серебро изъ человѣческой крови. Папскій нунцій посадилъ Корнелія въ тюрьму. Онъ отказался-было отъ своего мнѣнія, но потомъ опять сталъ настаивать на своемъ. Послѣ долгаго тюремнаго заключенія Корнелій умеръ и тѣмъ избѣгъ участи трирскаго совѣтника Фладе, который осмѣлился было нападать на преслѣдованіе вѣдьмъ, ссылаясь на анкирскій Соборъ, и за это былъ сожженъ. Еще въ 1623 году Григорій XV объявилъ: „кто заключитъ договоръ съ сатаною, (отъ чего послѣдовало бы увѣчье или вредъ для животныхъ или полевыхъ плодовъ), тотъ долженъ быть заключенъ инквизиціею въ тюрьму на всю жизнь. Наконецъ спустя 170 лѣтъ, впродолженіе которыхъ инквизиція совершала свои безчинія и погубила безчисленное множество людей, появилась инструкція римскимъ инквизиторомъ, въ которыхъ заявлялось слѣд. позорное признаніе: уже съ долгого времени не было ведено инквизиторами правильно ни одного процесса, что они, посредствомъ чрезмѣрнаго употребленія пытокъ, горько ошибались; какъ они, такъ и другіе духовные суды совершали каждодневно страшныя ошибки, и так. обр. произносили неправильные смертные приговоры.“ При этомъ имъ предписывалось наблюдать мѣры предосторожности и снисхожденія. Еще теперь въ римскомъ требникѣ находится правило, по которому человѣкъ, взявшій къ себѣ заколдованныя вещи, долженъ опять прогнать отъ себя сатану, который овладѣлъ имъ.

Что подлоги и вымыслы (еще въ началѣ 12 столѣтія) доставили римскимъ притязаніямъ широкій просторъ, это мы видимъ изъ примѣра французскаго епископа Иво, который самъ принялъ въ свой „декретаріумъ“ значительное количество подложныхъ сочиненій. Его логика заключается въ слѣдующемъ: папы утверждали, что то или другое преимущество принадлежитъ имъ; значитъ нужно вѣрить, что они дѣйствительно имъ владѣютъ. Римская Церковь, говоритъ онъ наивно, научила насъ, что никто не смѣетъ сомнѣваться въ ея приговорѣ, значитъ нужно въ простотѣ покоряться ему.“ Для Иво ясно, что проти-

ворѣчіе папскому опредѣленію есть ересь. По этому, если епископъ хотя и убѣжденъ, что папское распоряженіе служитъ ко вреду его епархіи, но покоряется папѣ, то онъ православенъ; если же онъ противорѣчитъ папскимъ злоупотребленіямъ, то еретикъ. Этотъ взглядъ, чрезвычайно богатый по своимъ послѣдствіямъ, обезоружилъ Церковь и причинилъ то, что въ ней забыто самое первое правило нравственности и политическаго благоразумія (именно противостоять злу въ началѣ), что развращеніе распространилось въ церкви съ непреодолимою силою и что наконецъ предпринятыя реформы были поздни.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМѢТКА СТАРОЖИЛА.

Объѣхавъ исподоволь всю минскую губернію съ цѣлію ближе ознакомиться съ моими сослуживцами, ихъ общественнымъ положеніемъ и нуждами, ихъ образомъ мыслей, степенью способностей и усердія и что всего главнѣе—ихъ умѣньемъ, или неумѣньемъ служить дорогому намъ русскому дѣлу, я возвратился домой съ порядочнымъ запасомъ замѣтокъ и, между прочимъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что и самъ Богъ на всѣхъ не угодитъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего не наслушался и въ разныхъ уголкахъ давно знакомаго мнѣ взбаломученнаго края нашего? Кого не разбираютъ по косточкамъ?.. Кого не судятъ здѣсь и вкривь и вкось? Тутъ жалуются на излишнее усердіе и буквальную исполнительность судебнаго слѣдователя, или на неповоротливость станціоннаго смотрителя, а тамъ слѣдуютъ на стряпчаго съ уложеніемъ, на казначея съ единствомъ кассы, или на исправника съ его контрибуціями и подводами. Одни порицаютъ педантизмъ и излишнюю осторожность почтмейстера, или апатичность уѣзднаго судьи и неподвижность становаго пристава; другіе недовольны посредникомъ, неумѣющимъ будтобы различить черноземъ отъ глины и тутъ же превозносятъ до небесъ его справедливость и безпристрастіе. Эти жалуются на чрезмѣрную дороговизну хлѣба и затруднительность его подвозки, а тѣ сѣютъ на убыточное и совершенно неожиданное пониженіе цѣнъ на жизненныя потребности, пониженіе, не воз-

награждающее наемный трудъ. Тамъ кричатъ, что по размытымъ дождями и разбитымъ почтовымъ дорогамъ вовсе нѣтъ проѣзда, а здѣсь жалуются на отнятіе рабочихъ рукъ, вызванныхъ на починку дорогъ. Здѣсь сильная засуха, а тамъ дожди мѣшаютъ уборкѣ сѣна. Лѣсопромышленники, скупающіе по баснословно дешевымъ цѣнамъ товарное дерево, увѣряютъ, что раззорены безснѣжной зимой и застоемъ торговли, по милости нѣмцевъ, только, что окончившихъ кровавую игру въ братобійство, а землевладѣльцы, напрягающіе послѣднія усилія къ поддержанію оскудѣвшихъ *маіонтковъ* [1]), благодарятъ Бога, что поздняя зима дала имъ возможность долго продержать скотъ на подножномъ корму. Все это, въ совокупности, не доказываетъ ли, что не только человѣкъ, но и самъ Богъ на всѣхъ не угодитъ?

Замѣчательно однакожъ, что тѣже самые землевладѣльцы, которые еще такъ недавно, наперерывъ одинъ передъ другимъ, искали покупщиковъ имѣній, вдругъ *почему-то* пріостановились, рѣшась, повидимому, терпѣливо переносить всю тяжесть контрибуцій и подводной повинности, лишь бы не разставаться *до поры до времени* съ землею, этою безмолвною свидѣтельницею ихъ прежняго своеволія и столько же безконтрольнаго, сколько безцеремоннаго обхожденія съ *жалкимъ быдломъ* [2]), обращеннымъ теперь, по милости Царя-Освободителя, въ крестьянъ-собственниковъ.

Эта, ничѣмъ не оправдываемая, рѣшимость помѣщиковъ, этотъ крутой поворотъ въ ихъ взглядѣ на свое положеніе, невольно наводятъ на мысль, ужъ не возродилось ли въ нихъ что нибудь похожее на надежду полнаго возстановленія тѣхъ правъ, которыми, къ сожалѣнію, они не умѣли спокойно пользоваться, а можетъ быть и на что болѣе несбыточное? Чего добраго? съ ихъ легковѣріемъ, многіе готовы думать, что изгнаніе Австріи изъ семьи германскаго союза, колебаніе Венгріи, возстаніе Кандіи, возвращеніе венеціанской осласти итальянскому государству, назначеніе Голуховскаго и неудачно заявленныя притязанія *безкорыстнаго примирителя* Европы къ лѣ-

1) Имѣніе.

2) Быдло значитъ скотъ: такъ называли паны крепостныхъ крестьянъ своихъ.

вому берегу Рейна могутъ имѣть выгодное вліяніе и на ихъ настоящее положеніе!

Мнѣ приходилось однакожъ откровенно говорить съ тѣми изъ землевладѣльцевъ, которые, хотя и не питаютъ къ русскимъ пламенной любви, но дѣйствительно принадлежатъ къ небольшому разряду консерваторовъ и, не страдая нравственною близорукостію, видятъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Они конечно предаютъ проклятію нарушителей спокойствія и увѣряютъ, что какъ ни тяжко настоящее положеніе ихъ, вызванное необходимостію, но оно въ тысячу разъ сноснѣе того положенія, въ которое они поставлены были бездѣйствіемъ законной власти и преобладаніемъ власти подземнаго жонда.

При этомъ господа консерваторы, съ неподдѣльною грустію, припоминаютъ все, что сдѣлано было нашимъ правительствомъ въ теченіи послѣднихъ 73 лѣтъ для пользы перестроеннаго іезуитами на польскій ладъ и присоединеннаго къ Россіи древле-православнаго края, которому сохранены были не только всѣ права и обычаи, но и литовскій статутъ. Припоминаютъ также постоянныя заботы правительства нашего о томъ, чтобы ополяченные интригами іезуитовъ землевладѣльцы здѣшніе, съ ихъ ксендзами и шляхтою, не чувствовали слишкомъ рѣзкаго перехода власти надъ ними съ запада на востокъ.

Въ бесѣдахъ этихъ мнѣ часто случалось отъ взглядовъ общихъ переходить къ частнымъ явленіямъ, неопровержимо доказывающимъ, что правительство наше постоянно осыпало благодѣяніями здѣшнихъ уроженцевъ и никогда не упускало случая доказать на дѣлѣ, что ему равно дорогъ былъ и православный, и католикъ, лишь бы въ послѣднемъ оно видѣло полезнаго слугу престола и русской родины.

Не лишнимъ считаю помѣстить здѣсь нѣкоторые изъ моихъ разсказовъ. Можетъ быть содержаніе ихъ освѣжитъ въ памяти былое и заставитъ *нѣкоторыхъ* сознаться наконецъ, что имъ несравненно выгоднѣе окончательно примкнуть къ родной Россіи, чѣмъ увлекаться не сбыточными мечтами.

Вотъ на выдержку мои разказы:

1. Въ 1839 году въ Минскѣ проживала бѣдная, больная, обремененная большимъ семействомъ вдова маіора Козакевича.

Мужъ ея по религіи былъ католикъ, а по чувствамъ и ранамъ,—русскій вѣрноподданный. Онъ находился въ военной службѣ 15, а въ гражданской 14 лѣтъ. Украшенный орденами, израненный и изувѣченный, онъ скончался въ 1837 году оставя жену и шестерыхъ дѣтей рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію.

По смерти маіора Козакевича жена его просила о назначеніи ей пенсіона; но комитетъ о раненыхъ отозвался что какъ мужъ ея скончался не отъ послѣдсвій полученныхъ имъ ранъ, то комитетъ не находитъ себя вправѣ ходатайствовать о назначеніи ей съ дѣтьми пенсіи, а министерство внутреннихъ дѣлъ на просьбу ея отвѣчало что какъ маіоръ Козакевичъ былъ избавленъ отъ суда силою манифеста, то *не только пенсіи, но и единоврехеннаго пособія нельзя ей получить, какъ вдовѣ чиновника, умершаго внѣ службы.*

Въ этомъ безвыходномъ положеніи осиротѣвшая вдова всюду бросалась, умоляла о помощи. Всѣ соболѣзновали о ней, но никто не принялъ въ ней дѣятетьнаго участія; наконецъ ей посовѣтовали обратиться съ просьбою къ мѣстному жандармскому штабъ-офицеру, который, забравъ подробныя справки какъ вообще о службѣ покойнаго маіора Козакевича, такъ и о дѣлахъ, по которымъ онъ подлежалъ суду, убѣдился, что по служенію Козакевича минскскимъ полицiймейстеромъ, онъ дѣйствительно подвергся суду—вмѣстѣ съ прочими членами полиціи и магистрата—три раза—за выданные полиціею высокіе цѣны госпитальнымъ припасамъ и одинъ—за медленность взысканія съ смотрителя госпиталя Шутѣева 347 рублей ассигнаціями, но силою манифеста 22 августа 1826 года избавленъ отъ отвѣтственности, по всѣмъ этимъ дѣламъ, отвѣтственности, которая, вѣроятно, ограничилась бы однимъ лишъ незначительнымъ деденежнымъ взысканіемъ, а сіе послѣднее, на основаніи 2 пункта Высочайше утвержденнаго на 2 день декабря 1834 года мнѣнія государственнаго совѣта, не было бы даже внесено въ послужной его списокъ.

Вышеприведенные отзывы министерства внутреннихъ дѣлъ и комитета о раненныхъ показываютъ однакожъ, чего лишилось бѣдное семейство маіора Козакевича, по тому единственно, что самъ онъ пожелалъ избавиться отъ суда по дѣламъ, не заклю-

чавшимъ въ себѣ особой важности и непрепятствовавшимъ ему болѣе 6-ти лѣтъ оставаться при прежней должности и до самой кончины пользоваться пансiономъ за раны по 720 рублей въ годъ.

Это происходило въ то время, когда покойный государь желалъ увѣковѣчить память незабвеннаго въ лѣтописяхъ отечества нашего сраженiя бородинскаго, приготовлялся къ торжественному открытiю памятника въ селѣ Бородинѣ, а какъ Козакевичъ принадлежалъ къ числу бородинскихъ героевъ, и о семействѣ его признано было справедливымъ, не стѣсняясь буквою закона, доложить Государю, который повелѣлъ назначить вдовѣ и дѣтямъ Козакевича 712 р. пенсiи и выдать оную со дня кончины покойнаго.

2. Въ деревнѣ Брилевичахъ въ пяти верстахъ отъ Минска, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, мирно доживалъ вѣкъ свой 83 лѣтнiй старецъ, отставной полковникъ Тольсдорфъ, особенно примѣчательный тѣмъ, что онъ первый, по присоединенiи западнаго края къ Россiйской державѣ, вступилъ въ военную службу нашу.

Изъ бумагъ Тольсдорфа видно, что онъ вступилъ въ службу кадетомъ въ кiевскiй драгунскiй полкъ въ 1792 году и, вѣрный присягѣ, черезъ два года дрался уже противъ возмутившихся собратiй своихъ, поляковъ, подъ Вильною, Виникомиромъ и Видзами (1794 года); съ того времени Тольсдорфъ участвовалъ съ полкомъ во всѣхъ военныхъ дѣйствiяхъ; подъ Бородиномъ, въ чинѣ маiора, остался самъ третiй и командовалъ полкомъ до окончанiя отечественной войны, а 1 марта 1816 года, за болѣзнiю, уволенъ отъ службы полковникомъ, съ мундиромъ и съ опредѣленiемъ на инвалидное содержанiе.

Тольсдорфъ прослужилъ только 24 года, но служба его ознаменована была длиннымъ рядомъ отличiй, а именно: за усердiе, распорядительность, мужество и примѣрную храбрость онъ разновременно удостоился получить ордена: св. Владимiра 4 ст. съ бантомъ, св. Анны 2 ст. съ брилiантами; прусскiй за заслуги двѣ золотыя сабли, изъ коихъ, въ замѣнъ послѣдней, награжденъ Высочайшимъ благоволенiемъ. Сверхъ того за особый геройскiй подвигъ, заключавшiйся въ томъ, что Тольсдорфъ, 15 августа 1813 года, въ Силезiи, съ двумя эскад-

ронами драгунъ, врубился въ непріятельскую пѣхоту, взялъ одно орудіе и 98 человѣкъ въ плѣнъ, онъ удостоился получить орденъ св. Георгія 4 ст., а полкъ, въ его командованіе, получилъ на киверѣ надпись: „за отличіе“ и Георгіевскіе знамена.

Состояніе Тольсдорфа заключалось въ деревнѣ Бриловичахъ съ 37 душами, на которыхъ долгу въ Минскомъ приказѣ было до 2000 р., а инвалидное содержаніе, или выслуженная пенсія, состояла изъ 4 р. 39 к. въ мѣсяцъ.

Умалчивая о томъ, кѣмъ и какъ доведено было до свѣдѣнія покойнаго Государя о затруднительномъ положеніи заслуженнаго героя, скажу только, что 11 іюля 1851 года за № 5450, дано было знать предсѣдателю минской казенной палаты, что Тольсдорфу, ни о чемъ не просившему Государя, всемилостивѣйше пожаловано въ пособіе 1000 руб.

Единственною наслѣдницею была дочь брата его, жена помѣщика вилейскаго уѣзда Козелло, *два сына котораго, покомандоватіе въ 1863 году шайками* мятежниковъ, *убиты* близь Дошицъ *въ схаткахъ съ русскими.*

Еслибъ Тольсдорфъ былъ еще въ живыхъ, онъ конечно не пережилъ бы такого ужаснаго позора!

3. Около 4-хъ по полудни, 25 іюня 1868 года, собрались минчуки въ ресурсовой залѣ праздновать день рожденія Государя. Пока поджидали архіепископа Никанора и губернатора князя Давыдова, зашла рѣчь о внезапной кончинѣ частнаго пристава Андрея Т., оставившаго вдовѣ пятерыхъ сыновей и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна только старшая, съ грѣхомъ по поламъ, кончила курсъ ученія въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, служила гувернаткой, а на всѣхъ остальныхъ нашлось капитала 50 копѣекъ.

Русскій кружокъ служащихъ, не долго разсуждая, тутъ-же открылъ подписку въ пользу сиротъ. Доброму примѣру послѣдовали всѣ наличные аристократы и къ концу обѣда собрано было до 400 руб.

Дѣло это не было однакожъ счастливымъ послѣдствіемъ минутнаго порыва состраданія. Напротивъ положеніе бѣднаго семейства привлекло къ себѣ полное вниманіе и горячее участіе всего русскаго общества, стараніями котораго одинъ изъ сыно-

вей Т. определенъ былъ юнкеромъ въ армію, другой помѣщенъ въ Полоцкій кадетскій корпусъ, третій въ Аудиторское училище, за четвертаго, отданнаго въ гимназію, обязалось платить содержателю общей квартиры, а дочь отвезена была въ полтавскій институтъ, такъ, что на рукахъ вдовы, получившей небольшую пенсію, остался одинъ только 4-хъ лѣтній сынъ, Станиславъ, котораго она отвезла въ Петербургъ и отдала на полное попеченіе ксендзовъ доминикановъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что покойный Т. происходилъ изъ Минскихъ мѣщанъ православнаго исповѣданія, какъ это видно изъ дѣлъ Казенной Палаты и Консисторіи. Начавъ службу съ писца Губернскаго Правленія, онъ дошелъ до званія частнаго пристава. На этомъ мѣстѣ получилъ орденъ Св. Станислава 3 ст., а съ нимъ, по прежнимъ правиламъ, и потомственное дворянство.

Въ то время православные были не въ модѣ (ксендза плебана потшеба для пана, а попа едыне для хлопа (1). Для свободнаго перехода изъ православія въ католицизмъ существовалъ мостъ, построенный іезуитами въ 1595 году, извѣстный подъ именемъ уніи, возвратившейся въ нѣдра православія только въ 1839 году. Мудрено-ли, что и нашъ кавалерственный приставъ, со всѣмъ его потомствомъ, успѣлъ отложиться отъ православія и попасть въ польскіе паны?

Какая участь постигла бы дѣтей покойнаго Т., еслибъ правительство не приняло въ нихъ теплаго участія, рѣшить трудно. Извѣстно только, что Полтавская институтка въ замужествѣ за русскимъ офицеромъ и счастлива вполнѣ; изъ четырехъ старшихъ сыновей Т., состоящихъ на службѣ, двое въ орденахъ и занимаютъ видныя мѣста; мать ихъ давно скончалась, а пестунъ ея, меньшой сынъ, Станиславъ, обязанный образованіемъ ксендзамъ—доминиканамъ, окончивъ съ успѣхомъ курсъ медицины въ Московскомъ университетѣ, былъ опредѣленъ городовымъ врачемъ въ городъ Д. и въ первые же дни ксендзовскаго-шляхетскаго возстанія, очутился въ шайкѣ мятежниковъ!

Чувствовало-ли сердце доброй матери, какую участь готовитъ она невинному малюткѣ, ввѣряя его будущее попеченію ксендзовъ

(1) Приходскаго ксендза нужно для пана, а попа только для холопа.

благотворителей?!!! Какая участь, повторяю, постигла бы и остальныхъ членовъ этой семьи, если бы и они воспитаны были въ духѣ, враждебномъ Правительству?

4. Въ Іюнѣ 1839 года, около полудня, часть арестантовъ работали въ огородѣ, принадлежащемъ Минскому острогу. Конвойные довѣрчиво дремали, опершись на ружья. Вдругъ одинъ изъ арестантовъ бросился бѣжать вмѣстѣ съ тремя конвойными, оставившими ружья и аммуницію (одинъ изъ солдатъ былъ вольно опредѣлившійся князь Гедройцъ 19 лѣтъ). Въ погоню за ними кинулись человѣкъ пять караульныхъ, которымъ съ ружьями трудно было настичь бѣглецовъ, скрывшихся вскорѣ въ подгородномъ лѣсу помѣщика Неморшанскаго; но едва бѣглецы достигли чащи лѣса, какъ на опушкѣ его показалась фигура женщины, которая движеніемъ рукъ торопила приближавшихся солдатъ и показывала имъ направленіе, по которому уходили бѣглые.

Оказалось, что прежде, чѣмъ конвойные достигли лѣса, арестантъ-разбойникъ успѣлъ броситься съ ножемъ на помогавшую конвойнымъ женщину (католичку Шумелеву, дочь русскаго солдата) и что послѣдняя, защищаясь нанесла разбойнику попавшеюся подъ руку костью смертельную рану въ лобъ.

Закипѣло слѣдствіе. Шумелеву засадили въ острогъ, какъ убійцу. Двухъ бѣглыхъ солдатъ поймали, а его сіятельство князь Гедроицъ, бывшій ученикъ Виленской католической семинаріи, измученный голодомъ, изволилъ явиться самъ.

Чрезъ двѣ недѣли Шумелева вышла изъ острога съ присланными ей отъ Государя ста рублями и серебряною медалью на груди съ надписью „за усердіе“.

Не доказываютъ-ли единичные случаи эти, подобныхъ которымъ можно бы привести множество, что въ каждомъ состояніи легко оказать услугу Правительству и что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ?

Богъ высоко, а Царь далеко, говоритъ пословица. Вотъ почему необходимо, чтобы каждый изъ насъ, Русскихъ, куда бы судьба ни забросила его, хотя бы за Байкалъ, старался *освѣщать темные предметы*, для того, *чтобы они ясно видны были издали*.

Ограничиваясь на этотъ разъ пришедшими мнѣ на память

безъискуственными разсказами нетребующими никакихъ коментарій, желаю отъ души, чтобы они послужили въ пользу здѣшнихъ уроженцамъ, которымъ не мѣшало бы внушать дѣтямъ ихъ, что Правительство Русское столько же умѣетъ карать преступленіе, сколько цѣнить истинную заслугу подданнаго, на какомъ бы то ни было поприщѣ его честной дѣятельности.

А. Ламачевскій.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Населеніе Западнаго края России.

Литовское племя въ Западномъ краѣ отдѣляется отъ русскаго длинною, но не широкою безплодною полосою, которая отъ сѣверо-востока, отъ Люцина, между Рѣжицею и Себежемъ, тянется къ юго-западу, къ Друйску на Двинѣ, а отъ Двины идетъ между Свенцянами и Вилейкою, между Вильною и Ошмянами, между Троками и Лидою на Меречь, Гожу и Друзгеники, затѣмъ между р. Ротничанкой и Даушовкою къ Нѣману до Гродны (почти по линіи желѣзной дороги); отсюда съ востока идетъ къ западу между р. Боброй и прусскою границею, и, наконецъ, отъ Сувалокъ и Сейна прямо къ югу до р. Визны или до гг. Щучина и Радивова. Ни русскіе, ни литовцы какъ будто не рѣшались вступать въ эту полосу и селиться на ея тощей почвѣ; не рѣшились и переступать черезъ нее. Только по берегамъ большихъ рѣкъ—Двины, Виліи и Нѣмана—переходили черезъ эту границу оба племени и подвигались русскіе на западъ въ Литву, а литовцы на востокъ въ Русь. Оттого на берегахъ этихъ рѣкъ и встрѣчается смѣшанное населеніе литовско-русское. По р. Виліи въ окрѣстностяхъ Друкшты и Ворняны есть селенія, въ которыхъ говорятъ и по русски, и по литовски, но никакъ не по польски. Другимъ пунктомъ, гдѣ оба племени перемѣшивались между собою, служила цѣпь озеръ, по которой черезъ песчаную степь перешли русскіе къ литовцамъ, а литовцы къ русскимъ. Но вообще отъ этой узкой и длинной полосы къ востоку живетъ племя русское сплошное и почти сплошь пра-

вославное, а къ западу—литовское и, кромѣ рѣдкихъ исключеній, 'католическое. Русскіе католики, разбросанные между сплошнымъ православнымъ населеніемъ, охотно возвращаются въ православіе, и ничуть не жалѣютъ о передѣлкѣ костеловъ въ православныя церкви. Между ними еще живо сохранились преданія о томъ, что вѣрою ихъ предковъ было православіе. Притомъ же, большинство населенія въ настоящее время держится православія. Нѣтъ не только селенія, но даже крестьянскаго семейства—чисто-католическаго вѣроисповѣданія. Даже въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ большинство—католики, что впрочемъ, довольно рѣдко,—и тамъ въ каждой почти семьѣ есть православные члены, или отецъ, или мать, или кто нибудь изъ дѣтей. Не то къ западу отъ отъ этой полосы. Тамъ населеніе крѣпко отстаиваетъ свое католическое исповѣданіе. Исключенія есть, но они незначительны. За Нѣманомъ въ Сувалковской губерніи литовское племя смѣшалось съ польскимъ, а по р. Бугу, Бобру, Нареву само польское племя столкнулось и смѣшалось съ русскимъ.

Общее число жителей на всей плащади отъ Днѣпра и Сожи до Вислы, до устья Нарева и притока его Оржица, до Лыка и прусской границы, и, наконецъ, до Балтійскаго моря, и отъ Псковской и Смоленской губерній до Днѣстра и Бессарабіи составляло къ 1868 году до 14 миліон. душъ обоего пола (13 976 971). Русскихъ въ этомъ числѣ до 8.800,000 душъ; латышей, литовцевъ и жмудяковъ — 1.963,801; поляковъ 1.388,318; нѣмцевъ 139,668; караимовъ и татаръ 9,492; евреевъ 1.675.692. Итакъ, русское населеніе составляетъ 64% литовцы и жмудь 14_{25}% поляки 8_{51}%; евреи 12_{14}%; нѣмцы 1_{08}%; караимы и татары $0_{,07}$% Русскіе литовцы вмѣстѣ составляютъ 78 $_{25}$%.

Въ числѣ 8.800,000 д. русскихъ православныхъ между ними считается до 7.420,000 д.; старообрядцевъ до 134,000; уніатовъ до 246,000, католиковъ до 1,000,000 душъ. Между сплошнымъ русскимъ населеніемъ, точно также, какъ и между сплошнымъ литовскимъ, поляки разселились колоніями, околицами, хуторами или фольварками. Къ востоку эти поселенія становятся все рѣже и рѣже. Въ Могилевской губерніи они составляютъ уже не болѣе 1% изъ общаго милліонаго числа жителей.

Но по цѣпи озеръ, огибающихъ балтійское побережье, русское населеніе проникло даже въ Пруссію, отъ Лыка и Сувалокъ до Вислы. Замѣчательно, что великорусское племя поселилось только по озерному пространству узкою полосою, до 60 верстъ въ ширину и до 200 въ длину. Это видно по однимъ названіямъ селъ и деревень, изъ которыхъ многія остались доселѣ съ русскимъ названіемъ; названія другихъ измѣнены, но не въ корнѣ слова, а только—*енъ* (en, по нѣмецки). Изъ названія перваго рода на Шубертовской картѣ можно видѣть слѣдующія: Липнякъ (3 раза), Пивница (2 раза), Иванки (2 раза), Калитка Орловка, Осташево, Щука, Островъ и мн. др. Много и передѣланныхъ названій. Таковы: Дроздовенъ, Бараненъ, Высокенъ Калиновенъ, Голубенъ, Соболенъ Каменкенъ и т. д. Все это—селенія старообрядцевъ, выселившихся изъ Россіи. И въ Сѣверозападномъ краѣ старообрядцы почти исключительно разселились по цѣпи озеръ отъ Витебска и Сѣнна на Ново-александровскъ, Троки, Сувалки, Августовъ и Лыкъ. Въ сторонѣ отъ цѣпи озеръ ихъ или совсѣмъ нѣтъ, или очень мало—отъ 50 до 500 душъ обоего пола на уѣздъ, тогда какъ въ уѣздахъ, обильныхъ озерами, ихъ отъ 2 до 20 тысячъ душъ. Исключеніе составляетъ только Гомельскій уѣздъ, въ которомъ старообрядцевъ до 14 тысячъ, хотя въ немъ нѣтъ озеръ.

Населеніе Сѣверо-западнаго края не одинаково по своему благосостоянію. Бѣдность и худоба бѣлорусса бросаются въ глаза при первомъ взглядѣ на него. Православные бѣлоруссы отъ Вилейки и Гродны до р. Сожа—самое бѣдное населеніе Сѣверозападнаго края. Какъ не взраченъ и хилъ самъ бѣлоруссъ, такъ же не хорошо и его хозяйство. Домишко у нево—низенькій, маленкій, съ узскими, небольшими окнами. Упряжъ у него то же плоха: колеса согнуты изъ березы неправильно, шинами не обованы, тонкія и непрочныя, дуги и оглобли то же тонкія и ненадежныя; большихъ тяжестей такая сбруя, конечно, не вынесетъ. Причиною такой бѣдности и изнуренія бѣлорусса служитъ плохая почва и гнилой климатъ занимаемой имъ мѣстности. Кромѣ того, весьма много конечно, значили и притѣсненія, какія выпали на долю православныхъ хлоповъ со стороны католиковъ—паповъ. Въ слѣдствіе этого-то изнуренія ни бѣлоруссъ, ни полѣшукъ не устояли противъ насилій поляковъ, и не отразили

полонисма съ тою твердостію, какъ могучіе малороссы, взлелѣянные благодатною приднѣпровскою и запорожскою природою. Впрочемъ, теперь бѣлоруссы и полешуки быстро поправляются и въ своемъ внѣшнемъ видѣ, и въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Котолическое населеніе Сѣверозападнаго края вообще, повидимому, исправнѣе и довольнѣе; это, конечно и отъ того, что оно (литовцы, латыши, жмудь и мазуры) ближе къ морю, чѣмъ бѣлоруссы, и, значитъ, ему больше выгодъ приносило его земледѣліе, а также и отъ того, что католики-паны, были къ нему снисходительнѣе и, какъ единовѣрцы, меньше угнетали и стѣсняли его. На прекрасной ковенской почвѣ жмудякъ и литвинъ, а въ западной половинѣ Гродненской губерніи мазуръ, часто даже зажиточны и по наружности здоровы и веселы. У литвиновъ сбруя на лошадяхъ крѣпкая; колеса согнуты надежно и правильно и обтянуты шинами; лошади чисты и крѣпки, хотя и небольшаго роста.

Но всѣхъ зажиточнѣе, красивѣе выше ростомъ и дороднѣе — великоруссы православные и старообрядцы. Онѣ кажутся красавцами среди мѣстнаго населенія, сравнительно съ бѣлоруссомъ и литвиномъ, полѣшукомъ и мазуромъ. Замѣчательны отношенія здѣшнихъ великоруссовъ къ остальнымъ мѣстнымъ племенамъ. Они не только не роднятся съ бѣлоруссами, литовцами, поляками и другими, не только не берутъ себѣ женъ изъ этихъ племенъ и не выдаютъ къ нимъ своихъ дѣвицъ, даже избѣгаютъ знакомствъ и всякихъ сношеній съ ними. Иные торговцы изъ великоруссовъ ведутъ въ краѣ дѣятельную и постоянную торговлю, но въ прикащики и коммиссіонеры по торговлѣ, въ «молодцы» — никогда не возьмутъ къ себѣ изъ «тутѣйшихъ», хотя бы купецъ прожилъ въ одномъ городѣ лѣтъ 20-ть, и, слѣдовательно, могъ узнать благонадежнымъ людей изъ другаго племени. Впрочемъ, прислугу и чернорабочихъ часто нанимаютъ они изъ мѣстныхъ жителей. Дѣло въ томъ, что великоруссы считаютъ бѣлоруссовъ и литовцевъ людьми мало толковыми и плохими работниками, сравнительно со своими великорусскими земляками и землячками; а бывшая шляхта и горожане, по ихъ мнѣнію, слишкомъ избалованы и неблагонадежны. Въ Западномъ краѣ нѣтъ ни одного губернскаго и хорошаго уѣзднаго города, въ которомъ не было

бы двухъ-трехъ торговцевъ изъ ковровцевъ. У каждаго изъ нихъ есть человѣкъ пять, шесть сидѣльцевъ въ лавкахъ, непремѣнно изъ своихъ же. Не бывало еще случая, чтобы кто нибудь изъ этихъ людей женился на мѣстной дѣвушкѣ. При этомъ не нужно забывать, что эти же самые офени и торговцы, кузнецы и каменщики изъ великоруссовъ охотно женятся на малороссіянкахъ и на казакахъ донскихъ и уральскихъ, на сибирячкахъ, даже на крещеныхъ колмычкахъ. Русскіе купцы въ Западномъ краѣ вообще продаютъ свои товары не дороже, чѣмъ евреи и др. Но по субботамъ, когда евреи не открываютъ своихъ лавокъ, русскіе отпускаютъ съѣстные припасы и прочіе товары процентовъ на пять выше обыкновеннаго. Нѣмцы, живущіе въ краѣ, охотнѣе покупаютъ все не у русскихъ, а у евреевъ.

Въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія есть лица, которыя глубоко и страстно ненавидятъ поляковъ и евреевъ, ненавидятъ отъ всей души, съ болью и наслажденіемъ. Такое озлобленіе понятно; стоитъ и вспомнить сколько униженія, жестокостей и несправедливости вынесли первые отъ послѣднихъ; эта ненависть передается отъ отца къ сыну; дитя всасываетъ ее въ себя, вмѣстѣ съ молокомъ своей матери. Такой ненависти незамѣтно сперва въ людяхъ, вновь пріѣзжающихъ въ Западный край изъ Великоруссіи или Малороссіи, особенно въ образованныхъ русскихъ чиновникахъ и военныхъ, прибывающихъ въ край съ гуманными понятіями о равноправности племенъ и вѣроисповѣданій. Но страстное ожесточеніе мѣстнаго православнаго населенія противъ поляковъ и евреевъ скоро передается и этимъ пріѣзжимъ. Въ этомъ отношеніи характеристиченъ слѣдующій фактъ. Въ 1861—1864 г. такъ называемыя польки не желали выходить замужъ за русскихъ, какъ «москалей». Теперь роли перемѣнились. Теперь русскіе весьма неохотно женятся на полькахъ Сѣверозападнаго края, а сами польки очень и очень не прочь отъ того, чтобы выйдти замужъ за русскаго. Вообще многіе изъ великоруссовъ и малороссовъ теперь такъ скучаютъ тамъ, что объ томъ только и думаютъ, какъ бы имъ вырваться изъ этого края. А между тѣмъ, многіе изъ такихъ занимаютъ видныя мѣста съ хорошимъ содержаніемъ. Иные, конечно, спиваются. Нельзя не замѣтить и того, что нѣкоторые, въ ревности

къ обрусенію края, дозволяютъ себѣ поступки, оскорбительные для мѣстнаго населенія.

Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ въ Западномъ краѣ начали измѣняться прежнія отношенія сельскаго населенія къ городскому. Освободившись отъ крѣпостной зависимости, сельское земледѣльческое населеніе теперь старается стать въ независимость отъ евреевъ, которые составляютъ господствующій городской элементъ. Еврей теперь не скоро скупитъ у крестьянина, за полцѣны и меньше, его трудъ и имущество, не возьметъ съ него сотенныхъ процентонъ, не вдругъ закабалитъ его въ работу. Прежде это было сплошь, да рядомъ. Тѣснимый нуждою и паномъ, крестьянинъ въ былое время легко становился въ зависимость отъ еврея, потому что только тотъ могъ ему помочь,—конечно, на время. Теперь крестьяне больше прежняго обезпечены отъ нужды, и потому свободнѣе располагаютъ собою и своими достатками; въ нуждѣ ищутъ помощи больше у своихъ сосѣдей. Оттого, городское торговое населеніе (даже христіане) сѣтуютъ на освобожденіе крестьянъ: паны, говорятъ они, раззорились, а съ ними пала-де и торговля, на примѣръ, въ кондитерскихъ, гостинницахъ и проч. Конечно, крестьянинъ еще мало закупаетъ для себя городскихъ товаровъ, и вовремя базаровъ, кромѣ корчмы не заходитъ ни къ какимъ торговцамъ. Понятно, почему евреи (и даже образованнѣйшіе изъ нихъ) не сочувствуютъ реформамъ, особенно земской и судебной: имъ нельзя по прежнему, разными темными путями, устраивать свои дѣлишки, особенно по подрядамъ, которые перешли къ земству.

Вообще простонародье въ Сѣверозападномъ краѣ—всѣхъ племенъ и вѣроисповѣданій—чрезвычайно невѣжественно. Все ихъ образованіе ограничивается кое-какими знаніями религіозными, конечно, самыми элементарнѣйшими. На практикѣ это невѣжество въ средѣ католическаго и еврейскаго населенія выразилось въ совершенномъ нравственномъ закрѣпощеніи тѣхъ и другихъ ихъ духовными наставниками, которые обыкновенно развиваютъ въ своихъ духовныхъ дѣйствіяхъ фонатисмъ. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе ксендзовъ на католиковъ и раввиновъ на евреевъ—чрезвычайное. Совѣты и наставленія ксендза католикъ-простолюдинъ часто ставитъ выше гражданскаго закона. Для евреевъ тоже значитъ приказаніе раввина. И тѣ, и другіе часто только

по этимъ указаніямъ, опредѣляютъ свои отношенія къ своимъ сосѣдямъ, отличающимися отъ нихъ происхожденіемъ или вѣроисповѣданіемъ. Въ православномъ простонародіи незамѣтно такого господства духовныхъ отцевъ. Нужно замѣтить, что западно-русскіе православные священники для своихъ прихожанъ изъ поселянъ гораздо не доступнѣе чѣмъ велокорусскіе священтики. Не отъ того ли это, что западно-русскіе священники не могутъ забыть что они не отъ народа и не изъ народа? Къ тому же располагаютъ и знакомство ихъ съ панами и примѣръ ксендзовъ. А ксендзы—паны, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ прежде всего имѣютъ въ виду интересы панства, и только панства, въ ущербъ интересамъ прочаго населенія. Они во все вмѣшиваются, даже и въ политику.

Въ отношеніи движенія народонаселенія, Западный край замѣтно раздѣляется на три полосы. Первая изъ нихъ, въ которой население значительно увеличивается, занимаетъ обширное полѣсье въ долинахъ Березины, Припети и средняго теченія Днѣпра, съ Борисовскаго уѣзда до Кіева и Житоміра, а отъ востока, съ Гомельскаго и Кіевскаго уѣздовъ, простирается на западъ до Брестъ-Литовскаго уѣзда. Другая полоса, тоже съ замѣтно увеличивающимся населеніемъ, занимаетъ также обширную площадь на крайнемъ западѣ края съ латышскихъ уѣздовъ Витебской губерніи по Грубешовскій—Люблинской, по Западной Двинѣ, Виліи, Нѣману, Бугу, Нареву и Вепрю. Въ третьей полосѣ слабое увеличеніе населенія. Она идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ между двумя первыми полосами отъ русскихъ уѣздовъ Витебской губерніи на Десну и Вилейку, Свѣнцяны и Ошмяны, на Гродну, Соколку, Бѣлостокъ до Буга. Она занимаетъ верхнія части бассейна западной Двины, Виліи, Нѣмана и Нарева и въ срединѣ немного прерывается уѣздами Лидскимъ и Волковыскимъ, въ которыхъ замѣчается значительное приращеніе населенія и которые по этому соединяютъ собою разобщенныя двѣ первыя полосы. Въ первой изъ этихъ полосъ населеніе сплошное русское, православное, а во второй—западной—населеніе сплошное литовское, католическое. Въ теченіе десятилѣтія послѣ десятой переписи, населеніе въ обѣихъ этихъ полосахъ увеличилось отъ $8_{,99}$% до 27% или отъ $0_{,99}$ до 3% ($2_{,95}$%) на одинъ годъ, между тѣмъ какъ въ третьей,

средней полосѣ населеніе или увеличилось только отъ 0,06% до 0,96 на годъ, или даже уменьшилось. Впрочемъ, слабую прибыль или даже убыль населенія можно замѣтить и на восточной окраинѣ первой указанной нами полосы, а также отчасти и въ южной окраинѣ полѣсья. Это можно объяснять выселеніемъ отсюда многихъ евреевъ съ семействами въ великорусскія губерніи.

Населеніе больше увеличивается тамъ, гдѣ почва и климатъ лучше и экономическія выгоды больше и разнообразнѣе. Такъ, на югѣ въ черноземной полосѣ или на сѣверозападѣ въ Ковенской губерніи. Въ самыхъ плодородныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи, Шавельскомъ и Поневѣжскомъ, и увеличеніе самое большое (20% и 26,15%) Между тѣмъ, въ мѣстностяхъ песчано-каменистыхъ съ дурною почвою—въ уѣздахъ: Вилкомірскомъ, Новоалександровскомъ и Тельшевскомъ—и приращеніе населенія самое слабое (4,39%; 7,59%; 10% на девять лѣтъ). Но въ послѣднемъ, какъ приморскомъ, больше торговыхъ и промышленныхъ удобствъ, чѣмъ въ первыхъ двухъ. Отъ того въ немъ населеніе все-таки прибыло въ два раза больше, чѣмъ въ первомъ изъ нихъ, и въ полтора раза больше, чѣмъ во второмъ.

Но одними экономическими условіями нельзя объяснять разностей въ приращеніи населенія. Приращеніе бываетъ слишкомъ неравномѣрно иногда въ смежныхъ уѣздахъ съ одинаковыми условіями по климату, почвѣ и промышленности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить болотистые уѣзды полѣсья—Пинскій съ Мозырскимъ и Бобруйскимъ. Въ Пинскомъ, всего больше удобномъ для промышленности, населеніе увеличивается только на 0,09% въ годъ, между тѣмъ какъ въ Мозырскомъ и Бобруйскомъ до 2,45% въ годъ. Точно также въ уѣздахъ Городненскомъ, Соколкинскомъ, Бѣлостокскомъ и Бѣльскомъ прибыло въ годъ отъ 0,09% до 0,46%, а рядомъ съ нимъ въ восточныхъ уѣздахъ Волковыскомъ, Лидскомъ, Слонимскомъ, Пружанскомъ и Брестскомъ, гдѣ меньше промышленныхъ удобствъ и едва ли не хуже земля, прибыло, однако, отъ 1,09% до 2,54%; въ западныхъ же губерніяхъ съ каменистою почвою—въ Сувалковской и Ломжинской—прибыло 1,96%. Или, вотъ еще примѣръ: въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ прибыло въ

теченіе девяти лѣтъ 19,39%, т. е. по 2,16% на годъ, а рядомъ съ ними въ Волынской только 6,4%, т. е. по 0,17% даже въ Кіевской губерніи прибыль составлялась только по 1,15% въ годъ, а въ Подольской по 1,29%, хотя здѣсь всѣ жизненныя условія гораздо лучше.

Другимъ факторомъ, опредѣляющимъ движеніе народонаселенія, прибыль и убыль его, служитъ племенной и вѣроисповѣдной составъ самаго населенія. На черноземахъ какъ на востокѣ въ полѣсьѣ, такъ и на югѣ, гдѣ почти сплошное русское православное населеніе, приращеніе его очень значительно. Тоже замѣчается по нижнимъ частямъ Западной Двины, Виліи, Нѣмена и Нарева, гдѣ сплошное литовское католическое населеніе. За Бугомъ, въ уніатскомъ русскомъ населеніи и за Вепремъ, въ католическомъ польскомъ населеніи, прибыль населенія также весьма ощутительна—до 2% въ годъ. Между тѣмъ, въ полосѣ отъ Нѣмана до Буга, гдѣ очень перемѣшаны племена и вѣроисповѣданія: русскіе, литовцы, поляки и нѣмцы, православные, католики, лютеране и реформаты (въ уѣздахъ Гродненскомъ, Сокольскомъ, Бѣлостокскомъ и Бѣльскомъ, а также въ Свѣнцянскомъ, Ошмянскомъ др.), и вообще въ мѣстностяхъ, гдѣ столкнулись и перемѣшались православное и католическое населеніе,—тамъ вообще приращеніе населенія слабое. Тоже замѣтно по Бугу, на рубежѣ уніатскаго населенія съ православнымъ, въ уѣздахъ Заславскомъ, Владимірскомъ, Луцкомъ и Кременецкомъ. Въ послѣднихъ двухъ даже убыль. Не оттого ли это, что племенной и религіозной фанатисмъ удерживаютъ отъ вступленія въ бракъ лицъ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ и не позволяютъ имъ даже безбрачнаго сожитія по сердцу? Мы уже указывали на фактъ, что въ послѣднее повстанье въ Западномъ краѣ католички не желали выходить замужъ за православныхъ. Притомъ же ксендзы неблагословляли подобныхъ браковъ. Но затрудняя вступленіе въ бракъ, религіозный и племенной фанатисмъ стѣснялъ и экономическія отношенія населенія. Онъ не только не вызывалъ народа ко взаимной помощи и подержкѣ, а напротивъ побуждалъ враждебно относиться къ быту иновѣрца или иноплеменника и стараться—подорвать его. Оттого, конечно, упадалъ общій уровень благосостоянія населенія, а естественнымъ послѣдствіемъ бѣдности и нищеты населенія служитъ слабый приростъ его.

Вообще въ обширной площади Западнаго края въ періодъ времени съ 1859 по 1867 годъ населеніе увеличилось на 10,34%, т. е. по 1,15% на годъ. По десятой переписи тамъ числислось 12,668,000 душъ обоего пола, а къ 1868 году считалось до 14 милліоновъ душъ, именно 13,976,971, т. е. на 1,309,000 болѣе. Но увеличеніе населенія произошло не только отъ дѣйствительнаго приращенія населенія, а и отъ болѣе точнаго исчисленія, введеннаго особенно въ сѣверо-западномъ краѣ съ 1864 года. Извѣстно, что еврейское населеніе по 10 переписи было показано на 40% меньше. Въ слѣдствіе этого, въ общемъ выводѣ приращеніе населенія выходило на 3,67% меньше, чѣмъ было въ дѣйствительности. Такимъ образомъ дѣйствительная прибыль населенія послѣ 10 переписи составляетъ на самомъ дѣлѣ не болѣе 6,67%. т. е. на 0,75% въ годъ.

Приращеніе населенія въ Западномъ краѣ, а особенно въ Полѣсья, представляется фактомъ весьма утѣшительнымъ. Въ періодъ времени съ 1795 до 1858 года (до 10 переписи) населеніе Полѣсья отъ Бреста до Днѣпра замѣтно убывало въ слѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, а еще больше въ слѣдствіе крѣпостнаго права и еврейскаго гнета. Эта убыль простиралась отъ 0,03 до 0,04% на годъ. Въ періодъ времени съ 1835 по 1859 годъ убыль простиралась по нѣкоторымъ уѣздамъ даже до 0,37% на годъ, а по всей Минской губерніи до 0,09% на годъ. Самая прибыль въ иныхъ полѣсскихъ уѣздахъ очень незначительна—0,05, 0,08 или 0,19 на годъ. Но съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости населеніе Полѣсья до 1868 года прибыло уже на 15%, т. е. по 1,67% на годъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, на примѣръ, въ Борисовскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ, увеличеніе населенія доходило даже до 21,5%, т. е. по 2,39% на годъ. Слѣдовательно, и на Полѣсьи не климатъ и не почва главнымъ образомъ задерживали естественное размноженіе населенія, а больше всего крѣпостной бытъ его.

Густота населенія въ Западномъ краѣ соотвѣтствуетъ производительности почвы и торговымъ выгодамъ мѣстности. Вообще земли болѣе производительныя гуще и населены. На южныхъ плодородныхъ черноземахъ населеніе плотнѣе, чѣмъ на сѣверной нечерноземной полосѣ песчасно-болотистаго Полѣсья

и песчанокаменистомъ озерномъ пространствѣ, населеніе рѣже даже на плодородномъ суглинистомъ кряжѣ горъ между Нѣманомъ и Западною Двиною. На земляхъ съ одинаковыми свойствами и производительностію населеніе гуще тамъ, гдѣ мѣстность даетъ больше выгодъ и удобствъ жизни.

Въ нечерноземной полосѣ населеніе съ востока на западъ распредѣлилось въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ Полѣсьи самое рѣдкое населеніе въ самой глубинѣ Полѣсья, въ долинѣ Припети (не болѣе 500 на квадр. милю). По мѣрѣ удаленія отъ Припети и улучшенія почвы, населеніе становится гуще. Самое густое расположено на плодородномъ водораздѣлѣ, составляющемъ границу Полѣсья (до 1,500 на квад. милю).

Въ нечерноземныхъ площадяхъ населеніе рѣже тамъ, гдѣ земли тощѣе и ближе расположены къ хлѣбороднымъ черноземамъ, какъ въ долинѣ Припети. Напротивъ, гуще тамъ, гдѣ земля лучше, или гдѣ земли, хотя очень посредственны и даже тощи, но, по крайней мѣрѣ, больше удалены отъ хлѣбородныхъ мѣстностей и ближе къ портамъ, а слѣдовательно, гдѣ цѣны на хлѣба выше и обмѣнъ ихъ на прочія произведенія выгоднѣе.

На черноземахъ, какъ напр. на кіевскомъ, наиболѣе выгодно расположенномъ къ сбыту и обмѣну своихъ произведеній по днѣпровской системѣ къ сѣверу и югу—населеніе самое густое (2,820 на кв. м.). Тоже на подольскомъ черноземѣ, выгодно расположенномъ къ одесскому порту (среднее въ 2,600 на кв. м.). За то на волынскомъ и грубешовскомъ черноземахъ, которые расположены далеко и отъ черноморскихъ и отъ балтійскихъ портовъ и съ ними соединены менѣе удобными путями,—населеніе оказывается менѣе плотнымъ (только 2,300 на кв. милю).

Замѣчательно, что нѣкоторыя мѣстности въ нечерноземныхъ полосахъ, при одинаковыхъ почвенныхъ, климатическихъ и торговыхъ условіяхъ, и притомъ смежныя между собою, представляютъ страшную несоразмѣрность въ населеніи. Есть и другія странности, которыя тоже не легко объяснить. Такъ, одна изъ смежныхъ мѣстностей имѣетъ лучшую почву и климатъ и удобнѣйшіе пути сообщенія, а населеніе въ ней все-таки рѣже, чѣмъ въ сосѣдней мѣстности, пользующейся сравнительно худшими условіями. Такъ, средняя часть Ковенской губерніи имѣетъ

почву сугливистую, болѣе плодородную сравнительно съ песчанокаменистою озерною площадью Сувалковской и Ломжинской губерній. Кромѣ того, Ковенская губернія расположена ближе къ морю и имѣетъ наиболѣе удобные пути сообщенія къ балтійскимъ портамъ рижскому, либавскому и мемельскому, особенно по рѣкамъ Нѣману и Двинѣ. Однако, въ Сувалковской губерніи, которая отъ Ковенской отдѣляется только Нѣманомъ, считается на квадр. милю 2,187 душъ населенія, а въ Ломжинской 2,102 д., или среднимъ числомъ въ обѣихъ 2,150, тогда какъ въ срединѣ Ковенской губерніи, площадь которой равна площадямъ Сувалковской и Ломжинской губерній, взятымъ вмѣстѣ,—приходится не болѣе 1,700 душъ на кв. милю, т. е. на 26% меньше, а на песчанокаменистой площади Тельшевскаго, Вилькомірскаго и Новоалександровскаго уѣздовъ, равной по пространству Сувалковской губерніи, приходится на кв. милю только 1,400 т. е. на 54% меньше.

Еще больше разности въ плотности населенія между Ковенскою губерніею и сосѣдними съ нею прусскими округами, отдѣленными отъ нея только Нѣманомъ и расположенными на земляхъ худшихъ, пещано-каменистыхъ. Въ округахъ Гумбиненъ и Кенигксбергъ, составляющихъ 706 кв. миль почти равныхъ Ковенской губерніи (736,$_{30}$ кв. м.),—на одну квадр. милю приходится (по цифрамъ за одинъ только 1867 годъ) 2,507 душъ; а на всей ковенской площади, какъ тучной, такъ и тощей, приходится только 1,543 души на кв. милю. Такимъ образомъ, населеніе сосѣднихъ прусскихъ округовъ плотнѣе ковенскаго на 32,$_5$%. Въ Лифляндіи и Курляндіи населеніе еще рѣже,—1,200 и 1,300 на кв. м.

Для объясненія этого обстоятельства должно припомнить, что на правомъ берегу Нѣмана, въ Россіи крѣпостное право существовало до 1861 года, а на лѣвомъ, въ Пруссіи, оно уничтожено больше ста лѣтъ назадъ, а въ такъ называемыхъ польскихъ губерніяхъ, по Бугу, Нареву и Нѣману, крестьяне, хотя и безъ надѣла земли, освобождены были лѣтъ за 50 раньше, чѣмъ собственно въ русскихъ губерніяхъ. Такая существенная разница въ бытѣ не могла остаться безъ вліянія на размноженіе населенія. Замѣчательно при этомъ, что въ Ковенской губерніи, въ послѣднее девятилѣтіе со времени осво-

божденія крестьянъ, приращеніе населенія даже значительнѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ прусскихъ округахъ за эти же годы (въ Ковенской 1,67 % на годъ, въ прусскихъ округахъ 1,11 % на годъ), и не много уступаетъ приращенію въ Сувалковской и Ломжинской губерніяхъ (1,96 % на годъ).

Что же касается Остзейскаго края, слабое населеніе его есть послѣдствіе тяжелыхъ отношеній землевладѣльцевъ къ массѣ крестьянскаго и рабочаго населенія.

(Бирж. Вѣд.)

Древній памятникъ въ Брестскомъ уѣздѣ.

Въ мѣстечкѣ Каменецъ-Литовскомъ Брестскаго уѣзда, до настоящей поры сохранилась каменная башня, на обрывистомъ берегу рѣки Лѣсны. Удивительнымъ образомъ время и люди пощадили этотъ замѣчательный памятникъ древней, отдаленной старины русской. Самое названіе мѣстечка, бывшаго нѣкогда городомъ, современно его основанію, только прибавка: «Литовскій», принадлежитъ позднѣйшей польской эпохѣ. Впрочемъ даже у польскихъ древнихъ писателей и географовъ, оно всегда называлось Kamieniec Ruthenikale, т. е. Каменецъ Русскій.

Въ преданіяхъ народныхъ не сохранилось ровно никакихъ слѣдовъ о происхожденіи и назначеніи каменецкой башни. Мѣстные жители привыкли называть ее просто *столбъ*. Если вы спросите кого либо изъ нихъ о томъ, давно ли этотъ столбъ стоитъ тутъ, вамъ отвѣтятъ: «давно; при нашихъ отцахъ и дѣдахъ столбъ этотъ стоялъ точно также, какъ и нынѣ». О происхожденіи и древнемъ назначеніи этой башни, вамъ никто не дастъ отвѣта.

Дѣйствительно, башня составляетъ памятникъ самой отдаленной русской старины; основываясь на сказаніи лѣтописца волынскаго, объ этомъ памятникѣ, извѣстно слѣдующее.

Послѣ Романа галицкаго, земли къ востоку отъ Дрогичина и Мельника и къ Сѣверу отъ Бреста, лежали въ запустеніи 80 лѣтъ. Князь Владиміръ Васильевичъ, прозванный философомъ, княжившій во Владимірѣ—Волынскомъ (съ 1272 по 1289 г.) усердно занялся возобновленіемъ и устроеніемъ разрушенныхъ городовъ и замковъ въ своемъ владимірскомъ кня-

жествѣ. Сознавая необходимость,—обезпечить сѣверные предѣлы своихъ владѣній отъ набѣговъ воинственныхъ ятвяговъ и литовцевъ, Владиміръ Васильевичъ рѣшился построить нѣсколько укрѣпленій съ этой стороны. Къ тому же имѣя обычай, начинать все съ Богомъ онъ взялъ библію и развернувъ ее, попалъ на слово пророка Исаіи: „Духъ Господень на мнѣ..... воздвинутъ и оборонятъ грады пустые“... Это обстоятельство еще сильнѣе укрѣпило его въ добромъ намѣреніи. Въ опустѣлой странѣ онъ велитъ искать выгоднаго мѣста, для постройки укрѣпленнаго города. Съ этою цѣлью послалъ одного изъ своихъ военачальниковъ Олешко, построившаго многіе года еще при жизни отца княжескаго, отыскать удобный пунктъ, приказавъ плыть на лодкахъ, вверхъ по рѣкѣ Лѣснѣ. Такой пунктъ найденъ былъ на берегу этой рѣки, въ 35 верстахъ отъ Бреста, или правильнѣе, Берестья, оба берега рѣки были покрыты обширнымъ глухимъ лѣсомъ, нынѣ и слѣдовъ его не осталось; осмотрѣвъ мѣсто и найдя его вполнѣ удобнымъ, Олешко явился и донесъ о томъ князю бывшему тогда въ Брестѣ; немедленно самъ князь съ боярами отправился на это мѣсто; пунктъ очень ему понравился и онъ приказалъ вырубить лѣсъ, срубить городъ (замокъ, укрѣпленіе) и построить на берегу Лѣсны укрѣпленную башню. Такимъ образомъ, назадъ тому шесть столѣтій получилъ начало нынѣшній Каменецъ съ своею башнею, устоявшею противъ всѣхъ невзгодъ и разрушительной силы времени. „И за Брестьемъ, говоритъ лѣтописецъ, сруби городъ, на пустомъ мѣстѣ, нарицаемомъ Лѣсна и нарече имя ему Каменецъ, за не бысть каменная земля; созда же въ немъ столбъ каменъ, высотой 17 саженей, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань“. Влагочестивый Владиміръ не могъ основать городъ, не построивъ въ немъ церкви, и лѣтописецъ свидѣтельствуетъ: „церковь постави Благовѣщенія Святыя Богородицы и украси 10 иконами златыми, а сосуды скова служебные серебряны, и евангеліе опракосъ оковано серебромъ, апостолъ опракосъ и паромые и сборникъ отца св его тутожъ положи и крестъ воздвизальный“.... Впрочемъ отъ этой церкви не осталось теперь никакихъ слѣдовъ.

Такую же башню потомъ Владиміръ построилъ и въ Брестѣ: „Въ Брестѣ же созда столбъ каменъ, высотою яко и каменец-

кій“, говоритъ лѣтописецъ, но слѣды этой башни совершенно изчезли.

Каменецкая башня вполнѣ сохранилась; круглая, 17 саженей въ высоту и 16 саж. въ окружности, она представляетъ и теперь необыкновенно прочный и гордый видъ. Вершина башни зубчата, вокругъ ея узкіе окна, въ видѣ бойницъ, внизу, подъ крѣпкими сводами, до сихъ поръ находится помѣстительный обширный погрѣбъ. Какой поразительный контрастъ представляетъ этотъ, всѣми забытый, безстрастный и холодный памятникъ сѣдой старины, съ окружающими его нынѣ лачугами, и съ гнѣздящимися въ нихъ, грязнымъ, хлопотливымъ еврейскимъ населеніемъ.

(Грод. Губ. Вѣд.)

Крайняя степень непогрѣшимости.

Съ собора получены важныя извѣстія, что ультрамонтано-іезуитская партія намѣрена довести вопросъ о папской непогрѣшимости до послѣднихъ выводовъ изъ него. Архіепископъ мехельнскій Дешанъ, одинъ изъ предводителей партіи, стоящей за непогрѣшимость, предложилъ собору 4 новые канона, въ которыхъ защитники правъ, предоставляемыхъ до сихъ поръ епископамъ, предаются проклятію. Вотъ текстъ этихъ каноновъ:

1) Кто скажетъ, что римскій папа пользуется въ церкви правомъ верховнаго суда, но не имѣетъ верховной власти учить, руководить, и управлять церковью, какъ будто право суда можетъ быть отдѣлено отъ этой высшей власти—тотъ да будетъ проклятъ: 2) Кто скажетъ: господство, принадлежащее римскому папѣ, не есть полное, а раздѣленное между святымъ папою и епископами, такъ что епископы, поставленные Святымъ Духомъ для поученія и управленія церкви подъ властію высшаго пастыря—призваны Богомъ принимать участіе въ высшемъ господствѣ главы всей церкви,—тотъ да будетъ проклятъ. 3) Кто скажетъ: высшая власть въ церкви принадлежитъ не главѣ всей церкви, а собранію епископовъ,—тотъ да будетъ проклятъ. 4) Кто скажетъ: хотя римскому папѣ принадлежитъ полная власть руководить и управлять всею церковью какъ вѣрующи-

ми, такъ и пастырями, но не полная власть учить ихъ,—тотъ да будетъ проклятъ.»

Приведенные каноны показываютъ, что папа хочетъ наложить иго на всѣхъ епископовъ; онъ предлагаетъ чрезъ соборъ проектъ, заключающій въ себѣ полное отреченіе епископата въ пользу самодержавнаго, неограниченнаго, непогрѣшимаго папы. Епископы должны признать, что всѣ люди прямо и непосредственно подчинены папѣ; вмѣсто прежней епископальной системы въ въ церкви должна водвориться папальная система. При этой новой системѣ епископату, этому древнему церковному учрежденію, не остается мѣста; епископы превращаются въ папскихъ комиссаровъ, имѣющихъ столько власти, сколько пожелаетъ имъ предоставить папа, и распоряжающихся въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя папа не можетъ имѣть непосредственнаго вліянія; епископатъ не будетъ существовать болѣе; одна ступень церковной іерархіи уничтожится. Лица, имѣющія носить титулъ епископовъ, вовсе не будутъ походить на прежнихъ и настоящихъ епископовъ; право поучать (magisterinm) будетъ отнято у нихъ; они будутъ лишены собственной власти, собственнаго круга дѣйствій; они только будутъ исполнителями обязанностей, наложенныхъ на нихъ папою по своему усмотрѣнію.

Іерархія православной восточной церкви имѣетъ всѣ основанія радоваться, что ея положеніе и было, и будетъ впредь совсѣмъ другое, чѣмъ какое займетъ послѣ провозглашенія догмата папской непогрѣшимости іерархія римско-католическаго міра. Она можетъ спокойно и съ надеждами, на лучшее будущее для себя смотрѣть на совершающееся въ Римѣ, подобно іерархіи англиканской. Относительно взглядовь послѣдней на римскія событія заслуживаютъ вниманія два письма англиканскихъ сановниковъ, интересныя потому, что они характеризуютъ отношеніе англиканскаго высшаго духовенства къ послѣднимъ событіямъ въ Римѣ. Въ слѣдствіе не разъ выражавшагося многими лицами желанія, чтобы англиканская церковь протестовала противъ созванія и дѣйствій собора, епископъ глочестерскій письмомъ спрашивалъ у архіепископа кентерберійскаго, примаса англиканской церкви, совѣта, какъ ему поступить. Архіепископъ отвѣчаетъ, что не считаетъ для церкви необходимымъ протестовать противъ догмата непогрѣшимости, тѣмъ бо-

лѣе, что всѣ доктрины англиканской религіи давно извѣтны всему міру. Далѣе онъ пишетъ: «Съ нашей стороны было бы достойнѣе и разумнѣе предоставить Риму идти своею дорогою. Я предвижу, что, предоставленные сами себѣ сторонники непогрѣшимости надѣлаютъ много вреда своему дѣлу и много пользы дѣлу свободы. Я увѣренъ, что англійскій народъ ожидаетъ отъ насъ только такихъ словъ и дѣйствій, которыя обусловливаются твердою вѣрностію нашимъ старымъ принципамъ въ правилахъ вѣры и жизни; и я не думаю, чтобы христіанская церковь ожидала нашего вмѣшательства въ это дѣло.

Восточные православные епископы имѣютъ еще больше основаній, чѣмъ англиканскіе, ожидать для православія хорошихъ результатовъ отъ провозглашенія папской непогрѣшимости. Епископы римско-католическіе Босніи и Герцеговины сообщили въ Римъ, что ненамѣрены возвратиться на соборъ, «такъ какъ тамъ несуществуетъ свободы преній, и потому они не ожидаютъ ничего хорошаго отъ участія своего въ нихъ.» Можно съ достовѣрностію сказать, что вопросъ о непогрѣшимости встрѣтитъ сильную оппозицію на Востокѣ между тамошними римско-католиками. Среди всего католическаго міра Востока, начиная съ маронитовъ и коптовъ до католиковъ Босніи и Герцеговины, замѣтно движеніе.—«Независимость отъ Рима!»—вотъ ихъ настоящій лозунгъ. Протестантскія газеты выражаютъ надежду, что римская пропаганда на Востокѣ пострадаетъ, а протестантскіе миссіонеры много выиграютъ: послѣднія надежды гораздо больше имѣетъ право питать православная восточная церковь.

(Бирж. Вѣд.)

Текстъ догмата непогрѣшимости.

Въ газетѣ «Volkszeitung» помѣщенъ слѣдующій текстъ догмата о папской непогрѣшимости, въ видѣ приложенія къ главѣ «De Romani Pontificis infallibilitate»: «Сохраняя вѣрность преданіямъ, полученнымъ отъ начала христіанской религіи, во славу Бога и Спасителя, въ прославленіе католической религіи и во спасеніе христіянскихъ народовъ, съ согласія святаго собора мы исповѣдуемъ и опредѣляемъ слѣдующій догматъ, окрытый въ божественномъ открвеніи: Римскій папа обладаетъ, когда

онъ говоритъ ex cathebra, т. е. когда онъ, исполняя обязанность пастыря и учителя всѣхъ христіанъ и, облеченный своею верховною апостолическою властію, опредѣляетъ ученіе о вѣрѣ или нравственности, обязательное для всей церкви, обладаетъ божественною помощію, обѣщанною ему чрезъ святаго Петра, обладаетъ тою непогрѣшимостію, которою божественный искупитель хотѣлъ одарить свою церковь при опредѣленіи ученія о вѣрѣ или о нравственности, и потому опредѣленія римскаго папы неизмѣняемы. Если кто, отчего да сохранитъ Богъ, осмѣлится противорѣчить этому нашему опредѣленію, тотъ да будетъ проклятъ.» Проклятію этому прежде всѣхъ подверглись, конечно епископы, стоявшіе на соборѣ противъ провозглашенія новаго догмата. Но, какъ видно, анаѳема не смутила ихъ. Они обратились къ папѣ съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Святѣйшій отецъ! Въ генеральной конгрегаціи, 1 (13) часла нынѣшняго мѣсяца, мы подали наши голоса по поводу догматической схемы объ устройствѣ Христовой церкви. Вашему святѣйшеству извѣстно, что 88 отцевъ, слѣдуя внушеніямъ своей совѣсти и изъ любви къ святой церкви дали свои голоса за non placet, 62 за placet, но съ измѣненіями выраженій, и, наконецъ, около 70 членовъ конгрегаціи отсутствовали и удержались отъ подачи голосовъ. Къ тому же часть епископовъ еще ранѣе удалились въ свои епископства, за болѣзнію или по другимъ уважительнымъ причинамъ. Вашему святѣйшеству и всему міру было извѣстно, за что мы подаемъ голосъ, и сколь многіе епископы раздѣляютъ наше мнѣніе; мы исполнили лежавшую на насъ обязанность. Съ того времени не случилось ничего, что могло бы заставить насъ перемѣнить наше мнѣніе, напротивъ, произошли многія важныя обстоятельства, укрѣпившія насъ въ нашемъ намѣреніи. Въ слѣдствіе этого, мы объявляемъ и подтверждаемъ голоса, уже поданные нами. Въ то же время мы рѣшаемся не присутствовать больше на общемъ собраніи 6 (18) числа нынѣшняго мѣсяца. Дѣтская любовь и почтеніе, заставившія насъ недавно послать своихъ уполномоченныхъ къ ногамъ вашего святѣйшества, не позволяютъ намъ въ дѣлѣ, касающемся такъ близко особы в. св. публично и въ глаза св. отца сказать nom placef. А между тѣмъ, мы можемъ на общемъ собраніи только повторить мнѣніе, выраженное нами

въ генеральной конгрегаціи. Итакъ, мы немедленно возвращаемся къ нашимъ паствамъ, которымъ послѣ столь долгаго отсутствія наше присутствіе должно быть крайне необходимо, возвращаемся съ грустною увѣренностію, что найдемъ спокойствіе и миръ совѣсти среди вѣрующихъ разрушенными. Мы поручаемъ церковь и ваше святѣйшество, которому клянемся въ неизмѣнной вѣрности и послушаніи, поручаемъ милости и покровительству нашего Господа Іисуса Христа и остаемся в. св. преданнѣйшими и послушнѣйшими сынами.» Слѣдуютъ подписи всѣхъ оппозиціонныхъ и восточныхъ епископовъ.

(Веч. Газ.)

Добрые плоды отъ худаго сѣмени.

Петербургскіе чехи, по поводу провозглашенія папской непогрѣшимости, составили слѣдующее заявленіе.

«Мы, нижеподписавшіеся, сыны чешскаго отечества, имѣемъ заявить слѣдующее всѣмъ любезнымъ друзьямъ и знакомымъ въ нашемъ отечествѣ и между прочими братьями славянами: «Отечество, народъ, славянство—вотъ три путеводныя, свѣтлыя звѣзды на всѣхъ нашихъ путяхъ. Мы питаемъ твердую надежду, что при сіяніи этихъ трехъ звѣздъ, каждый сынъ чешскаго народа достигнетъ той цѣли, которой добивается весь нашъ народъ. Вдали отъ отечества и любимаго нами народа, мы, тѣмъ не менѣе, льнемъ къ нему, и тѣмъ болѣе съ горячимъ чувствомъ пробѣгаемъ страницы нашей исторіи. А исторія наша разсказываетъ, что со временъ святыхъ апостоловъ славянскихъ до нынѣшняго дня, нашъ народъ терпѣлъ со стороны Рима тысячекратное зло и безчисленныя притѣсненія. Римъ вырвалъ у насъ то, что посѣяли святые апостолы наши; Римъ не уставалъ до тѣхъ поръ, пока не погибли тѣ, которые хотѣли оживить и у насъ сѣмя славянскихъ апостоловъ и провозгласить первоначальное ученіе ихъ. Янъ Гусъ и Іеронимъ пали жертвами за то, что хотѣли возродить славянское сѣмя, обновить первоначальную вѣру и возстановить народную церковь, въ которой прочіе славянскіе братья находили утѣшеніе и силу; но самая большая вина ихъ въ глазахъ Рима состояла въ томъ, что они были вѣрные сыны своего народа, что они сочувствовали брать-

ямъ славянамъ и ихъ народной церкви. Наконецъ, на этихъ дняхъ, на нашихъ глазахъ, собрались 600 учителей римской церкви, огромное большинство которыхъ сочло за высшее блаженство исполнить замыселъ своего старшины и приписать обыкновенному человѣку божественное качество—непогрѣшимость. Гдѣ подобныя убѣжденія проповѣдаются, развиваются и всѣми возможными средствами проводятся въ жизнь, тамъ нѣтъ болѣе мѣста и святымъ апостоламъ славянскимъ, равно какъ не было мѣста и нашему Яну Гусу и другу его, Іерониму. Тамъ также и мы не хотимъ имѣть мѣста, а потому заявляемъ всѣмъ любезнымъ друзьямъ и знакомымъ въ нашемъ отечествѣ и между прочими братьями славянами, что *мы по полному нашему убѣжденію, отрекаемся отъ Рима, отъ его ученія и его церкви, во главѣ которой стоитъ богъ, сдѣланный людьми*. Одновременно мы обращаемся къ тому божественному ученію, которое первоначально было провозглашаемо народу нашему, возвращаемся къ вѣрѣ нашихъ предковъ. И такъ, не желая быть членами римской церкви, *приступаемъ отъ полнаго сердца къ народной православной церкви*, прося любезныхъ своихъ друзей и знакомыхъ въ нашемъ отечествѣ и между прочими братьями славянами считать насъ отнынѣ членами этой церкви. Въ этой церкви—мы твердо увѣрены—найдемъ мы, найдетъ конечно, и народъ нашъ утѣшеніе и спокойствіе, чтобъ, такимъ образомъ, одно ученіе было общее всѣмъ славянамъ. Да хранитъ Богъ православную церковь, отечество, народъ и все славянство! С.-Петербургъ 7 (19) Іюля 1870 г.».

(Голосъ).

Ужасное qui pro quo.

Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» пишетъ изъ Ковны, отъ 10-го іюля слѣдующее: «Въ настоящее время весь городъ нашъ взволнованъ весьма груснымъ, возмущающимъ душу происшествіемъ, случившимся 8 іюля. Дѣло въ томъ, что у служащаго здѣсь въ одномъ присутственномъ мѣстѣ г. К—ова было трое дѣтей, изъ коихъ старшая дочь была семи лѣтъ, второй—сынъ четырехъ лѣтъ, а младшая дочь двухъ лѣтъ. Дѣти эти часто страдали глистами, почему родители ихъ обратились къ помощи доктора Я—скаго, который, 25 іюня, про-

писалъ имъ лекарство. Хотя мать этихъ малютокъ и получила лекарство изъ аптеки Ю—евича, по данному ей рецепту доктора, но зная по наслышкѣ, что въ аптекѣ этой бываютъ часто серьезныя ошибки, зашла къ доктору спросить его, можно ли дать дѣтямъ отпущенное ей, по его же рецепту, лекарство. Докторъ оставилъ это лекарство у себя до того времени, пока г-жа К—ова не зашла за нимъ 7 іюля, такъ какъ дѣти опять страдали отъ глистовъ. Докторъ Я—ій возвратилъ ей прежде принесенную ею микстуру нераспечатанною, сказавъ при этомъ, что лекарство это то самое, которое онъ прописалъ дѣтямъ, и что давать его слѣдуетъ. Г-жа К—ова хотя и принесла эту микстуру 7 числа домой, но все еще, по какому-то предчувствію, не рѣшалась дать его дѣтямъ, и только 8 числа, замѣтивъ, что дѣти опять начинаютъ скрежать зубами, рѣшилась въ часъ по полудни, дать каждому изъ трехъ малютокъ по чайной ложкѣ. Хотя дѣти, по обыкновенію, и отказывались отъ предлагаемаго имъ, и даже убѣжали въ садъ, но отецъ самъ привелъ ихъ и почти насильно далъ имъ этой микстуры, каждому по очереди. Едва дѣти успѣли проглотить лекарство, какъ старшая дочь, получившая первая, закричала, что у нея горитъ въ горлѣ, и что она не можетъ дышать, и тутъ же упала на полъ; отецъ поднялъ ее, она была уже мертва. Вслѣдъ за нею упалъ и второй мальчикъ, въ страшныхъ судорогахъ... Отецъ бросился скорѣе за докторомъ, чтобы спасти меньшую малютку, которая получила меньшую порцію этого лекарства, но пріѣхавъ съ докторомъ Я—скимъ, нашелъ только три охладѣвшіе трупа. Малютки умерли въ теченіе двадцати минутъ въ страшныхъ страданіяхъ. Какъ лекарство, такъ и самая аптека были тотчасъ же опечатаны, трупы дѣтей были вскрыты, и при изслѣдованіи оказалось, что вмѣсто прописаннаго Santavinum было положено 12 грановъ стрихнина. Такимъ образомъ, отъ одной ошибки, или лучше сказать небрежности аптекарей и невнимательности доктора, убиты въ теченіе нѣсколькихъ минутъ трое совершенно здоровыхъ дѣтей! Долго ли же, наконецъ, намъ придется быть въ зависимости отъ произвола гг. аптекерей, которые по своей небрежности, къ такому серьезному дѣлу, способны на каждомъ шагу убивать безнаказанно людей! Говорятъ, что судебный слѣдователь горячо принялся за это дѣло, но, къ сожалѣнію,

законъ въ такихъ случаяхъ слишкомъ слабъ въ отношеніи фармацевтовъ. Чето же смотрѣло врачебное отдѣленіе, если этотъ случай уже не первый, и если эти ошибки повторялись уже много разъ, хотя и не оканчивались такою ужасною катастрофою, какъ отравленіе одновременно трехъ человѣкъ? Намъ остается пожелать хотя одного только, чтобы эта аптека замѣнилась другою, такъ какъ она единственная въ новой части города. Вчера въ 11 часовъ вечера былъ выносъ этихъ трехъ малютокъ въ кладбищенскую церковь. Намъ пришлось видѣть болѣе 600 человѣкъ, слѣдовавшихъ за тремя гробиками несчатныхъ жертвъ. Конечно, всѣ собрались для того, чтобы отдать послѣдній долгъ столь рано перешедшимъ въ лучшую, вѣчную жизнь, малюткамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотя немного раздѣлить горесть неутѣшныхъ родителей».

(Вил. Вѣстн.)

ОДЕРЖАНІЕ 6-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1870 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ.**

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛО
И
поступило въ продажу:

ОПИСАНІЕ
ДѢЛЪ ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ АРХИВѢ ВИЛЕНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВА.

СОСТАВИЛЪ

АНДРЕЙ ЭНГЕЛЬ

(при содѣйствіи К. Н. Гомолицкаго).

ТОМЪ I.

Часть 1-ая 1783—1791.
— 2-ая 1791—1794 (содержащая между прочимъ письма и бумаги относящіяся до польскаго возстанія 1794 и до кампаніи противъ Костюшки, съ 1-го апрѣля по 19 мая 1794).

ВИЛЬНА.

1869—1870.

Лица, желающія пріобрѣсти означенное сочиненіе, благоволятъ адрессоваться въ Вильну къ издателю, Андрею Михайловичу Энгелю.

Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.